

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

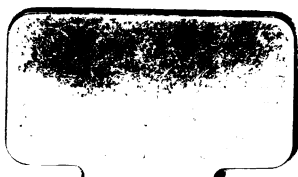
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Vet. DK4. S276. 085

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

И

Евдеемъ Булгаринымъ.

ЧАСТЬ СТО ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1828.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типогра-
фіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь
экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣ-
дуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Декабря
1 дня 1828 года.

Цензоръ Надворный Советникъ

П. Гавевскій.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1828. No. XXI и XXII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Отрывки изъ Романа: *Врачъ Исповѣдникъ*.

(Сочин. Виктора Дюканжа.) (*)

Героиня романа.

Около осьми часовъ утра, сквозь небольшую щель въ ставни, проглянулъ солнечный лучъ въ комнату Доктора Рокевиля, и напомнилъ ему, что пора сойти внизъ къ госпожѣ Марселень.

Я говорю: сойди внизъ, пошому, что уже сорокъ лѣтъ занималъ Докторъ, въ качествѣ постояльца, двѣ комнаты въ шрепльемъ этажѣ наслѣдственнаго дома госпожи

(*) Le Médecin confesseur ou la jeune émigrée. 1825. Изъ этого, очень пріятнаго Романа взяли мы два отрывка. Одинъ знакомитъ съ героиней Романа, молодую эмигранткою, и почти со всеми дѣйствующими въ немъ лицами, а другой, кромѣ очерковъ характера, знакомящихъ съ героемъ Романа, представляетъ очень занимательную сцену изъ революціонной войны.

Марселень, а завтракъ обыкновенно подавали внизу, въ небольшой горницѣ, довольно темной, составляющей заднее отдѣленіе магазина. Эту горницу величали гостиною, пошому что въ ней стояли два кресла краснаго дерева, четыре стула подъ красное дерево, часы съ курантами и два мраморные подсвѣчника съ бронзою. Такія вещи, въ эту эпоху, могли назваться роскошью. Лишь только золошой лучъ солнца коснулся сонныхъ глазъ Доктора, онъ вскочилъ съ постели, шоропливо накинулъ на себя халашъ изъ голубой камки, надѣлъ желтые сафьянные туфли, скинулъ свой бѣлый колпакъ, и нѣсколько припудрилъ оспашокъ рѣдкихъ волосъ на головѣ своей. Тогда, подхвативъ подъ мышку журналы, съ лицомъ, оживленнымъ улыбкою, пошелъ онъ и занялъ свое мѣсто за круглымъ съ мраморною доскою столикомъ, прошивъ госпожи Марселень, копорая въ бѣломъ капотѣ съ шюлевою оборкою, наливала въ фарфоровыя съ золошыми рубчиками чашки горячей кофе, безъ котораго ни одна чеспная душа не можетъ обойтиса въ Парижѣ.

Кажется, не лишнее будетъ сказать, кто таковы эти почтенные люди.

Госпожа Марселень была швея, содержательница магазина, въ улицѣ Сень-Дени, подъ

вывѣскою *трехцвѣтнаго голубя*. Покорно прошу не удивляться и не смущаться: я рассказываю о дѣлахъ, происходившихъ въ IV годъ Республики, во время правленія Исполнительной Директоріи, кошорая, помнишся, была исполнительна болѣе для самой себя, нежели для дѣлъ государственныхъ.

Хозяйка трехцвѣтнаго голубя была дамочка, ведурная собой, кругленькая, добренькая, бойкая и живая, прелюбезнаго характера, прекрасной души и разсудка здраваго, хошя и не очень образованнаго. Торговъ свой ошправляла она искусно, дѣшительно и очень честно: никогда не запрашивала лишняго, не обмѣривала, не скрадывала вершковъ подъ аршиномъ, и за всѣмъ шѣмъ, говоря языкомъ торговцевъ, умѣла набивашъ евой карманъ. Капшшалъ достался ей въ наслѣдство ошъ родителей; въ двадцашъ лѣшъ вышла она за-мужъ, въ двадцашъ семь лишилась, умнаго трудолюбиваго, наилучшаго изъ мужей, а въ продолженіе девашнадцашъ носила уже бремя вдовшва: все эшо доказываешъ, какъ я думаю, что ей было сорокъ шешъ лѣшъ.

Въ эши девашнадцашъ лѣшъ, кошорыхъ нельзя же было все проплакашъ, ушюнала она швердо прошиву всѣхъ предложеній, и

даже противу всѣхъ искушеній втораго брака, не потому, чѣмъ не могла уже нравиться или чѣмъ въ ней недоставало чувствительности (никогда не бывало торговли-швей безъ достаточнаго запаса кокетства); но, потому, что хозяйки шрецишнаго голубя былъ сынъ, котораго она обожала. Этого сына послалъ ей Богъ черезъ годъ по выходѣ за-мужъ, и за нимъ уже не было ни одного плода супружеской нѣжности, слѣдственно онъ вполне пользовался горячностью материнскою; онъ былъ единственною надеждою имени, начерпаннаго золотыми буквами надъ ея лавкою; за то и воспишали его, какъ Принца. Виновать! со всѣмъ неспаси употребилъ это сравненіе, забывши, что въ то время строго запрещалось такъ выражаться. И такъ надобно было бы сказать: господинъ Марселень — нѣтъ, все не то; надобно было бы сказать: гражданинъ Павелъ Марселень былъ вскормленъ республиканскими науками, то есть, какъ молодой защитникъ ошечества, долженствовавшій посвятить Республикѣ, то есть дѣлу публичному, свои таланты и свое мужество. Такъ точно онъ и сдѣлалъ: уже полтора года находился онъ подъ знаменами Бернонвиля, Пишгрю, Бернадошша, Журдана, Моро, Клебера и другихъ респу-

бликанскихъ Генераловъ, кошорые всѣ, вѣвъ предѣловъ Франціи, сражались за свободу, кошорая совсѣмъ не существовала внушри, или только мелькомъ проглядывала, подобно тѣмъ обманчивымъ призракамъ, какіе, подѣ жезломъ магика, шакъ скоро появляющіяся и пропадаютъ, что не успѣешь разсмошрѣшь ихъ, и осшаешься одураченъ. Но возвращимся къ прехцвѣшному голубю.

Такова-шо была госпожа Марселень: нѣжная мать, смышленная продавица, распорядишельная хозяйка, добрая, любезная, умная, и она-шо, въ бѣленькомъ капощѣ, наливала въ эшу минушу кофе своему пошпальцу, сосѣду и нахлѣбнику.

Что касаешся до него, Докшора Рокевиля, сошедшаго съ прешьяго эшажа, въ халашѣ, въ шуфляхъ, съ живою на лицѣ улыбкою и съ журналами подѣ мышкою, онъ просто былъ другъ дома и человекъ, испинно почщенный. По врожденной склонности, посвятилъ онъ себя съ шакимъ рвеніемъ на пользу рода человеческого, что совершенно не имѣлъ времени подумашъ о самомъ себѣ, и невзначай осшался холосшымъ до шесшидесяти лѣтъ, а въ эши годы конечно нельзя уже было и думашъ о женишбѣ. Доходами своими шакже мало онъ занимался, какъ и прекраснымъ поломъ. Охотникъ копатъся

въ книгахъ, онъ еще болѣе былъ охотникъ помогать человѣчеству, и дѣлалъ это съ полнымъ самоопроверженіемъ. Когда сидѣлъ онъ, зарывшись въ книги, ничѣмъ не могли его вышашить, но одно слово о бѣднякѣ, и онъ бѣжалъ опрометью въ опдаленнѣйшее захолустье, на самый высокій чердакъ. Тамъ тошовъ онъ былъ помогать и совѣшомъ и дѣломъ; нерѣдко рецептъ, написанный карандашемъ у изголовья скуднаго ложа, служилъ шолько обвершкою, чшобы пристойнымъ образомъ передать милосшыню убогому. Все это никакъ не могло увеличить его состоянія, но, къ счастью для старыхъ его дней, друзья забошились о немъ болѣе, нежели онъ самъ. Его сдѣлали лекаремъ Парижскихъ шюремъ, и нельзя было выбрать для него лучшаго назначенія: много человѣколюбія за малую плату.

Эшотъ странный человѣкъ, по рѣдкой своей добротѣ, живучи въ уединеніи, шолько вовсе не ошъ мизантропіи, шакъ сдружился съ Марселенями, чшо они привыкли нечувствительнѣю счищать его своимъ родственникомъ. И дѣйствительнѣю онъ былъ для нихъ болѣе, нежели другъ: въ продолженіе шридцати пяти лѣтъ никакое важное происшествіе въ ихъ семьѣ не проходило безъ его участія, шакъ, чшо и радость и

горе ихъ должны были съ нимъ раздѣляться. Сначала прислушсвовалъ онъ и расписался въ качествѣ свидѣтеля, на свадьбѣ Марселеня; потомъ, въ качествѣ акушера, помогаль маленькому Марселеню увидѣть свѣтъ Божій, далѣе, при свяшомъ крещеніи, шоржественно опрекся за него опъ сашаны, и общался пришомъ бышъ ему, вмѣсто опца, въ качествѣ кума его родителей. Черезъ семь лѣшъ, когда неумолимая смершь прикоснулась ледянымъ першомъ своимъ къ одному изъ супруговъ, разлучая два сердца, шоль нѣжно соединенныя, онъ, въ качествѣ лекаря, спарался какъ умѣлъ помочь своему другу, совершенно по совѣсти; потомъ закрывъ ему глаза по всѣмъ правиламъ Гипокраша; потомъ подплакалъ опъ души на его могилѣ, и шакова была добрая слава вдовы, Докшора и всѣхъ вшихъ почтенныхъ людей, даже опъ опца до сына, что никогда клевета не осмѣливалась бросишь и малѣйшей капли своей желчи, на честную семью шрехцвѣшнаго голубя. Эшо не бездѣлица, потому что на улицѣ Сенъ-Дени, идущей опъ засшавы до самаго Шашлеша, и по длинѣ своей, вмѣщающей всякій день, со включеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ, до сорока шысячъ купцовъ разнаго рода, языки приводяшся въ движеніе съ удиви-

тельною дѣятельностью, по крайней мѣрѣ двѣнадцать часовъ въ суши. Сочтите же, если возможно, эшотъ океанъ словъ! Вошь каковъ былъ Докторъ, который держалъ въ рукахъ ушренніа газетъ и, пробѣгая ихъ внимательнымъ окомъ, неперѣливо искалъ подъ спашьями: Кассель, Диссeldorfъ и Кобленцъ, извѣстій изъ арміи, въ которой воевалъ молодой Марселень, между тѣмъ, какъ заботливая хозяйка, угадывая съ улыбкою его обязательное усердіе, мѣшала въ безмолвіи сахаръ въ его чашкѣ. Я не знаю ничего милѣе эшихъ маленькихъ дружескихъ услугъ, кошорыя повтораюшся ежедневно.

Они сидѣли лицомъ къ лицу, прошивъ спеклянной двери, ведущей въ магазинъ; и оба обмакивали кусочки бѣлаго хлѣба въ горячій кофе, какъ вдругъ загремѣвшій звонокъ заставилъ ихъ поднять глаза, и они увидѣли входящую въ лавку молодую дѣвушку.

Роза, дѣвица для прислугъ въ магазинѣ, занимала уже постъ свой; переговоривъ съ пришедшею, она вошла въ заднее отдѣленіе лавки, и, съ небольшою ужимкою досады на лицѣ, доложила госпожѣ, что какая-то дѣвушка хочеть говорить съ нею. „Хорошо, знаю, кто эшо“ — отвѣчала госпожа Марселень, смѣшивъ уже, ошъ чего происходишеть досада Розы: „эшо дѣвица, кошорую требо-

вала я на мѣсто Нашалии; скажи, чтобъ она вошла сюда; не безпокойтись, Докшоръ!“

Роза ворошилась, оставя дверь незапершою, и занявъ прежнее свое мѣсто, очень сухо сказала: „Войдите, я докладывала о васъ госпожѣ.“ Роза имѣла характеръ немножко зависшавый: это и не хорошо, и не рѣдко между дѣвицами.

Молоденькая дѣвушка вошла поспѣшъ, съ робкимъ видомъ, съ пошупленнымъ взоромъ. На ней было синее холстинковое платье, довольно полинялое; пунцовый шелковый шпенсеръ, кошораго рукава по концамъ порядочно были обпершты; большая соломенная шляпка, маленькій плашокъ на шеѣ, перчатки съ дырами на двухъ пальцахъ, и башмаки съ красивою ошорочкою. Хотя нарядъ ея былъ слишкомъ простъ, но за то, весьма опрятенъ и милъ: чулки бѣлые, ножка маленькая, платье хорошо сшитое, шпенсеръ предестно обшягивалъ шалю, а шляпа была украшена новою лентою, но, поля у ней были такъ велики и такъ нагнушы впередъ, что, кромѣ подбородка, совсѣмъ не было видно лица дѣвушки, шѣмъ болѣе, что она очень наклоняла голову, върояшно, изъ стыдливости. Госпожа Марселень заключила, что она должна бытъ дурна собою; но, не могла не замѣшить чудес-

ной стройности ея спана, и какъ со дня на день ожидала она своего сына, а сыночекъ ея былъ малый красивый, очень бойкій и очень готовый на то, чѣмъ любоваться красотою прислужницъ ея, то ей было даже пріятно, что такая видная и ловкая дѣвушка не во всемъ была пѣвучка... О, швей на эшотъ счешъ очень смѣшны!

„Сядьте, милая!“

Дѣвушка взяла спудъ, сѣла, и не сказала ни слова. Докторъ читалъ газету; до него эшо не касалось; госпожа Марселень, какъ женщина съ умомъ, съ опытною и соображеніемъ, дѣлала видъ, будто приходитъ изъ чашки, а сама внимательно разсматривала молодую просительницу.

„Какъ васъ зовушь, душа моя?“

Дѣвушка покраснѣла, нагнула голову, помолчала и потомъ вымолвила съ пренебреженіемъ: „Элизою, сударыня!“

Госпожа Марселень была слишкомъ опытна, чѣмъ остановившись на эшомъ щекотливомъ вопросѣ.

„Сколько вамъ лѣтъ?“

„Семнадцать.“

„Давно ли вы занимаетесь работою въ магазинѣ?“

„Уже... уже... чепыре года, сударыня!“
Эти слова сказала она съ большою заминкою.

„Что жъ вы умѣете дѣлать?“

„Умѣю шить, порядочно вышиваю, шпопаю...“

„Умѣете ли починивать тюль, кружева и дѣлать ихъ за-ново? Безъ этого я бы не могла васъ принять.“

„Я училась этому, сударыня.“

„Кто васъ послалъ ко мнѣ?“

„Я... никто, сударыня... Г. Робино, кошорый держитъ справочное мѣсто, далъ мнѣ прочесть въ газетахъ ваше требова-
ніе, и... и я думала...“ Бвдняжка не могла договорить.

„Въ этомъ еще нѣтъ бѣды, моя милая. Такъ вы были записаны у Робино?“

„Да, сударыня, это мнѣ стоило двадцать пять франковъ (*).“

„Ай, ай! Отъ кого же вы опходите, душенька?“

„Отъ госпожи Вильцкофбретцегемъ.“

„Ахъ, Боже мой, что это? какъ вы сказала, миленькая?“

Дѣвушка повпорила, и какъ ни пріятенъ былъ нѣжный голосокъ ея, но спран-

(*) Не удивительно: Элиза должна была заплашить ассигнаціями, а въ это время 25 франковъ ассигнаціями стоили не болѣе шридацаи копѣекъ.

ность имени возбудила опять крики изумления въ госпожѣ Марселень.

„Но, скажите пожалуйста, что не Христіанское имя?“

„Ахъ, увѣряю васъ, сударыня, что госпожа Вильцкофбренцегемъ очень набожна, и была такъ добра, что каждое Воскресенье водила меня къ обѣднѣ.“

„Къ обѣднѣ, душенька? какъ это возможно? Наши церкви сдѣлались всѣ хлѣбными магазинами или рынками. Вѣрно ваша госпожа знала какую нибудь часовенку на чердакѣ или въ погребѣ, но молебны, кощерыя шамъ возсылаютъ къ Богу, не менѣе искренни. Это хорошо, очень хорошо съ ея стороны; я увѣрена, что это должна быть очень добросовѣстная дама, потому, что старалась внушить вамъ религіозныя чувства. Мнѣ также очень пріятно слышать отъзывы, подобные вашимъ. Все это, милая, дѣлаешь вамъ честь обѣднѣ.“

На счетъ обѣднѣ ни хозяйка, ни дѣвушка совершенно не понимали другъ друга; но какъ ближайшее объясненіе не было необходимо, то первая осмалась при своихъ мысляхъ, а вторая еще болѣе пошупила взоръ свой.

„Гдѣ живетъ эта госпожа Вильц... этого... докобремъ? Я никогда не буду въ

состояніи выговоришь это имя, и никогда не случалось мнѣ слышать его; но теперь столько магазинщицъ! Она вѣрно поргуешь въ улицѣ Муфешаръ или въ Шаронскомъ предместьи?“

„Извините, сударыня, она живетъ въ Бреславѣ, въ Силезіи, на площади главнаго рынка. Это самый лучший магазинъ Французскихъ модъ.“

„Боже мой! Докшоръ, пособище мнѣ пожалуйста! Что это за Бреславъ и Силезія? Не новыя ли предмѣстія въ Парижѣ? Такъ, нынче много спросятъ!“

„Силезія Прусская провинція, которая прежде принадлежала Австріи; она заключается между Польшею, Саксоніей, Богеміей и Венгріей. Это предѣльный край, богатый какъ Фландрія, веселый какъ Турская область; Бреславъ главный городъ ея; онъ больше и лучше, нежели Орлеанъ; отсюда по крайней мѣрѣ приедемъ мнѣ.“

Сказавъ это, Докшоръ принялся покойно за свое членіе, а хозяйка широкъшаго голубя, которая нигдѣ никогда не бывала, кроме Сень-Клудской ярмарки, нѣсколько секундъ осматривалась съ полуошверзнымъ ошъ науманіи рифомъ. Чашка ея повисла на пальцахъ ровно на половинѣ дороги ошъ шела ко ршу, и во капѣ выливался изъ

нея оспальной кофе на блюдечко. „Боже мой, Боже мой!“ вскричала она наконецъ: „шакъ вы издадека, душа моя?“

„За приспа миль опсюда, сударыня?“

„Триспа миль! возможно ли эшо? въ какомъ же дилижансѣ?“

„Я перемѣняла ихъ очень часто, сударыня.“

„Но, послушайте, послушайте, Докшоръ!... Триспа миль! бѣдняжка! и вы живы, цѣлы, васъ не убили! Съ кѣмъ же ѣхали вы такую даль? Вѣрно, съ опщемъ, съ машерью, съ брашьями, съ сестрами, со всей семьей?“

„Одна, сударыня! у меня никого нѣтъ въ свѣщѣ.“

Эши слова произнесла дѣвушка очень прогашельно, шакъ, чшо госпожа Марселень была пошрясена въ душѣ; на глазахъ ея невольно навернулись слезы, кошорыхъ сама она не примѣчала; а Докшоръ уронилъ газетш на споль, и съ удивленіемъ успремилъ ся глазами на дѣвушку.

Привычка молодой дѣвушки наклоняше голову, когда переспавала она говоришь, и большія поля шляпы ея недали и Докшору шакъ же какъ и госпожѣ Марселень, разгла дѣшь хорошенъко чершш ея; но и онъ былъ чрезвычайно изумленъ ея опивною спрой

ностію и благородствомъ осанки ея, при всей скромности, съ какою она себя держала. Нѣжный голосокъ ея произвелъ и въ немъ какое-то невольное умиленіе. Впрочемъ никпо въ свѣтѣ не былъ менѣе склоненъ къ романическимъ чувствамъ, какъ Докшоръ Рокевиль: его лысая голова, довольно пухлое лице и видъ разсѣянности не заключали въ себѣ ничего саншменшальнаго; умъ его никогда ничѣмъ не былъ занятъ, кромѣ изслѣдованія Наукъ почныхъ и идей положительныхъ; но душа его была одарена глубокимъ состраданіемъ къ каждому существу страдающему или несчастному, а сшранный и просподушный ошвѣтъ Бреславской дѣвушки очень походилъ на признаніе въ большомъ злополучіи. „А, а!“ вымолвилъ онъ просяжно, и въ промежутокъ эшого двойнаго восклицанія успѣлъ включить шажелый вздохъ.

Госпожа Марселень, умѣла при всей добротѣ своей и не взирая на чувствво жалости, возбужденное къ ней не менѣе, какъ и въ Докшорѣ, принудити себя казаться равнодушной, научась по опыту въ своей лавкѣ быть недоувѣрчивой и осторожной. Помолчавъ съ минушу, она кивнула Докшору и начала опять разговоръ.

„Все, что говорите вы, моя милая,“ сказала она: „шакъ необыкновенно и странно, что нельзя не попросить у васъ нѣкошорыхъ объясненій, пѣмъ болѣе, что далеко ходишь за справкою къ вашей Бреславской дамѣ. Не правда ли, душенька?“

„Ахъ, конечно, сударыня.“

„Не огорчайтесь же впимъ, душа моя. Скажите: вы Француженка?“

„Да... сударыня...“

„Зачѣмъ же шакъ дрожаешь? Я право не захочу знашь болѣе того, что вы мнѣ сами скажете... Зачѣмъ оставили вы своихъ родителей? зачѣмъ вы были шакъ далеко? за чѣмъ не оспались вы у госпожи Вильц...кроп...коф...все равно; объясните мнѣ что хорошенько.“

„Объяснишь хорошенько, сударыня... не могу; но скажу вамъ все, что знаю.“ И шушь, не швердымъ голосомъ, дрожащимъ все болѣе и болѣе, молодая дѣвушка разказала крашкую испорію, запинаясь каждый разъ, когда приходилось ей вымолвить л.

„Я была сирота... при рожденіи. Одна дама, вдова, иносшранка, жившая въ Парижѣ и желавшая воспитать дѣвочку... не знаю по чему... взяла меня къ себѣ... изъ сиротскаго дома. Она воспитывала меня... какъ мнѣ сказывали, съ большею нѣжностію, но

смерть похишила ее прежде, нежели я была приспособлена... Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда ея не стало. Наслѣдники ея, немѣвѣщіе причины оказывавші мнѣ сшолько же великодушія, ошдали меня въ ученѣе къ швеѣ. Черезъ годъ... я... довольно понаучилась; господа Вильцкофбрешцегемъ пріѣхала, въ это время, въ Парижъ по дѣламъ коммерческимъ; ей захошлось взять съ собою Француженку моего ремесла. Ей сказали... обо мнѣ, я была представлена, имѣла счастье ей понравиться и повѣхала съ нею въ Бреславль... Съ полгода назадъ она закрыла свой магазинъ. Я могла бы оспашься въ Силезіи, но... ахъ, сударыня! я шакъ желала опашь увидѣшь Францію!“

„Бѣдняжка! очень напурально, когда увезли малюшкою! И вы повѣхали сюда однѣ? Стало, у васъ были деньги?“

„Да, сударыня... я скопила понемножку. Ёхавши день и ночь и съ бодшею бережью, мнѣ удалось увидѣшь снова родной мой край.“

„Нѣтъ право, Докшоръ, случалось ли вамъ когда слышашь шакую исторію?“

„Ахъ, сударыня, повѣрьте, что все это правда; вошъ... свидѣшества, апшесшашихъ... и мой пашпортъ... Они могушъ...“

„Боже мой! Я и не сомнѣваюсь...
Какъ вы дрожите, моя милая!“

И точно, при окончаніи разсказа, голосъ молодой дѣвушки шакъ ослабѣлъ, что едва было ее слышно; а подавая бумаги, она чуть могла протянуть руку и держашь ихъ.

„Посмотримъ, посмотримъ, душа моя, чего вы такъ шрусите? Все, что сказано вами, дѣлаешъ вамъ честь и заставляешъ принять въ васъ участіе... Что жъ, ашшешшашъ ваши очень хороши... а паспортъ? Докторъ, вы чашаше по-Нѣмецки; пошрудитесь взглянуть.“

„Въ порядкѣ, какъ нельзя лучше. Дѣвица Элиза, проѣхала черезъ Дрезденъ, Лейпцигъ, Кассель, Дюссельдорфъ... это почти прямая дорога и теперь самая безопасная, по случаю перемирія на всей линіи по Рейну.“

„Э, э, душенька! что вы держите плашокъ подъ шляпою?... вы плачете... Бѣдняжка!... О чемъ же?... Посмотрите пожалуйста, Докторъ, что сдѣлалось съ нею... Я сама шакъ встревожена.“

Добрая госпожа Марселень вспала, одною рукою оппимала она легонько плашокъ, который дѣвушка прижимала къ глазамъ своимъ; а другою развязывала ленту ея большой шляпы; пошомъ сняла ее и ли-

чико молоденькой дѣвушки являлось на показъ.

Сказать ли, что она была прекрасна? но прекрасными называюшь черты обыкновенныя, свѣженькое личико, немножко по-смазливѣе; нѣтъ, эта дѣвушка была образецъ красоты: неподвижныя и покойныя черты лица ея соединяли въ себѣ все, что можно придумать для составленія красоты совершенной; оживясь улыбкою, это личико нѣжное, пѣвнишельное, представило бы всю выразительность Грацій; но таково, какъ оно было теперь, окропленное слезами, съ миловидностію, простодушіемъ молодости, оно выражало всю прелесть благородной скорби богини Ніобы. Госпожа Марселень, при всемъ томъ, что женщина и швей, слѣдственно хоть немного кокетка, отступила на нѣсколько шаговъ отъ изумленія, и смотря на красавицу, оспалась безмолвна; ее, добродушную женщину, приковала къ мѣсту очаровательный взоръ дѣвушки, исполненный благодарности и нѣжности невыразимой. Но вдругъ эта милая гостья схватываетъ руку госпожи Марселень и цѣлуетъ ее съ такою живостію, которую трудно исполковать. „Ахъ!“ восклицаетъ она голосомъ, проникающимъ душу: „простите меня! простите меня!“

Въ чемъ же было просишь эту молоденькую дѣвушку? Не знаю право, приходило ли въ голову госпожи Марселень подумать о томъ, но кажется нѣтъ, поштому, что она съ наполненными слезъ глазами и безъ всякой причины, кромѣ своего внутренняго движенія, обняла молоденькую дѣвушку, и поцѣловала ее, сама не зная, что дѣлаетъ.

Послѣ такихъ объяснѣній, уже невозможно было отвергнуть милую дѣвушку; да и за что жъ? Ничего въ свѣтъ не могло быть прощѣ ея испорченія; ничего уважительнѣе опважности ея, ничего привлекательнѣе всей особы ея. Красота... правда, что красота ея была немножко нехваташи, но развѣ ея вина, что она была слишкомъ хороша для бѣдной сироты? Неужели должно было за то наказывать ее? Не скорѣе ли надобно было за тѣмъ именно принять ее, чтобы не подвергнуть тысячи опасностей, которыхъ, при ея лѣтахъ, при ея простодушіи и прелестяхъ, не могла она избѣжать. Къ тому же, возвращеніе Павла не было слишкомъ вѣрно; онъ не писалъ о томъ положительно, и во всякомъ случаѣ пріѣздъ его будешь конечно извѣщенъ заранѣе; до того времени нѣтъ никакой бѣды принять молодую дѣвушку для услугъ въ

лавкѣ, и когда она поживешь, можно еще будешь поразсудить и опдашь ее въ другое мѣсто, какъ скоро хощь немного окажешься въ ней легкомыслия и кокетства. Но если судить о душѣ и умѣ дѣвушки по ея лицу, то никто въ свѣтѣ не могъ бытъ скромнѣе и сепеннѣе.

Эти размышленія, одно за другимъ, мелькнули въ умѣ госпожи Марселень.

„Вы вѣрно еще не завтракали, душа моя?“ — „Благодарю васъ; я очень шоропилась, чшобъ не опоздашь и не заспашъ васъ въ хлопотахъ.“ — „Садитесь-ка... выпейте чашечку кофе... но... что вы такъ приспально на меня смотрите... и что такъ покраснѣли отъ моего вопроса?“ — „Боже мой! сударыня... я не смѣю сказать... Не возможно, чшобъ я прежде имѣла честь когда нибудъ васъ видѣшь; нѣшь двухъ недѣль, какъ я въ Парижѣ и только два раза выходила къ господину Робиню. За всѣмъ тѣмъ, ваши черты кажутся мнѣ знакомыми... и голосъ вашъ также...“ — „Можешь бытъ я похожа на кого нибудъ изъ вашихъ знакомыхъ.“ — „Ахъ, да, сударыня... вы напоминаете мнѣ черты знакомы...“

Дѣвушка покраснѣла еще болѣе и потупила глаза. Какъ она вообще казалась

очень стыдливою, но и не обратили на это вниманія.

„Вы забыли, моя милая, сказать мнѣ имя той дамы, которая воспишывала васъ до тринадцати лѣтъ.“ — „Имя ея Розбергъ; оно есть въ свидѣтельствѣ.“ — „Ахъ! да, вотъ оно, я проглядела. У кого жъ вы были въ ученѣ, по смерти госпожи Розбергъ?“ — „У госпожи Лебёвъ, въ магазинѣ: *корзинка Флоры*.“ — „Госпожа Лебёвъ! я ее знаю, это былъ прекрасный магазинъ: госпожа Лебёвъ продала его; она теперь въ Пикарди.“

Большая чашка съ золотыми краями, которую дѣвушка въ самую эту минушу подносила ко рту, помѣшала замѣнить, что щеки ея вдругъ поблѣднѣли и потомъ опять заигралъ на нихъ прежній румянецъ.

„Гдѣ вы теперь живете въ Парижѣ?“ — „У госпожи Роланъ, въ Терезинской улицѣ.“ — „Ну, теперь довольно, душа моя! Напившись кофе, подите домой и соберитесь ко мнѣ совсѣмъ... Черезъ два часа вамъ можно ворошиться... Ахъ, я и забыла: все еще вертѣлись у меня въ головѣ, что вы мнѣ рассказывали. Вотъ мои условія; я ничего не могу въ нихъ перемѣнить. Столъ — вмѣстѣ со мною; кваршира, бѣлье будушъ на васъ мышь — больше ничего. Жалованья

присла Франковъ; когда есть работа къ спѣху, случающся и еще маленькія выгоды. Впрочемъ никакихъ преимуществъ: вы будете во всемъ наравнѣ съ дѣвицей Розой; со двора опускашь васъ буду разъ въ двѣ недѣли, и я должна всегда знать, куда вы идете. Согласны ли вы?"

„Очень согласна, сударыня; согласна на все, и если вы позволите, я буду выходитьъ только съ вами.“

„Очень рада! очень рада! вотъ и все, душа моя... Васъ зовущъ Элизой... Роза!“

„Что прикажете, сударыня?"

„Вотъ вамъ подруга; я надѣюсь, мои милыя, что вы точно будете между собою друзьями.“

Роза закусилась себѣ губы, и поклонилась сухо. Новая знакомка ошвычала ей самымъ привѣтливымъ поклономъ; потомъ, обращаясь къ шарому Доктору и къ госпожѣ Марселень, она присѣла передъ ними шакъ мило и съ шакимъ благородствомъ, что Докторъ Рокевиль вдругъ поднялся и заплащилъ ей почтительною уклонкою, а госпожа Марселень совсѣмъ забыла, что видишь передъ собою только свою новую прислужницу, и проводила ее до дверей шакъ вѣжливо, какъ бы кого-либо изъ самыхъ знаемыхъ посѣщительницъ своего магазина.

„Какъ церемонно!“ ворчала про себя Роза. „Скажише, сударыня, откуда явилась эта госпожа? Я не видывала ея ни въ какомъ магазинѣ.“

„Въ самомъ дѣлѣ? очень вѣрю, моя милая! Совѣшую вамъ обходиться съ нею всегда почтительно.“

„Ахъ, Боже мой!... Будьте покойны, сударыня, какъ ея не починашь! Она смошритъ; какъ Принцесса. Это вѣрно какая нибудь знатная барышня.“

„Роза, нельзя ли уволить отъ такихъ замѣчаній! Чшо за умичанье! чшо за характеръ!“

Роза ушла въ лавку, не сказавъ ни слова; шѣмъ не менѣе она умирала отъ зависти, но были кой-какія причины, по которымъ ей не хотѣлось ссориться съ госпожею Марселень.

Я забылъ вамъ сказать, что Розѣ было отъ роду двадцать одинъ годъ; что хотя ножкой своей и ручкой не могла она похвалиться, великоньки были объ, но за то спланъ ея былъ не дурень и грудь полная и бѣлая; лице же — лице не столько прекрасно, какъ приманчиво рѣзкими чертами и ошмѣнною свѣжестью, которая даже могла прослыть за красоту. Большіе черные глаза, очень дивные, украшались парю бровей,

густыхъ и ровныхъ, которые придавали много выразительности ея взгляду, но подчасъ и пугали, когда ей случалось быть сердитой. Только этого никогда не случилось до ошъзда Павла Марселеня. За то, зубы ея были бѣлы, какъ снѣгъ, и всѣ ея маленькія женскія преимущества умѣла она еще возвышать, одѣваясь съ большимъ вкусомъ, причемъ конечно и кокетство не было чуждо. Въ цѣломъ, дѣвица Роза была хорошенькая брюнетка, умѣвшая бойкой фигуркѣ своей придавать много пріятнаго, когда представлялся случай, стоящій того, чтобы немножко поштрафиться любезностію.

У госпожи Марселенъ жила она уже три года; съ большимъ искусствомъ умѣла удалити, выпроводити всякую молоденькую дѣвушку, которую давали ей въ товарищество, никогда не заводила ссоръ и совѣтъ не показывая виду, чтобы это было ея дѣло. Да она была дѣвушка очень смышленная. и года съ полтора выдерживала характеръ веселый, привѣтливый, милый, словомъ самый драгоцѣнный; но послѣ, въ другіе полтора года, и именно съ ошъзда Павла Марселеня въ армію, стали замѣчать въ ней нѣкоторыя ошсупленія; кой-какіе шалости проскользвали, прошивъ ея

воли, и хиурые, косые взгляды, а иногда и сердитые, доказали на ней, что недовольно имѣеть хорошенькое личико, чтобы всегда нравиться. Это замѣчаніе можно примѣнить ко многимъ молодымъ дѣвушкамъ, даже такимъ, которыя предѣстине Розы.

И такъ Роза имѣла шайную причину прикусить себѣ губы и скрыть досаду свою. Не желая ничего скрывать отъ васъ, я скажу, что ея шайная причина и, думаю, достаточная, хотя и несовсѣмъ законная, была та, что Павелъ частенько засматривался на ея тоненькій станъ; что онъ мѣрилъ его иногда своими пальцами; что несравненно чаще, между дѣльемъ, вглядывался онъ въ ея черные, живые, большіе глаза, которые дѣлались томными, и что даже, надобно все высказать, за дверью гостиной, немножко темноватой, уста его нерѣдко прижимались къ розовымъ устамъ, которыя такъ хорошо выказывали бѣлые зубки, манящіе любовь. Все это давало Розѣ нѣкоторыя права, и она ими очень дорожила; и еще болѣе подавало ей надежды, шеперь, когда со дня на день возрастало ожиданіе, что Павелъ, дослужившійся до Капитана, воспользуется временемъ перемирія и получитъ отпускъ въ Парижъ — шеперь конечно! если съ одной стороны естествен-

но было, чтобы игры и смѣхи снова появились на румяныхъ щечкахъ дѣвицы Розы, шѣсь другой оченъ проспительно, что внезапное прибытіе новой прислужницы возбуждало въ ней немножко досады. Не всегда найдешь такого возлюбленнаго, каковъ былъ Павелъ, и никогда столько опасная для него соперница не представлялась для прислуги въ лавкѣ. Какая же, спрашиваю, дѣвушка, двадцати одного года, съ черными глазками, съ личикомъ свѣжимъ и шонкимъ станомъ, именно въ такихъ обстоятельствахъ, какъ была Роза, не почувствовала бы такой же досады или умѣла бы лучше скрыть свое горе?

„Послушайте, Докторъ,“ сказала госпожа Марселень, входя назадъ въ гостиную: „не поспоропилась ли я? не слишкомъ ли тѣспѣшила принять эту молоденькую дѣвушку? Признаюсь вамъ, другъ мой, что она мѣ дала мнѣ времени хорошенько подумать: слишкомъ овладѣла сердцемъ моимъ на счетъ азсудка. Скажите, видали ли кого нибудь релестнѣе?“

„Думаю, что нѣтъ; по крайней мѣрѣ не огу припомнишь.“

„Я желала бы, любезный другъ, чтобы и поспрудились зайти на минуточку къ эшой мѣ Роданъ, въ Терезинскую улицу.“

„Съ большимъ удовольствіемъ. Конечно осторожность ни въ какомъ случаѣ не мѣшаетъ, но я не знаю, почему-то мнѣ кажется напередъ, что вы ничего не услышите о ней дурнаго.“

„Вамъ кажется пошому, господинъ Докшоръ, что она прекрасна, а вы мужчина.“

„Едва ли когда приходишься мнѣ вспоминать, что я мужчина, и пошому совѣтъ не ожидалъ такого упрека,“ отвѣчалъ, смѣясь Докшоръ, и тогда же, очень нѣжно пожалъ руку доброй сосѣдки. Уже болѣе десяти лѣтъ не замѣчалъ онъ въ себѣ такой нѣжности, почему и самъ изумился ей. „Пойду, одѣнусь,“ поспѣшилъ онъ прибавить: „и въ точности исполню порученіе ваше.“

Ровно въ двѣнадцать часовъ явилась новая дѣвица для прислугъ къ господѣ Марселенъ, съ небольшими своими пожитками. Гардеробъ ея былъ не великъ: одно бѣленькое плащиде и столько бѣлыхъ, сколько можетъ помѣститься въ сакешкѣ, связанной чешырьми концами. Все это порядочно свернуто, уложено и заперто въ коробкѣ, нѣсколько болѣе обыкновенной, которую несъ подъ мышкою маленькій Савояръ. Сверхъ того въ носовомъ плащкѣ — женскимъ умѣ-

ишь пряпашъ въ носовой плашокъ всякую всячину, завернушь у нея былъ небольшой сафьянный бумажникъ, заключавшій въ себѣ все ея богатство, именно при ассигнаціи, въ пятьдесятъ су каждая, что по тогдашнему упадку ассигнацій, составляло не болѣе пяти съ половиною децимовъ. Тогда былъ уже шопъ часъ, въ который покупщики шолпами валили въ лавку прехцвѣшнаго голубя, почему пришедшую шопъ-часъ заняли дѣломъ: помѣсивъ ее подлѣ Розы, и давъ ей въ руки аршинъ, сказали ей: „Служи, будь вѣжлива, внимательна, предупредительна; все слушай, на все ошвѣчай, все исполняй; чшобъ улыбка не сходила съ устъ твоихъ, все дѣлай весело, распоропно и съ готовностію. Это лучший способъ заманивать въ лавку покупателей.“ Для этихъ правилъ готовъ былъ и примѣръ, въ дѣвицѣ Розѣ: она ошвѣчала на десять вопросовъ вдругъ съ удивительною ловкостію; казалось, угадывала желанія, вкусъ, прихоти покупателей, различныя мелочныя ихъ надобности; всѣмъ служила она съ такою распоропностію, что какъ будто разрывалась и была вдругъ во всѣхъ концахъ магазина.

Хозяйка прехцвѣшнаго голубя была, съ своей стороны, не менѣе внимательна, лас-

кова; съ улыбкой на устахъ и съ деньгами на ладони, она принимала, сдавала, расчислявалась и не ошибалась даже въ сантимъ, какъ бы ни были мелочныя дробы, и все это какъ будто совсѣмъ о томъ не помышляя, а напрошивъ, спрашивая въ то же время о здоровьѣ родственниковъ, дѣшей и друзей и всегда впопадъ, безъ ошибки, точно будто бы всѣ лица въ Парижѣ и въ его окрестностяхъ были врѣзаны въ ея памяти. При томъ не забывала она дѣлать привѣдливую уклонку каждому входящему и выходящему, съ обыкновенною поговоркою: „здесь все изволите найти за сходную цѣну; останетесь нами довольны.“ Дѣвица Элиза, не безъ смущенія бросила взглядъ на хозяйку, которая ободрила ее улыбкою; и на Розу, которая по движенію гордосши и зависши и боясь, чтобы ее не перещеголяли, удвоила свое стараніе всѣмъ угождать и всѣмъ нравиться. Ахъ, она боялась напрасно! Въ лавкѣ набралось уже до двадцати особъ, которымъ надобно было служить всѣмъ вдругъ. Элиза принялась подражать двумъ оплячѣйшимъ образцамъ своимъ.

„Послушайте, мамзель: опрѣжьте мнѣ два аршина лентъ bouton d'or; смѣрьте поскорѣе, я очень тороплюсь. — Мамзель! при чѣтверти аршина широкаго шюля, да по-

скорѣе: мужъ дожидается меня въ каретѣ — Мамзель, перкалю! покажите мнѣ шрехъ сор-повъ. — Мамзель, Гренобльскихъ перчашокъ; пожалуйсша самыхъ тонкихъ; посмотрише мою руку, помѣрьше. — Мамзель, шесть аршинъ ситцу, вонъ этого, вонъ этого, съ большими цвѣтами. — Мамзель, поди сюда. — Мамзель, вѣдь я вамъ первая приказывала. — Что жъ вы дѣлаете, мамзель? вы мнѣ дали шесть аршинъ зеленыхъ леншъ, я просила только два и не этого цвѣта. — Осторожнѣе, ассигнація упала; вы мнѣ дали только десять су! — Сколько мнѣ нужно аршинъ для плащя à l'enfant; мнѣ хочется съ открытой шеей, безъ рукавовъ; я не велика ростомъ и очень тонка; посмотрише, мамзель. — Да послушайте же, мамзель!...“

Бѣдная мамзель не знала, кого слушать, не знала кому ошвѣчать; она оробѣла, видя столько людей; вопросы почти оглушили ее; она все перемѣшала, все перевернула, сама не знала что дѣлаетъ; подала тюлю дамъ, которая просила перкалю; салфетки шой, которая хотѣла леншъ, и чепецъ à la Fanchon поднесла высокому франшу, который просилъ Гренобльскихъ перчашокъ; она мѣрила, не считая, ошибалась, начинала снова, хотѣла говорить со всѣми и ни кому не ошвѣчала; покраснѣвъ до ушей и

не помня сама себя, она миновъ десять оставалась въ бездѣйствіи. „Боже мой!“ сказала она печально, и слезы навернулись на глазахъ ея: „прошу васъ, дайше мнѣ время опомнишься, я все перезабыла, чего вы шребуете.“ — „Эшо совсѣмъ неопытная дѣвушка!“ закричали шумъ со всѣхъ сторонъ. „Она вѣрно совсѣмъ не занималась еще своимъ дѣломъ. Она не умѣетъ ни мѣрять, ни счищать. Какъ эшо неприлично, имѣть дѣло съ такими несвѣдущими. Пожалуйста, Роза, вопъ чшо мнѣ надобно. Вамъ, госпожа Марселень, надобно было бы выбирать себѣ знающихъ дѣвушекъ.“ — „Увѣряю васъ, чшо я думала... право шакъ... она мнѣ сама сказала... Какъ можно шакъ ошибиться... Я въ опчаяніи... Роза, пожалуйста служи ты всѣмъ.“

Роза бросила на несчастную Элизу презрительный взглядъ, за кошорымъ послѣдовала улыбка шоржества; она вырвала аршинъ изъ рукъ ея, сказавъ: „садишесь на мѣсто; вы не въ состояніи...“ Элиза смутилась и зашрепетаала; она стояла еще у коншорки, одною рукою опершись на нее.

„Однако вы прелесныи какъ ангель, кланусь чесшію,“ сказалъ ей франшъ, картава и поднимая галсхухъ до верхней губы: „пусшь эши злые дзыки говорашъ, чшо.

удотно, а мнѣ хочешся непременно изъ вашихъ прекрасныхъ ручекъ получить Гренобльскія перчатки; ну, право, ручки ваши — предестъ!“ И Франшъ, въ слѣдъ за вашимъ прищорнымъ комплиментомъ, взялъ очень свободно руку Элизы, дѣйствительно прекрасную. „Оставьте меня! оставьте меня, сударь!“ вскричала дѣвушка съ живостью, покраснѣвъ еще болѣе и пришедъ въ такое смущеніе, что не смѣла поднять глазъ.

Тутъ госпожа Марселень уже не выдержала; ея нервныя истощилось. До того времени она только немножко кусала себя губы, и не хотѣла дать полного пріума Розѣ, которая безъ того не могла скрывать своей радости. Но, теперь, замѣшивъ невѣжливостъ дѣвушки передъ молодымъ Франшомъ, хозяйка прехвѣшнаго голубя съ досадою произнесла въ полголоса: „глупенькая! дикарка!“ и обойдя вокругъ магазина, взяла Элизу за руку; пошомъ, гоня ее шиконько въ заднюю комнату, сказала: „Видно ваша госпожа Вилькокробрезень имѣла дѣло только съ волками, и вашъ городъ Бреславль тоже какой-нибудь Лимузенской деревушки,“ что вы такъ неловки и неучивы; оставайшесь шамъ, мамзель, и не приходишь въ лавку. „Съ этими словами, хозяйка, впрочемъ очень добрая женщина, почти вполнѣ

нула бѣдную мамзель, споль благородную по виду и осанкѣ, въ небольшую темновашую гостиную; потомъ заперла за нею дверь, и съ улыбкою на лицѣ, какъ ни въ чемъ не бывала, возвратилась на свое мѣсто, чшобы снова начать свои услуги приходящимъ. „Надобно прогнать эту дѣвушку!“ говорила она въ самой себѣ, удерживая вздохъ: „жаль! она было мнѣ понравилась.“—„Теперь я навѣрное ошдѣлалась отъ этой выскочки съ дворянскими ухватками и съ видомъ Принцессы,“ говорила въ самой себѣ Роза, съ блистающимъ радостію лицомъ: „Я очень рада, что успѣла скрыть, какъ она мнѣ не нравится; по крайней мѣрѣ не въ чемъ упрекать меня.“

Продажа продолжалась очень живо до чешырехъ часовъ. Никогда Роза не бывала такъ любезна, такъ распоронна, такъ внимательна. „Какая славная у васъ дѣвица для прислугъ!“ говорили покупщицы госпожѣ Марселень, при расчешахъ съ нею. „Я иногда ею довольна“ отвѣчала та сухо и опривисто, не усиливая похвалы ласковымъ взглядомъ. Госпожа Марселень была нѣкоторымъ образомъ разсержена, унижена паденіемъ своей любимицы, и шоржествомъ Розы. Малеккія спрасши человѣческія! Гдѣ васъ нѣтъ! гостинныя, какъ и магазины;

управляюшся не иными бездѣлушками! Нѣкто, великій Министръ, сказалъ, что сердце человеческое подобно колодезю въ пустыняхъ Америки, на днѣ кошораго скрывается крокодилъ. Это меня напугало. Я старался заглядывать въ сердца сосѣдей своихъ, старался заглядывать въ сердца сосѣдокъ, и никогда не видалъ тамъ ничего, кромѣ гремушекъ, кошорыхъ шумъ опъзывается немного пустошю. Мое открьтiе, по несчастiю, не есть романшическое, почему ему нельзя ожидать успѣха.

Когда поуменьшилась толпа въ лавкѣ, и покупщики спали являшся по одному, по два, слѣдственно, въ сравненiи съ прежнею свалкою, ничего не значило, удовольствовашъ ихъ вполне, госпожа Марселевъ, жестоко огорченная и шѣмъ болѣе спрадавшая, что старалась скрыть свою досаду, почувсвовала необходимость хоть сколько нибудь утѣшишся и отдохнушь, для чего и вышла въ небольшую темновашую гостиную. Она не бросила ни одного взгляду на бѣдную Элизу, не сказала ей ни слова — хотя именно для того и ожидала съ большимъ нетерпѣнiемъ той минуш; когда можно будешь выйши изъ лавки, и не премѣнно хотѣла помышъ хорошенько голову своей новой прислужницѣ. Прежде

всего поправила она подсвѣчники на каминѣ, кошорые стояли непорядочно; пошомъ прѣспавила къ стѣнѣ стулья, изъ кошорыхъ ни одинъ не былъ посшавленъ на свое мѣсто; пошомъ кашалнула она раза два, при, подвинула въ уголь круглый столъ. „Извольше думашь,“ говорила она въ самой, себя съ безпрерывно возрасшашею досадою: „вѣдь вша дурочка не хочешъ даже пособишь мнѣ привести въ порядокъ горницу, не хочешъ двинушся съ мѣста! Куда какая знашная барыня! Не умѣшь смѣрять аршина ленишъ! Разсердишся на молодого человека, на вершопраха, за шо, чшо прикоснулся къ ея пальчикамъ!... Она споишъ себя въ углу и горя мало: не скажешъ ни словечка, какъ будто бы я должна у нея просишъ извиненія. Нѣшъ, вшо ужъ слишкомъ! Тушъ недосшанешъ никакого шерпѣнія!“

Госпожа Марселень съла прошивъ шого стула, на кошоромъ сидѣла безмолвно и неподвижно молодая дѣвушка, съ пошупленными глазами и съ бѣлымъ плашкомъ въ рукахъ. Эши былъ самый шемный уголь въ комнашѣ, шакъ, чшо днемъ едва можно было видѣшъ чершы лица; сюда, впрочемъ безъ наиѣренія, шокнула госпожа Марселень Элизу, когда вывела ее изъ лавки нѣскольکو жестокимъ образомъ, и съ шѣхъ-шо поръ,

около трехъ часовъ, Элиза не двинулась съ мѣста и не перемѣнила положенія. „Эпо какой-то опрубокъ, чурбанъ,“ думала госпожа Марселень: „настоящая кукла, чѣмъ только поставишь за стекло. Нѣтъ, надобно съ нею разспаться, надобно прогнать ее... Послушайте, сударыня!“ вскричала она наконецъ такимъ тономъ, которымъ прошивъ води выражалъ всю ея досаду, и какой обыкновенно бываетъ предвѣстіемъ сильной бури: „послушайте, сударыня, съ чего вздумалось вамъ увѣрять меня, что вы были воспитанницею госпожи Лебефъ, и что вы чепыре года служили въ большомъ магазинѣ — это право непонятно — что, право, странно...“

Буря спала утихавъ, вѣтеръ перемѣнился, и хотя глухо опзывалась еще гроза въ глубинѣ раздраженной души госпожи Марселень, но едва ей самой было это слышно. Голосъ ея совершенно измѣнился въ тонѣ и выраженіи, и она заключила рѣчь свою борющаньемъ: „Вы сами должны знать... и чувствовашъ... душа моя... ну, посмотришь, посмотришь, поговоримъ немного.“ Опъ чего же произошла эта внезапная перемена?

Съ первыхъ словъ: послушайте, сударыня, произнесенныхъ госпожею Марселень

громкимъ голосомъ и съ видомъ суровымъ, Элиза поднялась и подошла на нѣсколько шаговъ. Свѣтъ, проходящій изъ лавки черезъ стеклянную дверь, завшенную шафшою, упалъ на лице ея: оно было все въ слезахъ. Тогда-то голосъ госпожи Марселенъ понизился цѣлымъ тономъ; впрочемъ она все-таки продолжала, какъ вы видите. Молодая дѣвушка подняла глаза; взоръ ея устремился на госпожу Марселенъ, съ умиленіемъ, съ раскаяніемъ, съ горестію, какихъ я не умѣю описать; глаза ея были прекраснѣйшіе въ свѣтѣ: мужчину лишили бы они разсудка, госпожу Марселенъ лишили только бодрости, но ужъ бодрость оставила ее совершенно. И если пошъ же часъ не взяла она ее за руку, чѣмъ, вмѣсто брани, успокоить и приласкать, это единственно потому, что ея самолюбіе было слишкомъ оскорблено передъ дѣвицею Розою, и потому, что не могла найтись она вдругъ, какимъ образомъ согласить обязанности госпожи въ пользу своего заведенія съ наклонностію своего сердца.

„Ну, милочка... обопри же свои слезы.... Ахъ, Боже мой, весь плащокъ измокъ!“

„Эшо ничего, сударыня: я много пролила ихъ въ своей жизни. Прошу васъ“

только простишь меня, извинишь! я была так смущена!... я... я не имѣла... не имѣла привычки служить въ магазинъ... Но я привыкну, сударыня: увѣрю васъ, что за службу шу благосклонность, которую вы мнѣ оказываете; ахъ, не отсылайте меня, я не найду никого, кто бы вамъ былъ подобенъ. Если вамъ угодно, сударыня, я не буду получать ничего, пока не сдѣлаюсь вамъ столько же полезною, какъ дѣвица Роза.“

Госпожа Марселень повернулась тогда къ камину, и опять спала переспававливать подсвѣчники; ей не хотѣлось, чтобъ ея прислужница видѣла слезы, навернувшіяся у нея на глазахъ. Черезъ минушу она опять обернулась къ ней съ усмѣшкою на лицѣ. „Накрывайте на столъ, душа моя; сегодня ваша очередь; завтра будешь Роза.“ — „Я буду накрывать каждый день, сударыня; дѣвица Роза вамъ полезна въ лавкѣ.“ „О нѣтъ... я не хочу. Ну, тамъ посмотри... Посойте... выносите столъ слишкомъ тяжелъ для васъ.“ Госпожа Марселень позвонила, вошла дородная служанка. „Жанеша, помоги накрывать на столъ...“

Г е р о й р о м а н а.

Чишашель! помнише ли вы маленькаго семилѣшняго мальчика, черноглазаго, краснощекаго, съ Греческимъ носикомъ, рѣзваго и упрямаго, какъ амуръ, того, который заставлялъ гоняшся за собою всѣхъ женщинъ старой Баронши въ паркѣ Фруадмануарскомъ; который не хотѣлъ поцѣловать Клопильды, потому что она была очень мала, когда появилась на свѣтъ, а предоставилъ себѣ поцѣловать ее послѣ; который, послѣ крестинъ, уѣхалъ съ Докторомъ Рокевилемъ, философомъ, оригиналомъ и филантропомъ? Вы помните, что вътошъ маленькій шалуны, которымъ шакъ восхищалась госпожа Куавель, въ свои счастливые дни, назывался Павломъ Марселемъ; что онъ былъ сынъ, единственный и любимый сынъ милой и любезной швеи, жившей въ Сень-Денисской улицѣ; что будучи воспитанъ сообразно духу времени, то есть какъ молодой папріошъ, какъ гордый республиканецъ, онъ вступилъ подъ знамя прехцвѣнное, чшобъ сражашся съ Пруссакими и Ганноверцами, забывъ для славы прелестные черные глазки дѣвицы Розы и ея коралловые уста, которые раза два, при цѣловаль за дверью, и пожершво-

вавъ опечеснву ласками и слезами нѣжнѣйшей своей машери?... Вы помните? Я очень радъ. Изъ всѣхъ лицъ, кошорыи мы видѣли мимоходомъ, это одно оспавалось немного забышо. Но зачѣмъ забывашь! Павеъ намъ хорошій пріятель.

Осправясь проешымъ солдашомъ, по призыву закона и опечеснва, Павеъ Марселень былъ уже шеперь Капишаномъ, а Капишаномъ сдѣлаался онъ пошому, что былъ храбръ, исполненъ рвенія, смышленъ и всегда первый шелъ въ огонь: желаю шого же всякому изъ молодыхъ моихъ чипашелей. Но его добрыя качества не ограничивались шолько храбросшью и способносшями воинскими. Живосшъ разсудка, простосердечіе, рѣшительносшъ характера и вмѣсшъ крошосшъ и чувствительносшъ, какія оказывались въ семилѣшнемъ мальчикѣ, ни мало не уменьшились, а развились еще болѣе. Прекрасныя чершы лица его сдѣлались еще прекраснѣе, правильнѣе, выразишельнѣе; словомъ, семилѣшній мальчикъ, хорошенекій и удалой, сдѣлаался шеперь мужчиною двадцати пяти лѣтъ, кошораго взоръ блисналъ огнемъ славы и любви, кошораго улыбка выражала и нѣжносшъ и оспроуміе, и кошорому военный нарядъ придавалъ еще болѣе наружной красоты, обрисовывая гибкій и спройный станъ.

Павель, по необходимости, былъ свѣдѣтелемъ шѣхъ кровавыхъ позорищъ, кошорыми, къ несчастію, съ перваго шага, обозначился бурливый ходъ революціи, и кошорыя, запечатавшись надоаго въ памяти людей, набросила шѣни ужаса и омерзѣнія на умы высокіе и добродѣтельные, начавшіе неизбѣжную реформу, но немогшіе ошановишь крайностей. Слишкомъ молодъ, чшобъ ипши однимъ пушемъ съ людьми благородными, слишкомъ рачительно воспитанъ, чшобъ внасть въ заблужденіе съ мятежниками, Павель не принималъ ни въ чемъ участія, ни въ дни шоржества, ни во дни печали. Опъ Доктора пользуясь совѣщомъ, опъ матери, въ кошорой видѣлъ для себя превосходный примѣръ, наслѣдовое чувства крошости и челоуколюбія, онъ пріобрѣлъ опъ перваго разсудительность основательную, а опъ второй научился гнушаться насиліемъ и пресшупленіемъ. Сердце его было шакъже чисто, какъ и руки; ешественно, чшо напишался онъ мнѣніями той эпохи, въ кошорую образовались умшвенныя его понятія; но восхищаясь мудростію и добродѣтелью Бааи, онъ шрепешалъ опъ ужаса и шпыда при кровавыхъ сашурналахъ девяности прехъ палачей; на-конецъ слава зажгла всю его душу; чешь

народная, повсюду посрамлявшаяся, удалась под знамена: онъ это видѣлъ и съ радостію самъ полетѣлъ къ нимъ.

Онъ былъ Капишаномъ въ корпусъ Масскихъ стрѣлковъ, полкъ его составлялъ тогда часть Сѣверной арміи. Когда заключено было перемиріе 29 Января, Австрійская армія заняла кварширы на правомъ берегу Рейна, а Французская на лѣвомъ, замыкаясь, въ одномъ направленіи Маса и Мозелемъ, а въ другомъ протягиваясь до самаго Спразбурга. Въ сихъ различныхъ военныхъ позиціяхъ Павелъ стоялъ со своимъ полкомъ между Юлихомъ, Дюссельдорфомъ и Кобленцомъ, въ окрестностяхъ городка Нейсса, на нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ отъ главной кварширы Генерала Бернонвиля, и не болѣе какъ на четверть мили отъ аванпостовъ Австрійскихъ.

Три арміи составляли Французскую лицію на Рейнъ. Армія Самбры и Маса, предводимая Генераломъ Журданомъ, подъ командою котораго находились Клеберъ, Марсо, Бернадошъ (нынѣ Король Шведскій) Лезебръ, Гренье и Шампионе. Армія Рейна и Мозеля, подъ предводительствомъ Моро, командовавшаго Генералами Дезе, Дельма, Сень-Сиромъ, Сень-Сюзанемъ и Лекурбомъ; и армія Сѣверная, подъ начальствомъ Бер-

нонвѣля, у котораго находился и полкъ Павла.

Австрійская линія, для наблюденія нашей, состояла изъ двухъ большихъ дивизій: Нижне-Рейнской, проспировавшейся далѣе Дюссельдорфа, подъ командою Принца Карла, и Верхне-Рейнской, подъ начальствомъ стараго Фельдмаршала Вурмзера.

Такъ расположены были обѣ арміи въ Апрѣль 1796, по случаю перемирія, утвержденнаго 29 Января. (*) Театръ настоящей войны былъ тогда въ Италіи; тамъ Бонапарте, дошолъ предвозвѣстившій только о шансахъ своихъ, начиналъ свое воинское поприще чудесами. Чернь пикилась уже надеждами, что мечъ его упрочитъ свободу Франціи, но люди прозорливые вскорѣ увидѣли, что онъ обратится въ скипетръ въ его желѣзной рукѣ.

И такъ на всемъ пространствѣ Рейнскихъ береговъ было водворено спокойствіе; громъ пушекъ умолкъ; начались веселости и танцы; полковая музыка, вмѣсто маршей, зовущихъ на сраженіе, играла только серенады красавицамъ. Всѣ деревенскія дѣвушки чистенько умывали въ ручьи руки и лица

(*) Это перемиріе продолжалось до Іюня, то есть болѣе чепырехъ мѣсяцевъ.

свои, немного загорѣлыя, но румяныя, какъ персики, и одѣвались въ лучшенькія праздничныя плашья, чшобы прилично явиться на рынокъ съ масломъ и свѣжими лицами. Во всѣхъ городахъ, на шомъ и на другомъ берегу, офицеры, сообразно съ званіемъ и доспашкомъ каждаго, давали пирушки, балы, концершы, на кошорыхъ съ радостію являлись молодыя красавицы, увѣнчанныя цвѣтами. Дѣвицы восхищались, плѣнялись, очаровывались; маменьки хлопошад и выбивались изъ силъ; мужья досадовали; влюбленные проклинали, въ бѣшенствѣ, и Терпси-хору и Беллону; гордые сыны Марса, опшавшіе, заманчивые, непреодолимые, пожинали розы, посѣянные любовью и наслажденіемъ; а философы, кошорые лучше всего умѣють предвидѣшь послѣдствія, наблюдая причины, соображали вздохи мужей, круги вальсовъ, умильные взгляды красавиць, и говорили: весьма справедливо, полезно и необходимо, чшобъ разрушительная война возвратила сама собою то, чего она спойшъ. Всегда философы ищуть хорошей спороны вещей, и уже конечно не ихъ вина, если бывають шакія, изъ кошорыхъ ни мудрость человѣческая, ни самая природа не могушь извлечь ничего полезнаго: да будущъ онъ прокляшъ!

Вамъ извѣстно, чинапель, что офицеры двухъ непріятельскихъ армій бывають врагами только на полѣ битвы когда же замолкъ шумъ оружія, они, помня, что всякой изъ нихъ человѣкъ, сходятся, обнимаются дружески, дѣлаются братьями, и пьютъ изъ одного бокала, пошому что уважають другъ друга взаимно.

Солдашы двухъ армій, выдавшіеся близко на полѣ сраженія, переглядывались съ одного берега Рейна на другой, разговаривали знаками, забавлялась шутками, не совсѣмъ скромными, копорыя обыкновенно оканчивались громкимъ хохотомъ, а пошомъ пили за здоровье другъ друга. Молодые же офицеры, смѣняясь въ одни и тѣ же часы съ постовъ, находящихся въ близкомъ разстояніи между собою, раскланивались, разговаривали дружески и, если позволяло мѣсто, подчивали другъ друга рюмкою вина, выпивая съ желаніемъ скорѣйшаго мира и взаимнаго дружества націй. Мало по-малу такіа сходки спали дѣлались чаще; въ такихъ связяхъ было что-то заманчивое, по самой ихъ спранныости; между нѣкоторыми офицерами завязалась искренняя дружба, и перемиріе, продолжаясь, давало возрастать симъ дружескимъ связямъ, основаннымъ, по-нши можно сказать, на оспрѣѣ меча.

Повсюду человекъ военный весель, любящъ забавы и ходокъ на приключенія. Празднoсть заставляешь пользоваться всякимъ случаемъ или даже выискивать и зашѣвывать что-либо, могущее занять его дѣятельность, которая обратилась въ снѣхъ жизни его. Нѣкоторые изъ молодыхъ Французскихъ офицеровъ, всегда готовыхъ лезть къ удовольствію, какъ и на битву, уже не разъ перескакивали линію, и ходили въ снѣхъ Австрійцевъ, чтобы повалясировать съ прелестными Нѣмочками, при звукахъ военной музыки Принца Карла. Неменьше довѣрчивые къ честности и добросовѣстности своихъ противниковъ, Австрійскіе офицеры также приходили танцовать англезъ и Французскій ригодонъ, въ Крефельдъ, Нейсъ и другіе города и деревни, занятые республиканцами, гдѣ были всегда принимаемы, угощаемы и чествуемы со всею любезностью и добродушіемъ, какія свойственны Французамъ. Съ той и съ другой стороны восхищались радушіемъ, котораго обмѣнъ становился чаще и чаще; какая-то таинственность въ сближеніяхъ сего рода, преявлявшаяся, которыми начальники нарочно и весьма благоразумно затрудняли ихъ, чтобы не дасть имъ переродиться въ опасное злоупотребленіе, все это увеличивало только

самое наслаждение и давало ему большую цену. Всякой зналъ, что такіа дружескіа сходы, если не запрещающа и не наказывающа, то по крайней мѣрѣ шерпимы только по снисходительности, и всякой тѣмъ болѣе дорожилъ ими.

Однажды, послѣ нѣсколькихъ приглашеній и угощеній со стороны Французскихъ офицеровъ, господа Австрійцы вздумали сравняшься съ ними или даже превзойти ихъ въ вѣжливости. Они, общими силами, заѣхали большой пиръ для Дюссельдорфскихъ дамъ, и двадцать приглашенныхъ билетовъ послали въ лагерь Генерала Берновиля для молодыхъ Французскихъ офицеровъ, копорымъ на сей разъ неумолимыа обязанности военной службы позволяшь удалишься отъ пословъ ихъ. Въ письмахъ сказано было, что на такое приглашеніе выпрошено согласіе Австрійскаго начальства, что о томъ дано знашь на аванпостяхъ, и что гости приняты будутъ со всѣми почестями, какихъ они заслуживають.

Эти приглашенныа билеты, съ подписью людей извѣстныхъ и уважаемыхъ, тотчасъ разошлись по рукамъ въ лагерь окрестностей Нейса. Молодые офицеры переслали одинъ изъ нихъ въ главную квар-

ширу, и умѣли сдѣлать искуснымъ образомъ, что онъ попался на глаза Главнокомандующему. Имъ хотѣлось угадать мысли его, и сообразоваться съ ними въ томъ, какъ должно поступить. Генералъ улыбнулся, замѣшивъ хитрость, и видя въ то же время покорность офицеровъ. Спрячавъ билетъ въ карманъ и узнавъ подъ рукою, въ чемъ состояло дѣло, онъ роздалъ приказаній болѣе обыкновеннаго, самъ назначилъ многихъ офицеровъ къ разнымъ должностямъ, именно тѣхъ, коимъ онъ не разсудилъ дать свободу, не ожидая, чтобы они воспользовались ею благоразумно, и такимъ образомъ, не подавая виду, распорядился, чтобы не болѣе двѣнадцати человекъ, самыхъ умныхъ и осторожныхъ могли располагать собою, а самъ сѣлъ на лошадь и уѣхалъ со своими Адъютантами осматривать отдаленную часть линіи. Между тѣмъ Майору было уже отъ него предоставлено дать нѣкоторую свободу тѣмъ изъ офицеровъ, которые должны были въ караулъ или на дежурствѣ не ранѣе, какъ на другой день около полудня. Въ этомъ состояло все позволеніе, какое было нужно. Черезъ часъ по отъѣздѣ его, человекъ двѣнадцать, одинъ за другимъ, постыжили Майора; каждый получилъ отъ него позволеніе и при томъ наставленіе,

какого благоразуміе шребовало. Въ шесть часовъ по полудни двѣнадцать прекраснѣйшихъ республиканскихъ офицеровъ, изъ окрестностей Нейса и Крефельда, переша черезъ Дюссельдорфскій мостъ, а въ десять часовъ вечера они танцовали уже съ предѣстнѣйшими женщинами города, и пили пуншъ съ офицерами Принца Карла, во славу храбрыхъ всего міра.

Не вздумайте, читатель, осуждать въ семь случаевъ поступокъ Главнокомандующаго одною изъ армій республики; его молчаніе, снисходительность, ловкость, съ какою допускалъ онъ позволеніе сближенія такого рода, имѣвшія цѣлю только забаву, были можетъ быть, послѣдствіемъ соображенія основательнаго. Когда и есть какое нибудь неудобство въ дружескихъ сношеніяхъ между двумя арміями, долженствующими встрѣтиться враждебно на полѣ брани, то вѣрно не для такого воина, который сражается за свое опечество; ибо если онъ и воспламенитъ кого-либо огнемъ, его одушевляющимъ, то конечно въ пользу своего же дѣла.

Дюссельдорфскій балъ не могъ кончиться ранѣе разсвѣта: положено было протанцовывать всю ночь. Въ самомъ жару танцевъ и удовольствія, одинъ изъ Адьютантовъ

Принца, принимавшій участіе въ складчинѣ для пиршества, привелъ на балъ и предпавилъ своимъ шоварищамъ двоихъ офицеровъ, которые только что пріѣхали въ Дюссельдорфъ съ порученіемъ въ главную кварширу, находившуюся тогда въ семь мѣсцѣ, и должны были опсправиться назадъ, какъ скоро получатъ опшвышы, которыхъ вѣрно имъ было дожидаться. Эти два офицера, привезшіе и къ нему письма опъ одного пріателя, который рекомендовалъ ихъ ему и просилъ обласкать, были также Французы, но не республиканцы; напрошивъ, они были эмиграншы, принадлежали къ арміи Принца Конде, и пріѣхали опъ начальника своего, изъяснивъ сожалѣніе, что на Рейнѣ совершенно прекрашились враждебныя дѣйшвія.

Адьюшаншъ, желая сколько можно больше, въ угожденіе своему другу, доспавивъ удовольствіа рекомендованнымъ опъ него офицерамъ, не придумалъ ничего лучшаго, какъ повести ихъ на балъ, гдѣ должно было собраться все самое пріятнѣйшее общество. Такимъ образомъ, не разспысливъ хорошенъко, сдѣлалъ онъ величайшее дурачество: это было опощасъ замѣчено большею частію Авспрійскихъ офицеровъ, и привело ихъ въ большое смущеніе. Съ одной споронъ было весьма неприлично, пспашъ

вишь лицемъ къ лицу, въ такомъ мѣстѣ, которое посвящено мирнымъ удовольствіямъ и нѣкоторымъ образомъ радушію поварищескому, людей непримиримыхъ по своимъ политическимъ отношеніямъ, запрещающимъ для нихъ всякое подобное сближеніе; съ другой стороны, нельзя же было отказать эмигрантамъ, дворянамъ, за права которыхъ проливалась тогда кровь и съ которыми хозяева бала спояли подъ одними знаменами, въ такомъ же приѣмѣ, ласкахъ и почтительности, какія оказывались простымъ офицерамъ республики, уважаемымъ только за храбрость. Такой вовсе неожиданный случай привелъ въ странное и весьма щекотливое положеніе и всѣхъ офицеровъ, и все общество. Какъ скоро пробѣжала вѣсть, что явились на балъ эмигранты въ мундирахъ арміи Принца Конде, все общество было изумлено и опечалено. Непременно надлежало ожидать какихъ нибудь непріятностей, или между Австрійцами и эмигрантами, которые могли считать себя обиженными, что ихъ поставили въ затруднительное положеніе, пошому что имъ неловко было ни удалиться изъ залы, какъ бы уступая плебеямъ и, по ихъ разумнію, мшешникамъ, ни осмѣиваться съ ними на балѣ, въ уничтоженіе своего корпуса, кошо-

раго были они представителями; или между сими двумя эмигрантами и молодыми республиканцами, которые, пользуясь священными правами гостеприимства, не могли однако позволить ни малѣйшаго оскорбленія своей прехвѣшной кокарды, которую носили съ восхищеніемъ, и которой могущество начинала чувствовать вся Европа.

Хозяева, видя, что нужно принять какія нибудь мѣры, и опасаясь скорыхъ послѣдствій, велѣли музыкантамъ играть самый прыскій вальсъ; потчасъ молодые люди, и особенно Французскіе офицеры, пустились вертѣться съ молоденькими дамочками; тридцать паръ закружились вихремъ по залѣ, и между тѣмъ, какъ всѣ гости любовались легкостію и миловидностію Рейнскихъ красавицъ, силою, проворствомъ и ловкостію ихъ кавалеровъ, главнѣйшіе Австрійскіе офицеры собрались въ особой комнатѣ, чтобы пошолковать, что имъ дѣлать. Крайностъ требовала скораго ршенія на этомъ совѣтѣ. Предлагаали то и другое, но все казалось неудовлетворительно. Наконецъ представилась счастливая мысль: бѣжать въ ту же минушу къ начальствующему Генералъ-Маіору, рассказать ему о безразсудности молодого Адьюшанша, о пред-

стоящей опасности, о недоумѣніи Австрійскихъ офицеровъ, желающихъ равно почтись и союзниковъ и гостей своихъ, и просить его убѣдительно, чѣмъ онъ сдѣлалъ одоженіе — ошозвалъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, двухъ прїѣзжихъ офицеровъ, и задержалъ ихъ у себя до окончанія бала. Это средство понравилось всѣмъ, и спѣшили его исполнить; но въ то самое время, когда младшій изъ членовъ совѣща, оспряженный къ Генералу, пустился къ дверямъ, а другіе бросились къ музыкантамъ, чѣмъ засманивъ ихъ продолжати вальсъ съ большею еще быстротою, раздался вдругъ пронзительный крикъ, и всѣ были имъ оспановлены. Судя по ужасному шуму, казалось, что вся зала обрушилась; но еще минуша. и возстановилась глубокая тишина, какъ будто всѣ присла особъ, веселившихся на балѣ сдѣлались нѣмы и неподвижны. Офицеры, составлявшіе между собою совѣщъ, кинулись всѣ бѣжать въ залу, и шумъ предсказалось имъ страшное зрѣлище.

Все общество сбилось въ обширный кругъ. По срединѣ, въ пространствѣ довольно большомъ и хорошо округленномъ, какъ бы на мѣстѣ приготовленномъ для игрища, стояли полукружіемъ одиннадцати Французскихъ офицеровъ, съ надѣвшими

шляпами, на которыхъ блистала прехвальная кокарда; передъ ними, какъ бы глава ихъ или начальникъ, стоялъ двѣнадцатый республиканскій офицеръ, пріятнаго и благороднаго лица, съ гнѣвомъ во взорѣ, но съ горделивымъ спокойствіемъ во всѣхъ чертахъ и съ важною осанкою. Въ одной рукѣ держалъ онъ шляпу, лишенную знака, отличающаго революціоннаго солдата; другою рукою указывалъ онъ на сей признакъ обиды, которую военная честь не можешь омышь иначе, какъ въ крови. Передъ нимъ, и его товарищами стояли офицеры арміи Принца Конде, оба со шпагами въ рукахъ, оба въ шляпахъ съ бѣлыми кокардами, и одинъ изъ нихъ, младшій, также не дурной собою мужчина, но блѣдный и пошрясенный бѣшенствомъ, топшаль ногою прехвальную кокарду, сорванную со шляпы двѣнадцатаго республиканскаго офицера. Ни одно слово не слезало съ устъ присуществующихъ; не видя ихъ, сказали бы, что зала пуста. „Государь мой!“ молвилъ наконецъ, при всеобщей тишинѣ, офицеръ, державшій свою опозоренную шляпу: „Государь мой! клянусь честью и своимъ знаменемъ, что вы поднимете кокарду, или та, которая украшаетъ теперь шляпу вашу и надъ которой не хочу я оказать

дерзости, подобной сдѣланной вами, будете служить украшеніемъ, когда понесутъ васъ въ могилу.“

Говорившій это молодой офицеръ былъ Павелъ Марселень. Я расскажу, какъ случилось это происшествіе, которое необходимо должно было кончиться смертельною дракой.

Дама, съ которою Павелъ Марселень крутился въ вальсъ, почувствовала дурношу отъ слишкомъ быстраго круженія, и вздумала въ ту же минуту уѣхать; но какъ было еще не поздно, то распущенные экипажи не собрались; не было и ея кареты. Она пошла подъ руку съ мужемъ; за нею послѣдовала мать ея, и какъ сей послѣдней недоставало кавалера, то Павелъ, думая проводить ее, побѣждалъ за своею шляпою, которая лежала на окнѣ, на другомъ концѣ залы. Когда проходилъ онъ назадъ, по всей длинѣ залы, шляпа въ рукахъ его обратила вниманіе всѣхъ на его шоропливый и безпокойный видъ, и тогда-то одинъ изъ эмигрантовъ замѣшилъ шрецившію кокарду, легко бросающуюся въ глаза, и въ то же время увидѣлъ республиканскій мундиръ, на который до того времени не думалъ обращать вниманіе. То былъ молодой Маркизь гордый, высокомерный, исполненный ошваги

при случаѣ, но протавлявшій всегда запальчивость на мѣсто истиннаго достоинства, и воображавшій въ безразсудствѣ своемъ, что шипуль возноситъ его выше обязанности и приличій общественныхъ. При видѣ знака, которымъ гнушался, запылалъ онъ безразсуднымъ гнѣвомъ, краска выступила на лицѣ его, глаза налились кровью, и не сомнѣваясь, въ своей надменности, что съ республиканцемъ нельзя было поступить такъ же, какъ съ лакеемъ, который не мечтаетъ о возмездіи, онъ просто остановилъ Марселена, и вдругъ занесъ руку на кокарду его, дернулъ ее такъ сильно, что и шляпа покашилась на полъ, и тогда сталъ топтать ногами почешныя цвѣта республики. Все это сдѣлалось такъ проворно, что Павелъ не имѣлъ времени остановиться его или сколько нибудь размыслить; по невольному влеченію, замахнулась ладонь его, и по всей задъ раздалась полновѣсная пощечина. Сотни голосовъ вскрикнули въ одинъ мигъ, и всѣ дамы, въ ужасѣ, бросились къ дверямъ. Это Французы, Французы! слышалось повсюду. Товарищи Павла, думая, что хватавъ ихъ схвативши, надѣли цѣпны, и обступили своего друга, но не обнажали еще шпагъ своихъ. Между шѣмъ эмигранты свои шпаги дер-

жали уже на-голо, и даже занесенъ былъ ударъ, но къ счастью Павелъ успѣлъ схватиться за клинокъ, и прошивникъ его осматривался, вспоминая, что поражаетъ человека, не гошоваго къ защищѣ. Съ обѣихъ сторонъ опешупили на нѣсколько шаговъ, по-сматривали другъ на друга; Павелъ, опомнясь, поднялъ спокойно свою шляпу, и взглянувъ на нее, показалъ съ улыбкою своимъ товарищамъ, но молнія, предшествовавшая грому, блистала уже изъ глазъ его. Туть всѣ собрались въ кучу, вглядывались, вслушивались и ожидали, что послѣдуетъ; изумленіе и страхъ произвели всеобщую тишину, и тогда-то Марселенъ произнесъ нѣ слова, о которыхъ было сказано выше.

Можетъ быть, какой нибудь спрятчій въ Нормандіи спалъ бы увѣрялъ, что добрая пощечина вѣситъ наравнѣ съ золотомъ, и охотно помирился бы, за сто франковъ; но военные, не щерпя и крошки униженія, и привыкши раздѣлываться на чистомъ полѣ, имѣющъ другой обычай въ дѣлахъ юстиціи. Всѣ, бывшіе на балѣ съ вполешами, увидѣли пошчасъ, что никакое объясненіе не поможетъ. Одинъ старый Австрійскій Полковникъ вошелъ въ кругъ, спалъ между прошивниками, шепнулъ слово на ухо эмигрантамъ, другое офицеру-

пашіошу, передавшему его своимъ шоварищамъ, и въ чепыре секунды обнаженные клинки спрятались въ ножны, шолпа пошанулась къ дверямъ, и чешырнадцашъ воиновъ скрылись; за ними послѣдовало шакое же число офицеровъ Принца Карла; а шарый Подковникъ поднялъ хладнокровно кокарду, приказалъ оркешпру продолжашъ вальсъ, и сталъ приглашашъ общество заняшъ снова забавами вечеринки. Хошя въ шошъ же мигъ явилось до пашидесяши слугъ съ огромными подносама, на кошорыхъ помѣщалось соршовъ двадцашъ сладкихъ сыроповъ, мороженаго, какое дѣлаюшъ у Торшони, пуншу съ ромомъ и съ аракомъ, шербешу, подобнаго Констаншинопольскому, и болѣе восьмидесящи соршовъ разныхъ закусокъ Французскихъ, Нѣмецкихъ, Голландскихъ и Фламандскихъ, уложенныхъ въ корзинкахъ, украшенныхъ цвѣтами; за всѣмъ шѣмъ, шпакой спрахъ овладѣлъ сердцами, и всѣ такъ были увѣрены въ неминуемомъ пролишѣи крови, что ни одна прелестная дама не дошпрунулась до мороженаго, ни одинъ мужчина, ни одинъ даже музыканшъ не попробовалъ пуншу, и въ пашъ минушъ зала опустѣла; пиршештво было ошложено.

Тридцать офицеровъ и въ помѣ числѣ двѣнадцать республиканцевъ и два эмигранта, собрались въ боковой комнаѣ, подлѣ шанцевальной залы, гдѣ остались одни только слуги, которые въ полномъ раздольѣ, кушали конфекты, сосали мороженое и пили пуншъ. Два Венгерскіе гренадера поставлены были на часахъ у дверей, чшобъ никого не впускать. Старый Полковникъ, еще съ кокардою въ рукѣ, причиною оскорбленія и ссоры, стоялъ посреди собратій своихъ по оружію, и произносилъ рѣчь, кошорой всѣ внимали въ молчаніи.

„Государи мои! жестокая обида совершилась передъ нашими глазами, ошплаша за нея была еще ужаснѣе — по крайней мѣрѣ личная какъ нельзя больше. Ни съ кошорой спороны нельзя ожидать извиненій, объясненія шакже ни къ чему бы не послужили, примиреніе невозможно. Между молодыми храбрыми оружіе рѣшишь подобныя дѣла. Маркизь, публично опозорилъ военный знакъ новой Французской націи, господа офицеры новой Французской націи; должны омышъ вѣшу обиду, хопя бѣ и своею кровію. Человѣкъ, носящій эполеты, получилъ ударъ по лицу; мы не могли бы видѣшь его въ своемъ кругу, если бѣ онъ не снялъ съ себя вѣшого срама явною меешью. Мы

всѣ люди одного ремесла, у всѣхъ насъ одно понятіе о чести. И такъ нечего больше о томъ говорить. Господа! дѣлайте вызовъ другъ другу, и положились на наше правосудіе.“

Маркизь подошелъ, не снимая съ головы шляпы, и бросилъ перчатку свою на столъ съ презрительнымъ видомъ: „Я могъ бы“ сказалъ онъ: „отказаться отъ дуэля съ человѣкомъ, кошорый мнѣ вовсе неравенъ, и кошорато вездѣ, въ другомъ мѣстѣ, могъ бы ведѣшь наказашъ своимъ слугамъ; но, уважая васъ, господа Австрійцы, я согласенъ обрубить съ церемоніей уши эштому санкюлошу.“

Павель подошелъ въ свою очередь и скромно положивъ одну изъ бывшихъ балъныхъ перчатокъ своихъ подлѣ Маркизовой, сказалъ прошивнику: „Вы очень великодушны, государь мой; что до меня касается, я опмщаю не за личную обиду, а за посрамленіе знамени, подѣ кошорымъ я взросъ и служу, и пошому предупреждаю васъ, что что не буду имѣть дѣло шолько съ ушами вашими; военный знакъ, кошорому нанесли вы безчестіе, пребуешь благороднѣйшей месши; простой солдашъ, въ подобномъ случаѣ, ееть предсхавишель цѣлой арміи,

а въ шакомъ почешномъ качествѣ, шупки
непозволишельны даже и со шпагою въ руку.“

„Тише, господа!“ вскричала спарый
Полковникъ: „не горячишесь прежде време-
ни; вамъ прійдется шолько одинъ разъ ош-
нашь жизнь другъ у друга, черезъ сушки
каждый изъ васъ будешь удовольствовашъ
вполнѣ. Между шѣмъ представляешся дру-
гое обстоятельство, очень щекотливое и
его надобно рѣшить шеперь же. Господа
офицеры республиканской арміи пригла-
шены нами подѣ кровь госпепріимства, по
священнымъ правамъ мира и на вѣру людей
военныхъ, и здѣсь-шо, подѣ нашу зашщитой,
оскорблена ихъ національная честь. Мы
должны передѣ ними отвѣтствовать въ
вшемъ оскорбленіи; мы обязаны своей че-
сти, данному имъ слову, пошребовашъ за
шо удовольствовенія, чшобѣ не подумали они,
будшо мы хощѣли заманишь ихъ шолько въ
сѣши. По вшому, какъ спаршій между вами
лѣшами, господа, именемъ нарушеннаго го-
спепріимства, я дѣлаю вызовъ господину
Шевалье, кошорый, надѣюсь, не ошкажешся
послѣдовашъ примѣру Маркиза.“

Шевалье шопчасѣ положилъ перчатку
свою подѣ Полковниковой, но въ шо же
время, одиннадцашъ Французскихъ офице-
ровъ, по единодушному движенію, спали

говоришь, что они совершенно довольны поступками господъ Австрійцевъ, и что никакъ не допускашь спараго война, пощажennaго пулею въ десяти сраженіяхъ, подвергашъ жизнь свою въ ссоръ, чуждой чести его опечесства. Тогда же и Австрійскіе офицеры, всъ равно раздѣлявшіе чувсства и негодованіе своего спараго Полковника, бросились на положенный имъ залогъ единоборства, и перехватывая его другъ у друга, положили наконецъ, чшобъ жребій рѣшилъ, кому изъ нихъ драшъся, ибо каждый чувствовалъ себя гошовымъ опмешшиъ за обиду, нанесенную госпамъ ихъ на балъ. Посреди сихъ споровъ явился новый охощникъ помѣрашъся своею шнагою: шо былъ молодой Адьюшаншъ. „Если господа республиканцы были ваши госпи,“ сказалъ онъ своимъ шоварищамъ Австрійцамъ: „шо господа эмиграншы мои госпи; шѣмъ же долгомъ, шѣми же законами обязываюсь и я передъ ними, и не пошерплю, чшобъ они безъ меня обнажили свои шпаги.“ Всъ вдругъ спали говоришь и горячишься; дѣло зашывалось болѣе и болѣе; вызовы умножались, и надобно было опасашъся, чшобы Принцъ, или командующій Генераль, узнавъ о происходящемъ, не принялъ какихъ либо мѣръ, скорыхъ и спрогихъ, кошорыя ни-

кого бы не удовлетворили. Старый Полковникъ заспавилъ молчать всю эту запальчивую молодежь. „До завтра, до завтра!“ закричалъ онъ: „если хотите вишние видѣться на разсвѣтъ, надобно разсаться шеперь же. Бьетъ два часа; черезъ три опворашся городскія вороша. Господя! прошу всѣхъ о скромности, о молчаніи; станемъ расходиться по-двое и по-шрое, шпаги подъ шинелью. Двѣ шропинки, раздѣленные шолько небольшою рощицею, сходятся у шой огромной фермы, опъ кошо-рой пушки оставили шолько спѣны; шамъ широкій, ровный лугъ, заслоненный садомъ, будешъ для насъ самымъ удобнымъ мѣстомъ; пришомъ же оно виѣ границъ шой и другой націи, почему всѣмъ намъ предшонишъ опасность равная. Туда прійдемъ всѣ; изъ насъ явишся одиннадцать человекъ, чшобъ бышъ при васъ свидѣшелями, господа эмигранты. Теперь извольте брашъ свои залоги, и пойдешъ пить пуншъ.“

Адьюшаншъ съ двумя эмигрантами удалился прежде всѣхъ; послѣдніе не сочли приличнымъ оставаться въ сообществѣ санюлотовъ. Имъ хотѣлось бы обойтись и безъ сраженія; не изъ шрусости, а изъ гордосши, но пощечина слишкомъ сильно за себя говорила и шребовала крови. Они

разсудили не возвращаться домой, а заставляли опперешь себя двери пракшира, и стааи дожидаться тамъ ушра, играа въ пикешь.

Офицеры обвнхъ армій долго еще оспявались вмѣстѣ, прилежно работая около большого окорока и попивая пуншъ; а между тѣмъ не переставали воздавать другъ другу должныя хвалы и жаловь отъ всей души, что эшотъ несчастный случай въроятно прекратилъ ихъ дружескія свиданія. Тутъ же положили они кинуть жеребій, кому изъ Австрійскихъ офицеровъ достанется драхься съ Шевалье, и кому изъ одиннадцати товарищей Павла прошивустанъ Адьюшаншу, если онъ будетъ настаивать въ своемъ вызовѣ. Положили шакже, что исключая Павла и Маркиза, прочіе должны драхься только до первой крови; что же касается до двухъ первыхъ, обиды, нанесенныя ими взаимно, были слишкомъ велики, чшобъ можно было поставивъ шахой же предѣлъ ихъ мспишельности... Боже мой! что сталося бы съ доброю дамою Марселень и съ Докторомъ Рокевианемъ, если бы они могли угадать, что Павелъ ихъ навдзаль себя на шею шакое дѣло!

Молодой человекъ ужиналъ шакже равнодушно и покойно, какъ и другіе, не пока-

зывая ни разсѣяннаго, ни задумчиваго вида. Однако жъ послѣ ужина, когда иные пошли играть на билиардѣ, а другіе засѣли промѣщать небольшой банкъ, онъ помѣспился за особымъ столомъ, и написалъ два письма, языкомъ простымъ, но благороднымъ и прогашельнымъ. Въ одномъ уведомлялъ онъ своего Генерала о случившемся: въ нѣсколькихъ словахъ, исполненныхъ однако патріотическаго жара, изобразилъ онъ ему посрамленіе своей кокарды, прямодушные поступки при томъ Австрійскихъ офицеровъ и то, чего долгъ его требовалъ отъ него въ такихъ тѣсныхъ обстоятельсвахъ. Машери своей и Докшору Рокевилю, разсказавъ въ другомъ письмѣ то же самое, прибавилъ, что какъ ни извинишеля его поступокъ, но за всѣмъ тѣмъ чувствуешь онъ, что причинишь имъ жестокую печаль, въ кошорой и просишь прощенія, клянясь, что послѣдній вздохъ свой и послѣднюю мысль, если суждено ему пасть, посвятитъ онъ имъ и опечесшву, безъ всякаго раздѣла.

Павель писалъ совершенную истину: дошолъ сердце его дѣйствительно пишало любовь только къ нѣжной его машери, къ почтенному другу ея и къ славѣ его опечесшва. Въ эту торжественную мину

не помышлялъ онъ ни о черныхъ глазкахъ дѣвицы Розы, ни о другихъ красавицахъ, спаравшихся уловить его въ сѣни любви. Не то, чтобы Павелъ имѣлъ слишкомъ холодную душу: прошивное тому говорили живые и умные черныя лица его и взоръ, исполненный огня; но до сихъ поръ служилъ онъ во храмъ Грацій, какъ воинъ, а известно, что во время войны молодой офицеръ едва, едва имѣешь время сорвать нѣсколько розъ посреди своихъ лавровъ.

Никто не мѣшалъ Павлу въ его занятіяхъ; только изрѣдка съ участіемъ поглядывали на него шоварищи, и во взорахъ ихъ видна была самая искренняя дружба. Легко было однако заключить, что каждый изъ нихъ имѣлъ болѣе надежды, нежели опасенія на счетъ окончанія сраженія.

Въ четыре съ половиною часа, протяжный звонъ съ башни далъ знать, что черезъ четверть часа вороша будутъ отворены; на самомъ краю горизонша застыло разсвѣтомъ. Офицеры окончили свои паршіи; всѣ закушались въ плаци и спали выходящъ по-двое и по-трое, каждый Французскій офицеръ въ сопровожденіи Австрійскаго. Разными улицами проходили они къ двумъ ворошамъ, которыя вели къ одной и той же цѣли. На кордегардіяхъ еще заранѣе

дано было знать, что Французскіе офицеры, приглашенные на балъ, будутъ возвращаться на разсвѣтъ, почему часовые, не оставившая, опдали честь.

Какъ скоро офицеры вышли на шѣ тропинки, о которыхъ говорилъ имъ Покровникъ, то увидѣли впереди себя эмигрантовъ, сопровождаемыхъ молодымъ Адьютаншомъ. День едва занимался, и небеса, нахмуривъ столь ясныя, заволоклось теперь тучами, которыя грозили приближеніемъ дождя; при томъ дулъ сырой и порывистый вѣтеръ, который заставлялъ ускорить шаги. Вскорѣ достигли они покинутой фермы, никѣмъ непреслѣдуемые, даже никѣмъ незамѣченные. Минувъ въ двадцать всѣ собрались на лугу, и оба офицера, которымъ надлежало рѣшить главную ссору, учтиво подошли другъ къ другу, раскланялись прилично, и доказали имъ, что оба Французы, и потому оба знали, какъ надобно убить другъ друга вѣжливо.

Тогда же Австрійскіе офицеры и Французскіе патріоты составили, каждый свой кругъ; въ томъ и другомъ напередъ заготовленные билетцы съ именами брошены были въ шляпы, и со всевозможною вѣрностью кинутый жребій далъ въ противники Шеваље Графберга, молодого офицера знаш-

ной породы; Адьютаншу же, котораго безразсудность была причиною всей этой гибельной распри, одного республиканскаго Поручика, по имени Роберша, въ которомъ высокій ростъ, широкія плеча и черныя, курчавыя волосы, показывали силу исполнскую.

Съ той и съ другой стороны въостялись довольны выборомъ жребія. Австрійскіе офицеры, кромѣ того, который долженъ былъ драться, и стараго Полковника, исполняа долгъ гостепріимства, перешли на сторону эмигрантовъ, и предложили бытъ ихъ секундансами, на что и было изъяснено ими согласіе. Съ противной стороны офицеры-напріонны сѣли вокругъ Павла и другихъ участниковъ сраженія. Въ эту минуту молодой Капитанъ сунулъ въ руку одного изъ своихъ товарищей пригосовленныя имъ письма, не сказавъ ему впрочемъ ни слова: адреса писемъ показывали ихъ назначеніе. Нельзя было терять ни минуты. Мѣста заняли такимъ образомъ, чтобъ не пришлось въ глаза восходящее солнце, которое впрочемъ скрывалось за тучами; шестеро вишазей сняли съ себя верхнее плащье, разсчитали по двадцати шаговъ между каждою парюю и пошребовали сигнала, смотря съ довѣрчивостью на свидѣте-

телей. Съ боковъ стояли двадцать чепиры офицера; всѣ сняли шляпы и раскланялись. Тогда Полковникъ, сшаршій лъшми, вскричалъ: „Начинайте, господа, снѣло и по со- вѣсти!“

Лишь только три пары шпагъ успѣли скреститься, какъ огромный и плечистый Робертъ, увзренный въ своихъ силахъ и желая употребить ихъ только на то, чѣмобѣ не проливать напрасно крови, быширо напалъ на своего противника, и съ крикомъ *разъ, два*, сдѣлавъ шакой сильный и стремительный ударъ, что шпага смущеннаго Адьюшанша, вышибенная изъ руки его, влетѣла высоко вверхъ и черезъ головы фенцеровъ упала у ногъ ихъ. Въ то же время Робертъ, схвативъ противника за руку, вскричалъ: „шоварицы! не обижайтесь, я не побѣдилъ васъ, а только счастливо кончилъ драку, благодаря удару, не ученому и не шрудному, но шребующему силы въ рукахъ. Вы славно вели себя въ дѣлѣ, которое до васъ не касается; будемъ же вшимъ довольны, и кончимъ!“ Восьмеро свидѣтелей, наблюдавшіе за ними, съ радостью на то согласилась. Адьюшаншъ же вѣроятно былъ радъ не менѣе другихъ, что освободился отъ шакого опаснаго противника. Облобизались, и радное поле ошпа-

лось занято двумя только парами сражающихся.

Воздухъ становился болѣе и болѣе сыръ и холоденъ; начиналъ моросить дождикъ, и надобно было ожидать, что онъ усиливается; смоченная имъ шрава сдѣлалась очень скользкою.

Графбергъ и Шевалье были новички въ дѣлѣ оружія; они держали шпаги очень ловко, но нападали и парировали съ робостию, и по всему было видно, что имъ, дравшимся только изъ благоприсойности, не приходила въ голову забота убить другъ друга; что они спускали только шпагами для виду и выжидали время, пока имъ скажутъ: „довольно, господа: честь удовлетворена!“ Но секунданты ихъ, съ первыхъ пріемовъ увидѣли, что шутъ опасался нечего, улыбнулись, взглянувъ другъ на друга; занялись прешеею парою, и хранили глубокое молчаніе.

Здѣсь сраженіе было столь же серьезно, какъ и причина, подавшая къ тому поводъ: судя по тому, какъ нападали другъ на друга противники и какъ взаимно пренебрегали они случаями нанести легкую рану, должно было ожидать, что дѣло кончится смертію того или другаго. Болѣе запальчивый и крушой, болѣе предаваясь гнѣву и обнару-

живая въ чертахъ лица, выражающихъ презрительную усмѣшку, негодованіе на то, что долженъ былъ прошивушать челоуку низкой породы, сыну швеи, Маркизь дѣйствовалъ быстро, рѣшительно и съ нахискомъ; хорошо защищаясь и нападая ошважно, каждый разъ, когда парировалъ, сопровождалъ онъ свое движеніе сардоническимъ смѣхомъ, и при каждомъ ударѣ, которымъ чаялъ сразить молодого республиканца, трепеталъ отъ ярости и принималъ осяпку горделивую. Павелъ былъ почти того же роста, но болѣе гибокъ, лучше сложенъ и спановился въ позицію съ необыкновенною привлекательностью для глазъ; казалось, онъ игралъ своею шпагою и держалъ еѣ такъ ловко, что при каждомъ оборотѣ она, по видимому, должна была вырваться изъ руки его; но эша быстрая, блистательная игра оружіемъ показывала въ то же время и силу его и ловкость; по всему видно было, что онъ совершенно владѣетъ собою, и что жаръ, его одушевляющій, происходитъ отъ чувства благороднаго и чуждаго ненависти. Черты лица его, правильныя и прекрасныя, не выражали ни испишельности, ни презрѣнія, ни гнѣва; взоръ его, исполненный огня, покойнаго, но яркаго, былъ крошокъ даже и направляя желѣзо мести;

оштражалъ ли онъ смерть, или наносилъ ее — смерть, кошорая казалось передешала онъ одного прошивника къ другому и грозила вдругъ обоимъ — нельзя было замѣшпшь на лицъ его никакого движенія, никакого волленія, никакого измѣненія; его надобно было срисовашъ, какъ образецъ миловидности и благороднаго, самоувѣреннаго мужества.

Мало успупали они мѣста другъ другу; шопъ и другой стояли швердою ногою, но движенія Маркиза были чаще и разнообразѣе; онъ не щадилъ ни жару, ни силъ своихъ. Павелъ, напрошивъ, берегъ свои силы до удобнаго случая. Но, не смотря на его равнодушіе, благоразуміе и великую ловкость, едва не сдѣлаася онъ жертвою случайности: скрышый подъ правою пенекъ удержалъ его лѣвую ногу, онъ пошашнулся ремиго назадъ; рука, въ кошорой была шпага, опшадидася онъ корпуса; желѣзо врага его вонзилось ему въ грудь и брызнула кровь. Всѣ думали, что онъ пораженъ въ сердце, и, вскрикнувъ, бросились къ нему; но съ быспрошою шпрѣлы, разсѣкающей воздухъ, Павелъ выпримился и снова занялъ позицію; въ первый разъ улыбка появилась на его лицъ; онъ сдѣлаалъ знакъ лѣвою рукою, чтобы не приближались къ нему, и вдругъ закричалъ сильными и звучными голосами:

„да здравствуетъ Франція!“ искусно воспользовався радостію, изумленіемъ, смущеніемъ, кошорыя въ одну секунду попере- жьнно заняли умъ Маркиза, обманувшагося, какъ и всѣ свидѣтели, и шущь быстро развернувъ силы свои, дополъ щаженныя подъ видомъ игры блистательной и легкой, онъ вдругъ заставилъ его ошсшупашъ, принудивъ сильнымъ напоромъ къ защищъ.

Именно въ шу минушу, когда изумлен- ный, смущенный Маркизь спалъ, подавашъ ся назадъ ошъ республиканца, Шевалье, до- вольно безпечно и шолько для одной формы, дѣлалъ шощъ же самый маневръ передъ Графбергомъ; уклоняясь діагоналомъ, онъ двигался къ лѣвой шпоронъ; Маркизь же, блѣднѣя и не оправясь, чшобъ снова начать ашпаку, повернулъ въ правую шпорону, въ шѣхъ мысляхъ, чшо влѣво помѣшаетъ ему ошсшупашъ ровъ, кошорымъ пересѣкался лугъ. Оба (эмиграншы) уже были на двѣ шага другъ ошъ друга; раздаася крикъ: *остановитесь!* Но было уже поздно. Мар- кизь правымъ плечомъ сильно сполкнулся съ лѣвымъ плечомъ Шевалье; послѣдній упалъ навзничъ; въ шощъ же мигъ Павелъ сдѣлалъ прыжокъ назадъ и опуслилъ свою шпагу, не желая одержашъ побѣду ударомъ, недостойнымъ чести; но судьба свершила

свое предопредѣленіе. Маркизь, уже пошавшійся, спотыкается объ ноги Шевалье, колеблется, шеряетъ равновѣсіе, падаетъ навзничъ всѣмъ корпусомъ на шѣло своего друга, котораго шпага, обращенная къ верху, вонзается ему въ поясницу, и просквозя желудокъ, выходитъ наружу подъ ложкою. Онъ издыхаетъ; въ то же время раздается ужасный крикъ; его выпускаетъ Шевалье: Маркизь, падая съ размаха и всею шажесшью, переломилъ ему два ребра.

Такъ кончилось сраженіе; всѣ офицеры, Австрійскіе и Французскіе, бросились на помощь къ побѣжденнымъ.

II.

К Р И Т И К А.

Замѣчанія на книгу: Военное Красновѣчіе.

Нѣкогда Наполеонъ сказалъ, что сила войны есть двоякая: внѣшняя и внутренняя. Первая состоитъ въ шолпѣ, во множествѣ народа; вторая въ любви къ отечеству, въ набожности, въ довѣренности къ предводителю, въ воспоминаніи прежнихъ побѣдъ и шріумфовъ и проч. Сид послѣднія усила-

ваются даромъ слова — Краснорѣчiemъ. Отсюда родилась мысль о существованіи Воинскаго Краснорѣчія. Во Франціи общество военныхъ ученыхъ людей издало книгу: *Eloquence militaire, ou l'art d'émeuvoir le soldat, Воинское Краснорѣчіе, или искусство возбуждать война*; у насъ, по сему поводу, вышла въ свѣтъ учебная книга: *Военное Краснорѣчіе, основанное на общихъ началахъ Словесности*. Наполеонъ, основываясь на собственнѣйшей опытности, хотѣлъ сказать, въ урокъ полководцамъ, что даръ слова можетъ быть и часто бываетъ ключемъ къ побѣдѣ, что это есть одно изъ средствъ владѣть силою; военно-ученые Французы рѣшились объяснить сію необыкновенную силу языка; а нашъ почтеннѣйшій землякъ вздумалъ произвести новую Науку: *Военное Краснорѣчіе*. Первый совершенно правъ; онъ сказалъ неоспоримую истину. Правоша впрочемъ есть условная; ибо не доказано еще, что искусство возбуждать война и воинское краснорѣчіе суть шождественны, и что первое безъ втораго быть не можешь. Произведеніе же прешняго — безусловно лишнее; оно не имѣешь ни предмета, ни цѣли.

Всѣ люди имѣють способность выражать мысли и чувствованія; не многимъ

достается даръ говоришь сильно и убѣдительно и посредствомъ слова располагашъ волею другихъ. Дѣйствіе сей послѣдней способности сосоставляетъ *Краснорѣчіе*, которое, будучи подведено подъ правила и сдѣлавшись навыкомъ, называется Искусствомъ. И такъ Краснорѣчіе можно разсматривать въ двухъ видахъ, какъ простое дѣйствіе счастливыхъ дарованій, и какъ Искусство. Слѣдовательно никогда, никакъ оно не можешь назваться Наукою, которая отъ Искусства отличается, какъ причина отъ дѣйствія. Конечно всякое Искусство должно имѣть свою Науку, равно какъ и всякая Наука предполагаетъ Искусство; и въ семъ отношеніи Краснорѣчія есть плодъ Науки. Но, да проспишь мнѣ великая тѣнь Цицерона, ежели я осмѣлюсь не совсѣмъ согласиться съ его изрѣченіемъ: *Poëtae nascitur, Oratores fiunt*: Поэты рождаются, Ораторы дѣлаются. Природа, кажется, объ Ораторъ должна болѣе позаботиться, нежели о Поэтѣ: первому непременно нужно имѣть, сверхъ шѣлесныхъ совершенствъ — швердую волю, непоколебимый характеръ, быстрый и основательный умъ; онъ долженъ повелѣвать обстоятельствомъ, владая собою, свободно и самовластно управляя пѣмпиическими своими способностями,

которым для него суть также необходимыми условия. И такъ для Орашора столько же, если не болѣе, необходимы дарованія, какъ и Наука. Первыя служатъ источникомъ Краснорѣчія, а послѣдняя образуетъ и усовершенствуетъ средства и способы, коими оно приводится въ исполненіе.

Ближайшая къ Краснорѣчію Наука — Риторика, которая, по моему мнѣнію, учитъ излагать и располагать рѣчь (логически и грамматически правильную), сообразно желанію говорящаго. Если же Риторика учитъ излагать и располагать выражаемые словами мысли всякаго рода, сообразно всякому желанію, намѣренію и цѣли, безъ изысканія и ограниченія пола, званія и состоянія людей; то изъ сего слѣдуетъ, что она, объемля весь кругъ сего предмета, есть одна и, какъ Наука, не допускаетъ никакихъ видораздѣленій, основанныхъ на чемъ либо случайномъ, на жишескихъ и мелочныхъ расчетахъ. И ежели бы кто составилъ по сей части полную книгу, удовлетворивъ требованіямъ истины и Науки, то она равно бы могла быть полезна въ народныхъ, духовныхъ, военныхъ, коммерческихъ, и словомъ, во всѣхъ человѣческихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но, скажутъ, есть Краснорѣчіе духовное, народное, судебное, академическое и проч. И есть, и нѣтъ! Разсмащивая и сравнивая всѣ сіи, шакъ называемые, роды Краснорѣчія, конечно найдемъ въ нихъ различія; но на сихъ различіяхъ мы никакъ не можемъ создашь особыхъ Наукъ; ибо существенныя свойства Краснорѣчія, составляющія, шакъ скажешь, природу его, и служащія предметомъ и основаніемъ Науки, суть неизмѣнны и во всѣхъ сихъ случаяхъ равно годны. Но, возражашъ, каждое изъ упомянутыхъ Краснорѣчій имѣеть свою обласшь, особенный характеръ, особенное содержаніе, особенную цѣль! Такъ! Но вщи особенности, относительно Краснорѣчія, совершенно случайныя. Будучи увѣренъ, что истребленіе есть не цѣль войкы, а шодько средство, и пришомъ не всегдашнее и часто предосудительное, я не счишаю *воспламененность* шую чершой, кошорая ошличаетъ *военнаго Оратора* отъ *церковнаго*. Не можешь ли духовный Орапоръ съ церковной кафедрѣ *воспламенять* духъ пашріюшизма, вызывать паштву свою на поле брани, робкимъ угрожать гнѣвомъ небесъ, презрѣніемъ соощичей, на храбрыхъ призывая благословеніе небесное, ручаешься за уваженіе и славу земную? А предводишель

войскъ, говоря предъ ешроемъ боевымъ, развѣ не смѣешь указать на сердце и небо, какъ источники награды за дѣла добрыя и великія? Развѣ выше права его съ *умилени-* смъ бесѣдовать о лучшей жизни, какъ возмездіи за пожертвованіе временною жизнью? Неужели *умѣренность, кротость, благодѣтели* и *умилительность*, при благоразумномъ согласованіи съ обязанностию, будешь въ полководцѣ пороками? Къ какому Красноръчю Г. Профессоръ относитъ рчи Архіепископа Вассіана Великому Князю Ивану Васильевичу, въ которой сей Архипасхырѣ, укоряя Государя въ робости, говоритъ между прочимъ: „Дай сіи въ руку, мою вой; коши азъ и старъ, не не пощажу, „ниже отвращу лице прошивъ Тамаръ!“ И шакъ, гдѣ же та черта, которая отдѣляетъ одно Красноръчіе отъ другого? Мысто, лице и частныя, случаемъ опредѣляемыя цѣли не могутъ составить сихъ предѣловъ; особенныя же формы выраженій, внѣшнія качества слога, раздѣляя иногда съ одной стороны сіи ошрасли Красноръчія, недостаточны для того, чтобы подать поводъ и прочное основаніе *особымъ Риторикамъ*.

Орашоръ есть воинъ; красноръчіе его оружіе; борьба его съ невѣріемъ, невѣже-

ствомъ, неправосудіемъ, буйствомъ, робостію и иному подобное. И такъ неужели особенныя примѣненія Краснорѣчія во всѣхъ сихъ случаяхъ иребуютъ особыхъ Наукъ? Кто утверждаетъ, что могутъ и должны быть Риторика *духовная, судебная, народная* и тому подобное; пошъ предполагаешь въ себѣ силу шворить многое изъ ничто, шворишь Науки безъ содѣйствія ума, пошому, что въ природѣ нѣтъ предмета, которъ бы доставилъ для сихъ Риторикъ матеріалы; уму не дано возможности дѣйствовать за его предѣлами. Г. Профессоръ, сочинитель книги: *Военное Краснорѣчіе*; доказалъ горькимъ опытомъ справедливость сего мнѣнія: ни трудолюбіе, ни обширная начитанность, ни важность цѣли, ни сила побужденій не помогли ему преодолѣть невозможности. Онъ, издавая *трудъ* свой подъ симъ шитломъ, конечно хотѣлъ подарить питомцамъ Марса и ученому свѣту теорію Военскаго Краснорѣчія, — а не самое Краснорѣчіе, и пришомъ еще *военное*. Желаніе похвальное! Но — конецъ дѣло вѣнчаешь.

Г. Профессоръ, побуждаешь шворческииъ гениемъ и кой-чѣмъ другимъ, являешься, по вызову общества военныхъ ученыхъ людей, *Квинтилианомъ военнаго*

Красноръчія, сочиняеть учебную книгу, каковой нѣтъ еще ни въ Россіи, ни въ другихъ странахъ Европы. „Во время преподаванія,“ говоришь онъ, въ предисловіи: „я опускалъ изъ первой части нѣкоторыя главы, которыя извѣстны моимъ слушателямъ; но, издавая въ свѣтъ сіе сочиненіе, я желалъ издать полную систему, дабы въ случаѣ нужды не почли оной недостаточною нѣкоторыя думаютъ, что Военное Красноръчіе есть только отрасль общей Словесности: () и потому должно быть основано на общихъ началахъ оной.“ Во уваженіе предшествовавшихъ пунктовъ предисловія, въ конѣ, между прочимъ, говоришь о прощеніи недостатковъ — вѣроятно и въ смыслѣ — приноворюсь, что понимаю, о чемъ здѣсь говоришься, и знаю, почему Г. Профессоръ раздѣлялъ сотворенную имъ Науку на двѣ части, изъ которыхъ первая содержитъ общія начала Словесности, и служитъ основаніемъ второй, содержащей частныя правила Военнаго Красноръчія; часть третія*

(*) Можно ли иначе думать? Самъ Г. Сочинитель, основывая оное на общихъ началахъ, согласенъ съ теми, которые такъ думаютъ. Неужели военные люди дѣлаютъ совсѣмъ особенную Словесность?

содержитъ примѣры и образцы въ разныхъ родахъ онаго.

Начало Науки есть зерно, которое развиваясь можешь возрастшишь цѣлое древо оной; есть такое правило, или по крайней мѣрѣ немногія правила, которое содержишь въ себѣ всѣ прочія, составляющія Науку, правила. Какимъ же образомъ Г. Профессоръ, раздѣливъ Науку на двѣ части, одну изъ нихъ называешь общими правилами? Какимъ образомъ эшихъ общихъ началъ набралось двадцать три главы? И какъ между общими началами замѣшались: *ладное и плавное теченіе періодовъ, украшеніе періодовъ, чешыре главы о фигурахъ, частныя и особенныя совершенства слога, и проч.?* Какъ между частными правилами *Военнаго Краснорѣчія* явились нравственныя качества подвластныхъ воиновъ, общее раздѣленіе *всѣхъ прозаическихъ сочиненій* и проч.? При разсужденіи о сихъ сочиненіяхъ, хотя и прилагается къ нимъ слово *военный*, но предложенныя для нихъ правила равную могутъ принести пользу *всѣмъ, отъ храбрѣйшаго изъ древнихъ Спаршанцевъ до миролюбивѣйшаго изъ нынѣшнихъ Евреевъ.*

Въ главѣ I общихъ началъ Словесности Сочинитель общаешь показашь *опредѣле-*

ние *Словесности* въ разныхъ отношеніяхъ
 и *Риторики*. (!) Нынь надобности гово-
 рить, какой строгой точности требуютъ
 опредѣленія; но посмотримъ, какъ выно-
 нено сѣ пребываніе: „Природная способ-
 ность человѣка изъяснить мысли и чув-
 ствованія голосомъ членораздѣльнымъ, на-
 зывается *словесностію*. Обыкновенная
 способность, неимѣющая никакихъ от-
 личительныхъ качествъ (?) выражаетъ
 свободною рѣчью мысли и чувствованія
 можетъ называться въ обширномъ смыслѣ
Словесностію; но способность, показываю-
 щая отличное искусство выражать оныя
 ясно и красиво, именуется *Краснорѣчіемъ*;
 выражаетъ оцѣно и убѣдительно — *Витій-*
*ство*мъ.“ И такъ, *Словесность* въ обшир-
 номъ смыслѣ, *Краснорѣчіе* и *Витійство*
 суть виды *Словесности*, или способности
 изъяснять мысли и чувствованія голосомъ
 членораздѣльнымъ; видовыя различія пер-
 ваго: ошсущеніе всякаго ошличительнаго
 качества и свобода рѣчи; второго — ошлич-
 ное искусство, ясность и красота въ выра-
 женіи, шретьяго — сила и убѣдительность.
 Неужели *Словесность* въ обширномъ смы-
 слѣ есть видъ способности выражать
 мысли и чувствованія словами? Неуже-
 ли она не имѣетъ никакихъ отличій

тальныхъ качествъ? Неужели свободная рѣчь, которую Г. Профессоръ ей искаженно приписываетъ, не могла бы служить отличительнымъ качествомъ, если бы сіе утверждение было вѣрно? Неужели Краснорѣчіе и Вышійшево допускають принужденность рѣчи? Неужели искусство можетъ быть качествомъ способности? O tempo, o mores! o sapientissimi professores! вразумите одиошескую; ни зги не вижу! Но дайте!

„Способность изъяснять просто и обыкновенно мысли и чувствованія“ — новая способность, отличіе коей про-
„сто и обыкновенность! — „получав-
„ся отъ природы; но искусство выра-
„жаетъ оныя съ отличною ясностію и кра-
„сотою, съ силою и убѣдительностію при-
„обрѣтаеши Наукою: сію Науку называють
„Риторикою.“

„И такъ Риторика есть та Наука, ко-
„торая содержитъ правила, руководствую-
„щія къ Краснорѣчію и Вышійшеву; — есть
„та наука, помощію которой можно при-
„обрѣсти искусство выражаться ясно и кра-
„сиво, сильно и убѣдительно. Но если подъ
„именемъ красоты будемъ разумѣть всѣ со-
„вершенства слова: то можемъ краше

„опредѣлишь *Риторикѣ* наукою *Краснорѣчія*.“

Не говоря уже о томъ, что опредѣленія сбивчивы, темны, составлены изъ неопредѣленныхъ *терминовъ*, можно спросить читателя: *размышляющаго и опытнаго, самаго благосклоннаго и снисходительнаго: проститъ ли онъ Г. Профессору подобное своеволие противъ законовъ смысла, подобное умощупничество, каково напримеръ здѣсь. Сказавъ, что Краснорѣчіе и Вишійство суть способности, способность... дается природою, а искусство... пріобрѣтается наукою, вдругъ заключаешь, что Риторика руководствуетъ къ Краснорѣчію и Вишійству? Гдѣ связь? Что значишь руководствовать къ Краснорѣчію и Вишійству, если онъ способности? Какая Наука и какъ руководствуешь къ способностямъ? Неужели есть способности, которыя не природою даются, а наукою пріобрѣтаются? Неужели способность, могущая пріобрѣсти искусство и самое искусство — главы однозначныя? *Риторика наука Краснорѣчія!* Какая же Наука покажетъ средства выражать мысли и чувствованія простою рѣчью, но соотвѣтствующею цѣли и желанію говорящаго? Соображая содержаніе этой главы съ названіемъ книги: *Военное Кра-**

спорты, основанное на общих началах Словесности, можно вывести следующее заключение: эта книга есть военная способность говорить ясно и красиво, основанная на общих началах способности говорить. Блудный смысл!

Глава II. „Предметъ Риторики и науки, необходимы для занимающихся Красноречіемъ. Предметомъ Риторики, говоритъ Г. Профессоръ, можно почесть систему правилъ, касающихся до Красноречія.“ Нѣтъ, не можно! Даже по самымъ опредѣленіямъ Г. Сочинителя, нельзя этого допустить. Система правилъ есть не предметъ Науки, а сама Наука; то, о чемъ правила сіи говорятъ — предметъ оной. Если бы Сочинитель сказалъ: предметъ Риторики — Словесность, а цѣль — Красноречіе, какъ искусство; то, прошиворѣча сущности дѣла, онъ, по крайней мѣрѣ, не спорилъ бы съ самимъ собой. Даже! „Красноречіе происшекаетъ отъ совершенствъ ума и сердца, отъ обилія чувствованій и познаній: следовательно тотъ только можетъ быть краснорѣчивымъ, кто добродѣтеленъ и свѣдуецъ въ разныхъ наукахъ.“ Трудно повѣрить, чѣмъ это сказалъ Профессоръ Словесности; но заглавный листокъ утверждаетъ сію жалкую истину.

Можешь быть, Сочинитель, не доброты своей, желалъ бы одѣлать шажковое распоряженіе на счетъ Красноручія; или не перевелъ ли онъ эту мысль съ Лашинскаго? Неужели Г. Профессоръ забылъ, что *virtus* и добродѣтель, *perfectio* (или *perfectus*) и совершенство не равнозначащи? Лашинскія слова сѣмъ имѣютъ значеніе несравненно обширнѣе, нежели Русскія. Если бы позволяло приличіе, то сколько бы можно было насчитывать людей съ рѣдкою добродѣтелью, обширнымъ запасомъ познаній, но съ малымъ языкомъ; и на оборотъ, съ сердцемъ развращеннымъ и коварнымъ, но словомъ очаровательнымъ! Да если бы Г. Сочинитель, составивъ прелію чашу своей книги, вспомнилъ объ этомъ положеніи; то онъ конечно или бы уничтожилъ, или бы, по крайней мѣрѣ, исправилъ ея послѣднее. Неужели рѣчи Наполеона въ Египтѣ, рѣчи Амураши, Тамерлана, столь ясныя, сильныя и убѣдительныя для каждаго Музульманина, суть внушенія добродѣтели? Исторія представляетъ намъ несмѣнное множество *говоруновъ* и писателей, которые не имѣя искры добродѣтели и даже не ошачая оной она глупости; посредствомъ слова управляютъ желаніями и располагаютъ волею народовъ. Чистая непосредственно саздающее за симъ

изложеніе частней Словесности, какъ Науки, конечно всматривимъ, какъ и вездѣ въ сей книгѣ, обычныя противорѣчія и неопредѣленность, каковы наиримѣрь: *Логика*, *Грамматика* и *Риторика* составляютъ *Науку словъ*, и пошомъ двѣ первыя суть *предварительныя Науки* послѣдней; но выдержавъ испытаніе, при чтеніи предшествующаго, можно почтеть въ подобныя мелочи ошдыхомъ, нѣгою для упомянутого смысла. Гдѣ же Науки, въ которыхъ должны быть *свѣдущъ добродѣтельный*, чтобы были краснорѣчивымы? Впрочемъ, кажется, Сочинитель рѣшился побаловать своихъ читателей. Слѣдующія за тѣмъ главы, сверхъ противорѣчій и сбивчивости, относително порядка и расноложенія Науки, опредѣленій и всего содержанія, до такой степени противорѣчаютъ сами себѣ и одна другой, что икъ неумудрено почтеть игою случая, который, но обыкновенной своей зашѣливости и упрямству, хотѣлъ, на зло уму, слышать новую Науку изъ тысячи разногласныхъ мыслей; почерпнувшихъ въ разныхъ мѣстахъ, въ разныхъ краяхъ свѣта, Науку, похожую на твою противорѣчій. Напримѣръ, взглянемъ на согласіе оглавленій съ содержаніемъ главъ: изъ разбора первыхъ

двухъ видно, что онъ не соотвѣшествовалъ
объясненіямъ; въ прелѣй сочинилъ объ-
ясненіе изложилъ *Грамматику* и средства
къ познанію языка. Опредѣливъ *Грамматику*
частную и всеобщую, или *Философиче-
скую*... и сказавъ, что онъ способствовалъ
(только) къ познанію языка, показываетъ
еще другія средства, служащія къ объясне-
нію онаго въ разныхъ отношеніяхъ; сре-
дства сіи — употребленіе, чтеніе, переводъ,
сочиненіе, *этимологическое изслѣдованіе*
словъ и *логическое объясненіе* оныхъ, осно-
ванное на историческомъ развитіи мыслей.
Пошомъ Сочинитель „почелъ полезнымъ раз-
„смотреть рожденіе мыслей младенца,
„постепенно приобретающаго понятія, и
„съ приобретеніемъ понятій языку на-
„учающагося.“ Изъ сего разсмотрѣнія слѣ-
дуютъ выводъ, что „междометія, имена пред-
„метовъ и принадлежностей, союзы, назва-
„нія ошвлеченныхъ и общихъ понятій, пред-
„логи могли составить полный кругъ язы-
„ка.“ Изобрѣтатель прехъ первыхъ — мла-
денецъ, а послѣднихъ — человекъ; но сей
послѣдній „желалъ выразить свои мысли
„не только съ ясностью, но и съ красо-
„тою: для сего онъ изобрѣлъ еще при ча-

ени рѣчи — а) мѣстоименіе, б) причастіе и с) нарѣчіе.“(*)

Наконецъ, упомянувъ о сложных „совершенствѣ“, которое не всѣ народы имѣютъ“ и производныхъ словахъ, онъ заключаетъ тѣмъ, что „наименованія понятій ошвлеченныхъ и существъ умозрительныхъ, представляемыхъ по большей части неопредѣлительно и разнообразно, часто перемѣняющъ кругъ своего значенія.“ Это послужило къ происхожденію проповѣй.

Конечво все содержаніе сей главы, составляющей семь печатныхъ осьмушекъ

(*) Милостивый Государь! учившись нѣкогда въ Андреевскомъ приходскомъ училищѣ, я больно былъ съченъ, когда мнѣ случалось сказать что-либо безъ глагола. Учился нашъ — упокой Богъ душу его! — всегда говаривалъ: слова безъ глагола не имѣютъ смысла. Посему я принялъ смѣлость спросить: почему здѣсь выпущенъ глаголъ? Потому ли что философически можно говорить безъ глагола, или потому, что изобрѣшашели-то были малый да смышленый, одинъ не смыслишь, другой не видишь. Съ жарикомъ-то дѣлалъ нечего, а мальчишку — покойнику бы въ руки. Есть и еще у меня на душѣ воспользуюся — да сшыжусь!

Вашъ покорнѣйшій служникъ,

Типографскій наборщикъ

Власій Глаголовъ.

дѣла, и преимущественно изобрѣшеніе словъ, нуждается въ объясненіяхъ, доказательствахъ, поправкахъ и во всемъ, шому подобномъ; но изложеніе всѣхъ заключающихся здѣсь противорѣчій и несообразностей, заняло бы по крайней мѣрѣ семь нечашныхъ листовъ. Посему допустимъ, будто все, сказанное въ сей главѣ, согласуется умомъ и само съ собою, и спросимъ Г. Профессора: неужели Грамматики сосшопили въ шомъ только, чшобъ сказать въ историческомъ порядкѣ душевныхъ дѣйствій шакія-шо частныя рѣчи изобрѣлъ младенецъ и шакія-шо — человекъ? Кажется, Грамматики должны показашъ общія и частныя свойства и примѣненіе каждой частной рѣчи; ихъ силу, дѣйствіе, зависимость и словомъ шу роль, которую каждый родъ словъ играетъ въ рѣчи. Конечно, ежели принявъ сочинишедево опредѣленіе Грамматики; шонъ, сказавъ, что *Грамматика содержитъ правила, составленныя изъ наблюдений относящихся къ языку...* правъ; ибо въ главу содержишь правила, составленныя изъ наблюдений Г. Профессора, относящихся къ языку; но показывашъ недосшатки эшого опредѣленія — совершенно напрасный трудъ; по смыслу онаго, почти каждую главу сей равно какъ всякой другой въ эшомъ родѣ

книги, особливо великую, можно назвать Грамматикою. Г. Сочинитель долженъ бы также показати, къ какому роду относится сія, такъ называемая, Грамматика. Здѣсь о причастіяхъ и нарѣчіяхъ говорится только о Русскихъ, всѣ же прочія правила и не-правила общія, безъ всякихъ приморowań. И такъ эта Грамматика — *частно-всеобщая*.

Что касается до главъ IV, V и послѣдующихъ, то всѣ онѣ наполнены подобными несообразностями и противорѣчіями, какъ и предшесвующія.

Посему, если бы кто потребовалъ показанія всѣхъ, содержащихся въ оныхъ, недостатковъ; то можно бы было сказать, что онъ желаетъ невозможнаго и бесполезнаго: въ первомъ пусть всякъ убѣдится собственнымъ опытомъ; а второе послѣ того само собою докажется; въ учебныхъ книгахъ тогда только нужны подробные разборы, когда въ нихъ выполнены главныя условія Науки: единство предмета, полнота системы, послѣдовательность и связность въ изложеніи, слѣдовательно когда книга можешь быть исправлена, а въ противномъ случаѣ частныя недостатки показывающія слегка, для образца. Посему нужно довольствоваться теперь размо-

првнїемъ общаго порядка и способа въ изложенїи предмета.

Глава III, Грамматики и средства къ познанію языка; IV, опредѣленіе Логикѣ, понятія, сужденія и умозаключенія; V, о словахъ; VI, о предложеніяхъ; VII, объ источникахъ изобрѣшенія; пошомъ слѣдующъ десяти главъ о періодахъ и объ украшеніяхъ оныхъ, двѣ — о слогахъ, XIX, общіе образцы краткихъ сочиненій; XX и XXI, о хрилахъ; XXII, о расположеніи краткихъ сужденій чрезъ силлогизмъ; XXIII, о разсужденіяхъ длинныхъ, или о большихъ рѣчахъ.

По предназначенію Сочинишеля (во II главѣ) Логика должна предшествовать Грамматицѣ; но приведено ли въ исполненіе расположеніе сіе, рѣшишь порядокъ главъ. Впрочемъ здѣсь Г. Профессоръ, можешь бышь, увлечень общимъ, доселѣ господствующимъ мнѣніемъ, что Грамматика предшествуетъ Логикѣ въ преподаваніи. Но какимъ образомъ слова исключены изъ Грамматики, предметъ коей они всегда составляли, составляють и будутъ составлять? Какимъ образомъ Сочинишель прежде излагаеши источники изобрѣшенія, а пошомъ правила составленія періодовъ?

Примѣры, приведенные Сочинишелемъ для объясненія источниковъ изобрѣшенія,

предполагають знаніе періодовъ; ибо каждый изъ нихъ есть соединеніе многихъ сихъ послѣднихъ. И такъ неужели сначала должно учиться соединенію періодовъ, а потомъ наполненію предложений, или составленію періодовъ? Неужели теорія наполненія предложений для того, кто въ состояніи распространять ихъ, какъ велятъ правила и какъ показываютъ примѣры въ главѣ объ исчисникахъ изобрѣшенія. Ксашаи нѣсколько словъ о примѣрахъ: они или взяты изъ Русскихъ Писателей, или переведены съ иностранныхъ, и по большей части съ Лашинскаго языка. Первые, какъ въ этой, такъ и въ другихъ главахъ прекрасны, а переводы съ Лашинскаго, кажется, суть памятники времени Тредьяковскаго; на примѣръ: „Сколь торжественъ былъ день тотъ, въ который ты, предваряемый ожиданіемъ, и желаніями народа, вступилъ въ сей городъ престольный! Уже сіе самое, что вступилъ пѣшешествуя, какого удивленія, и радости было достойно!“ и такъ далѣе. Или: „Я думаю, что самый шотъ, копорый во время Германской брани изъ нѣдръ Испаніи призывалъ себя, какъ вѣрнаго защитника Державы, самъ предаваясь нѣгѣ, и терзаясь завистію къ чуждымъ доблестямъ, даже тогда, когда требовалъ ихъ

„помощи, сей Государь не безъ страха иъ-
 „коего ощутилъ такое удивленіе къ тебѣ
 „какимъ иъкогда, по совершеніи“ и шакъ
 даѣе. (Плиній въ Похвал. Сл. Тр.)

Въ IX главѣ собрано кое-что изъ того,
 что расшеряно изъ шрехъ предшествовав-
 шихъ.

Что до украшеній періодовъ, то не
 пора ли намъ перестать украшать ихъ
тропами и фигурами — хопя сіи и со-
 сшавляющъ красосу рѣчи? Украшеніе, какъ
 родъ иъкошпораго искуства, должно совер-
 шаться по правиламъ, каковыхъ ни для
 шроповъ, ни для многихъ фигуръ положишь
 нельзя: они сущъ свободное безыскус-
 венное изліяніе сильныхъ движеній души;
 во вшорыхъ шропы часшо бывающъ раз-
 рушителями періодической формы, какъ
 напрімѣръ, всякая мешафора; въ шрешнихъ,
 иногда для сшавленія одной фигуры нужно
 соединишь иъсколько періодовъ. Но грѣшно
 шамъ искашь новаго, гдѣ не могушь ула-
 дишь сшараго и пресшараго. Не будушь ли
 періоды красивѣе, ежели Сочинишель *Воен-*
наго Краснортчія вздумаетъ украсишь ихъ
 своимъ *ладнымъ* и плавнымъ печеніемъ и об-
 щими совершенствами слога? Наконецъ про-
 пусшивъ многое, счишаю нужнымъ спро-
 сишь Г. Профессора: неужели онъ не нахо-

дишь различія между *длинными* разсужденіями и большими рѣчами? Довольно для общихъ началъ, а собственно *Военное Краснорѣчіе*, для повѣрки, можно послать на театръ войны.

Показывашь неправильность, сбивчивость, неопредѣлительность и другіе недосшатки слога сей книги не счишаю нужнымъ, во-первыхъ пошому, что всякій читашель самъ по себѣ найдешъ на каждой страницѣ рѣдкіе образцы *какофоніи*; во-вторыхъ, пошому что прочитавъ *новую теорію слога*, изложенную въ *Военномъ Краснорѣчьи*, не шолько почишаю себя невѣждою въ шомъ отношеніи, но даже не имѣю надежды и исправивъ сего моего недосшатка; ибо изложенныя Сочинишелемъ (сверхъ общихъ) особенныя 73 качества слога и 12 разъ повшоренное и проч., ошнимающъ всякую надежду познать сію необъяснишность. Теорія сія предполагаетъ подробное знаніе всѣхъ странъ Свѣша и характеристикш ку всѣхъ народовъ, населяющихъ Земной Шаръ; ибо между множествомъ подраздѣленій слога находяшся шакже различія онаго *по странамъ*, *по состояніямъ* говорящаго и даже *по мѣстамъ*, на кошорыхъ говорштся. Въ шрешнихъ, пошому, что у насъ подобныя разборы многими называющеш

придиркою къ словамъ; въ четвертыхъ, бо-
жью показаться раскольниковъ.

Впрочемъ въ обязанность себя вѣняю
съ подобающимъ почтеніемъ напомнить Г.
Профессору, что первое и самое важнѣйшее
условіе, относительно слога, въ учебныхъ
книгахъ есть *опредѣлительность*, о со-
блюденіи кошорой онъ, кажется, менѣ всего
забылся, и для кошорой должно было
жертвовашь всеми прочими качествами
слога, ежели бы они спали въ пропиво-
борство съ оною. Безусиѣнность многихъ
у насъ Наукъ — источникъ предубѣжденій
противъ оныхъ — происходитъ отъ господ-
ствующаго предразсудка, что *ясность въ
учебныхъ книгахъ предпочитается всему*.
Это желаніе быть яснымъ, вводитъ въ Нау-
ку непроницаемую шму; пошому что по-
нятія имени немногимъ извѣстныя, а часто
совсѣмъ новыя, будучи выражаемы словами,
всякому извѣстными и уже имѣющими опре-
дѣленное значеніе, бывають понимаемы раз-
лично и по большей части *криво*. Коль скоро
каждое понятіе опредѣлено согласно съ при-
родою его, а не съ обстоятельствами слу-
чайными, каждый предметъ называется
вездѣ одинаково точнымъ опредѣленнымъ
словомъ; по книга будетъ, ежели не ясна,
по крайней мѣрѣ, удобопонятна. Учебныя

книги пишушь или для свѣдущихъ, или для желающихъ бытъ шаковыми, или для тѣхъ, и другихъ вмѣстѣ: первыхъ не останавишь мнимая темнота, кода скоро они видяшь, что всякая мысль выражена вѣрно и точно; а вторые, понявъ, при руководствѣ учителя, слова, поймушь и мысли, и никогда не могушь ни забытъ, ни смѣшашъ съ другими сихъ новопріобрѣтенныхъ познаній. Опреѣлишельность не имѣешъ ни степеней, ни относительности, а ясность — понятіе относительное и имѣешъ безконечную постепенность. Сочинители учебныхъ книгъ, желающіе бытъ ясными, забывъ опреѣлишельность, присуждены бываюшь говоришь много; и вмѣсто того, чтобы остановишь вниманіе читателя, и заславиль его углубишься въ сущность истины, они занимаюшь его описаніемъ соприкосновенностей и по большей части случайныхъ, внѣшнихъ, свѣдывательнаго легко понимаемыхъ качествъ и частныхъ ея примѣненій. Неопытный читатель поздравляя себя обогащеннымъ новыми познаніями, осмаетъ шѣмъ же чѣмъ былъ. Возьмемъ въ примѣръ изъ *Военнаго Красноярчія* изложеніе самой ясности слога. Сочинитель, распространяясь на шрехъ страничкахъ и отсылая еще къ другимъ главамъ, говоришь: чего ясность шре-

буешь, что для нея необходимо, что нужно, отъ чего зависишь, отъ чего происходишь, на чемъ основываешься и шому подобное; а въ чемъ она состоишь? — Отгадай, не скажу!

А. Н.

III.

ТЕХНОЛОГІЯ.

О ПИТАТЕЛЬНЫХЪ ВЕЩЕСТВАХЪ И ИХЪ СВЕРЖЕНІИ (*).

Животныя вещества, вообще, весьма питательны, особливо изъ животныхъ сощещишающихъ и пшницъ. Нѣкоторыя изъ рыбъ сощещишають исключеніе изъ этого правила; только это исключеніе зависишь или отъ сложенія иныхъ недѣлимыхъ, трудно переваривающихъ эти вещества, или отъ какой нибудь особенности въ самомъ животномъ, сощещишающей его нездоровымъ; вообще же рыбы питательны. Но чѣмъ ниже опускаются въ классъ животныхъ, тѣмъ болѣе таковыя исключенія умножаются; и наконецъ, царство прозябаемое предска-

(*) Dictionnaire portatif de chimie, etc. Paris, 1824.

чаяешь уже только небольшое число питательных существъ, а напрошивъ содержишь въ себѣ много ядовитыхъ или нездоровыхъ для живошной экономіи, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они даются въ малыхъ приемахъ для прошиводѣйствія болѣзнямъ.

Живошныя чешвероногія, всѣ безъ исключенія, какъ мы сказали, питательны; но мясо ихъ много разнится между собою во вкусъ и количествѣ питательныхъ началъ. Всякую часть вшихъ живошныхъ можно употреблять въ пищу; самыя же питательныя изъ вшихъ частей вообще сушь: мясо, мышцы, перепонки. Молоко всѣхъ чешвероногихъ употребляется въ пищу и почти всегда съ пріятностію. Мясо и прочія части спановашся жесче въ живошномъ по мѣрѣ, какъ оно увеличивается, не только въ породахъ, но и въ разностяхъ одной и той же породы. Вообще, тѣ живошныя недѣлимые, копорыя имѣють лучшій и изобильнѣйшій кормъ, доставляють изъ себя и лучшую пищу, нежели питающіяся умеренно. Органы молодыхъ живошныхъ содержатъ въ себѣ спудени болѣе, нежели органы живошныхъ возмужалыхъ; въ послѣднихъ находится болѣе жиловашности (*fibrine*) и вышяжки. Слѣдовательно, мясо

первыхъ слаще и нѣжнѣе; а у послѣднихъ —
 вкуснѣе и шверже. Качество мяса въ жи-
 вошныхъ зависишь еще отъ ихъ пола: мясо
 самокъ пріятнѣе и мягче мяса самцовъ, у
 коихъ волокна бывають шверже и вкусъ
 грубѣе. Вліяніе дѣшгородныхъ органовъ весь-
 ма замѣчашельно: мясо самокъ спановишся
 нѣжнѣе, когда ихъ лишаютъ яичниковъ. Ка-
 чество мяса зависишь и отъ пищи, копо-
 рою живошное пишалось; вообще, любовина
 жирныхъ живошныхъ предпочишася лю-
 бовинъ живошныхъ худо кормленыхъ; дикія
 живошныя не бывають, можешь бышь, никогда
 слишкомъ жирными. Однако же искусшвен-
 ное опкармливаніе зашло уже слишкомъ да-
 леко, такъ, что способъ опкармливанія бы-
 ковъ масляными выжимками оставлень, по-
 тому что отъ этого сообщался ихъ мясу
 непріятный вкусъ. Время года шакже
 имѣешь вліяніе на качество говядины и ба-
 ранины, хошя и меньшее, нежели на прочіе
 роды пищи. Это вліяніе основывашся оп-
 части на кормъ, болѣе или менѣ сочнымъ,
 копорый дають живошнымъ, опчасти на
 періодическихъ перемѣнахъ, въ нихъ бываю-
 щихъ, а опчасти и на темперашурѣ. Мясо
 бывашъ лучшимъ въ первую часть года.
 Въ продолженіе первыхъ зимнихъ мѣсашевъ
 живошное пользуется еще всеми выгодами

хорошаго лѣшняго корма. Но потомъ вкусъ мяса его начинается уменьшаться опъ зимней пищи, и весною оно уже худѣетъ по недоспашку довольнаго корма. Быкъ и баранъ ни въ какое время не исключаются изъ споловъ нашихъ; но лучшими они бываютъ только въ Ноябрь, Декабрь и Январь. Свинина лѣшомъ не здорова, и бынаетъ хороша только зимою. Олени самцы бываютъ весьма хороши съ Іюня до начала Сентября; а въ это время происходятъ у нихъ печка, и они спановяшся тогда истощаемыми и худыми. Самки же вообще имѣють дурное мясо, когда кормяшь грудью или уже ошкормили.

Въ Англіи и другихъ мѣстахъ скопъ убивается слѣдующимъ образомъ: сначала поражаютъ скопину дубиною или обухомъ въ голову и потомъ перерѣзываютъ горло, чтобы выпустить кровь; но это способъ жестокъ и не безопасенъ: надобно сразить живошное на землю первымъ ударомъ, прочіе могутъ быть невѣрными и трудными; и если оно не хорошо связано, то можетъ сдѣлаться весьма опаснымъ. Лордъ Соммервилъ старался ввести способъ убивать живошныхъ, раздѣляя имъ хребетный мозгъ повыше нервовъ грудобрюшной преграды, какъ то употребляется въ Варва-

ріи, Іспаніи, Португаліи, на Ямаикѣ и въ нѣкошорыхъ мѣстахъ Англіи. Г. Джексонъ говоритъ, что лучше всего убивать молодыхъ быковъ, вонзая имъ острое орудіе въ хребетный мозгъ, отъ чего они въ мигъ падають на землю, послѣ сего топчась же открыты имъ сердечныя артеріи: но вшось способъ неудобенъ, да и мясо животныхъ, шакъ убитыхъ, бываетъ черно и скоро поршился, вѣроятно отъ того, что изъ животного не совсѣмъ хорошо выпускается кровь, ибо дѣйствіе сердца прерывается прежде, нежели перерѣжутся шейные сосуды. Слѣдовательно, кажется, лучше убивать ихъ перерѣзывая горло и выпуская кровь до смерти, какъ то дѣлають съ пеляшами, свиньями, баранами и ягнятами. Животныя, убитыя случайно, какъ то: ушопувшія, задавившіяся, замерзшія, и проч., бывають не совсѣмъ здоровы; они разнятся отъ убитыхъ обыкновеннымъ образомъ только въ томъ, что изъ нихъ не была выпущена кровь; каковое обстоятельство относится и до шѣхъ животныхъ, кои ловятся западнями, пшеняками и тому подобнымъ, и умерщвляются шамъ собаками. На свѣтѣ не находится пшиць, ни часпей или лицъ пшицьихъ, коихъ не можно бы было упошреблять въ пищу. Образъ кормленія

пшицъ имѣешь вліяніе на вкусъ ихъ мяса: дикія пшицы бывають рѣдко жирными. Искусство откармливать пшицъ состоишь въ томъ, чтобы ихъ держать въ заперти и давать имъ изобильно здоровый кормъ. Водяныхъ пшицъ, особенно гусей, не должно пускать на воду, ибо онѣ тогда не только не жирѣють, но еще получають непріятный вкусъ. Откармливаніе пшицъ составляетъ значительный предметъ сельскаго хозяйства. Назначенныхъ для сего пшицъ сажаютъ въ темное мѣсто и даютъ имъ тамъ всѣ сколько хотять ячную кашу, смѣшанную съ бараньимъ саломъ и подслащенную сахарнымъ пескомъ: онѣ жирѣють ошъ этого въ двѣ недѣли. Если же ихъ держать тамъ долѣе, то онѣ погибнутъ ошъ лихорадки, приключающейся ошъ такового непрерывнаго обремененія желудка. Но пшицы, откармливаемыя такимъ образомъ, никогда не бывають ни столь вкусны, ни, вѣроятно, столь здоровы, какъ пшицы той же породы, но разжирѣвшія естественнo. Епикурейцы всѣхъ вѣковъ мудрили въ выборѣ различныхъ пшичьихъ частей, и Древніе проспирали эту чувственную разборчивость гораздо далѣе новѣйшихъ. Въ самомъ дѣлѣ мы уважаемъ пшичій гребешокъ, кулика и даже сокъ,

вышекающій изъ него во время жаренья, внутренности драхвы, зобъ, печенку гуся и ушачьи лапы. Но мы знаемъ, что Римляне считали лучшимъ кускомъ страусовы и попугаевы мозги и жирную гусиную печенку. Эта послѣдняя находилась всегда въ большомъ уваженіи и составляла въ нѣкоторыхъ провинціяхъ важную вещь сельскаго хозяйства. Способы, употребляемые для сего въ разныхъ мѣстахъ Франціи, описалъ подробно Соннини. Они заключаются въ увеличиваніи печени. Для удовлетворенія прихотей вкуса, стараются направить всѣ жизненные силы къ этому органу и произвести въ немъ родъ печеночной кахексіи. Въ Альзациі опкармливатели покупаютъ молодого гуся, и сажаютъ его въ деревянный ящикъ, столь тѣсный, чтобы гусь не могъ шамъ двигаться; дно у ящика дѣлается рѣшетчашое, чтобы могли проходить испражненія. Въ передней части ящика находится пухотка для гусиной головы, а ниже придѣлано корыщцо, въ коемъ всегда держится вода съ нѣсколькими кусочками древеснаго угля. Одного буассо мансу достаточо для прокормленія гуся въ теченіе мѣсяца, къ которому времени онъ становится довольно жирнымъ; около двадцати перваго дня примѣшиваютъ къ мансу

нѣсколько маковаго масла, и когда усмотряшь подѣ крыльями кусокъ жиру или лучше замѣшишь трудность дыханія, то значить, что настало время убить гуся, иначе онъ умеръ бы тогда самъ отъ жиру. Печень всыпъ отъ одного до двухъ фунтовъ, сверхъ того пшца бываетъ весьма пріятна вкусомъ и доставляетъ, когда ее изжаряшь, отъ трехъ до пяти фунтовъ жиру, употребляемаго для сдобленія снѣдей прозябаемыхъ.

Живошныя пресмыкающія мало употребляются въ пищу, и болѣе, какъ покажется, по причинѣ своего отвратительнаго вида, нежели непріятнаго вкуса, потому что самыя прихотливыя кушанья нашихъ шоловъ часто берутся изъ этого класса. Кромѣ зеленой черепахи, многія другія породы черепахъ, именно: *Graca Europea* и *Egox*, употребляются въ пищу. Говорятъ, что мясо послѣдней весьма вкусно, только не очень здорово; но это можетъ быть одинъ предразсудокъ. *Lacerta scincius* (ящерица) весьма уважается обитателями Востока, какъ возбуждающее (aphrodisiaque) средство. Лица *игуаны* (ящерица) и болѣе части черепахъ, даже шакихъ, коихъ мясо счищается вреднымъ, *imbricata*, сушь пишашельны и пріятны. Мясо змѣи *Coluber*

natrix ѣдятъ во многихъ мѣстахъ; самая даже ехидна, коей угрызеніе бываетъ ядовито, доставляетъ изъ себя весьма здоровую для стариковъ пищу. Изъ лягушекъ: *Rana esculenta* весьма уважается во Франціи. *Rana taurina* не уступаетъ черепахъ. *Rana bombina* хотя изъ рода жабъ, но употребляется во многихъ мѣстахъ въ пищу.

Во многихъ странахъ рыба составляетъ единственную или главную пищу жителей, кои отъ того получили названіе ихтіофаговъ, или рыбаццевъ. Въ Сибири употребляютъ сушеную рыбу вмѣсто хлѣба. Лапландцы дѣлаютъ хлѣбъ изъ рыбьихъ костей; а Негры въ западной части Африки сушатъ одну породу рыбы, и сбиваютъ ее деревянными колошущками въ тѣсто. Приготовленную такимъ образомъ рыбу они берегаютъ во весь годъ, и ѣдятъ, съ рисомъ или другимъ хлѣбомъ. Неизвѣстно еще отъ чего рыбы сшановятся ядовитыми; ибо это качество не принадлежитъ особенно какому нибудь роду или породѣ, но встрѣчается только въ недѣлимыхъ. Всякая рыба подозрительна, когда величина ея несовсѣмъ обыкновенна, или не имѣетъ рыбьяго запаха, или зубы у нея черные, или наконецъ серебро, съ нею вареное, почернѣетъ. Но всѣ эти признаки недословѣримы. Увѣряютъ,

что ядовитое качество разрушается отъ соленья, или употребляя въ пищу вмѣстѣ морскую воду, сокъ лимонный, сахарнаго тростника или сладкихъ пашаповъ. Иногда увеличивающъ доброту рыбаго мяса особенымъ способомъ, называемымъ *racolage*. Этотъ способъ былъ изслѣдованъ Г. Карлейлемъ и состоятъ, по словамъ его, въ нижеслѣдующемъ: „Если въ убитой рыбѣ еще не наспутили смертельныя сжимающія корчи, то можно этотъ способъ произвести съ успѣхомъ. Морская рыба, къ сему назначенная, обыкновенно убивается въ голову потчасть, какъ скоро бываетъ поймана. Потомъ разрывающъ ее во многихъ мѣстахъ поперегъ и кладущъ въ холодную воду; послѣ чего сжатіе, давшее этому способу названіе *gasolage*, происходитъ чрезъ пять минутъ; а въ большихъ рыбахъ бываетъ потребно на оное иногда и шестцать минутъ. Для сжатія рыбы прѣсноводной, пребываетъ вода жесткая, которую и употребляютъ обыкновенно Лондонскіе рыбаки. „Г. Карлейль находишь, что отъ такого сжатія увеличивается въ мышцахъ вѣсъ и плотность, такъ, что кажется, какъ будто бы вода въ нихъ вошла и тамъ сгустилась. Замѣчено, что это дѣйствіе усиливается вмѣстѣ съ живучестіемъ рыбы. Изъ этого

видно, что способ сей состоитъ въ томъ, чтобы сначала замедлить естественное сжатіе мышцъ, а потомъ, посредствомъ скорого прилитія холодной воды, возбудить его въ возможно-высшей степени, такъ, чтобы рыба получила нужную твердость и могла долѣе сохраняться; ибо надобно замѣшить, что твердость мяса означаетъ, что рыба свѣжа и порпиться не начинала.

Моллюски не составляютъ значительной статьи въ пищеупотребленіи, да и кушать ихъ небезопасно, особенно безчерепныхъ; если и ѣдятъ каракапицу и нѣкоторыхъ ножновокъ, то это не вообще. Гребенка, багрянка употребляются въ пищу простымъ народомъ въ Англіи. *Helix pomatia* (слизень) выводится и ошкармливается со спараніемъ жишелями Швейцаріи какъ предметъ роскоши, вывозимый соленымъ за границу. Нѣкоторыя другіе изъ слизней также употребляются простымъ народомъ въ различныхъ странахъ въ пищу, и мы не знаемъ, можно ли ихъ считать вредными здоровью. Двучерепныя же вообще здоровы; и нѣкоторыя изъ нихъ долго были лакомствомъ для приходившихъ ѣдоковъ. Римляне посылавали за устрицами въ Англію;

а Англійскіе Епикурейцы лакомятся *Pholas dactylus* (камяепочецъ) съ береговъ Италіи.

Скурауновашья животныя средней величины вообще вкусны, и нѣкошорыя изъ нихъ даже весьма уважающся. Они принадлежатъ обыкновенно къ роду рака, и сославляють породы короткохвостыхъ и длинхвостыхъ. *Крабъ мохнѣтый* одинъ изъ любимѣйшихъ во Франціи; *Cancer tobenas* вѣдять въ Лондонѣ.

Насѣкомыя весьма мало употребляютъ въ пищу; одну *саранчу* только вѣдять въ большемъ количествѣ, какъ свѣжую, такъ и соленую. Такимъ образомъ она вознаграждаетъ собою отчасти опустошенія, ею причиняемыя.

Царство прозябаемое доставляетъ всѣмъ пищу; даже и нѣ животныя употребляютъ оную, кои обыкновенно кормятся мясомъ. Однако же находишь множество растений вредныхъ: одни пошому, что неудобоваримы; другія пошому, что лишены питательныхъ веществъ, а иныя наконецъ пошому, что ядовиты. Такимъ образомъ нельзя навѣрное употреблять въ пищу растений изъ породъ незнакомыхъ. Въ прозябаемомъ всѣ части его, какъ то: корни, стебли, почки, листья, цвѣтки, плоды,

сымена и все цѣлое растеніе идущъ въ употребленіе. Сымена новораслей, или злаковъ, по новѣйшимъ Ботаникамъ, составляютъ существенную часть пищи, почти во всѣхъ климатахъ.

О сбереженіи. — Снабженіе пищею подвержено неправильностямъ. Слѣдовательно, сбереженіе избытка, производимаго однимъ временемъ года, чтобы избѣжать недостатка, бывающаго въ другое время, есть предметъ весьма важный. Вообще, органическія существа, по лишеніи жизни, претерпѣвають въ составѣ своемъ химическія переменны, болѣе или менѣе быстрыя, смотря по тому, какова ихъ природа. Первые измѣненія бывають различны почти въ каждомъ существѣ, но изъ нихъ происходятъ всегда два рода броженія, требующія, независимо отъ присущствія органическаго вещества, многихъ условій. Главнѣйшія изъ нихъ суть: извѣстная температура, значительное количество влажности и доступъ наружнаго воздуха. И такъ, препятствуя соединенію этихъ условій, или измѣняя ихъ, мы можемъ предотвращать или приводить въ порядокъ естественное броженіе. Родъ броженія въ существахъ зависитъ отъ ихъ состава; словомъ, можно замѣтить, что тѣ изъ нихъ, кои не содер-

жашъ въ себѣ извѣстнаго количества азота, не могутъ приходить въ гнилое броженіе, но переходящъ поспешенно въ броженіе винное и уксусное, и разрушающся. Съ другой стороны тѣ, кои заключающъ въ себѣ довольно азота, претерпѣвають только первое броженіе. Но находятся и такіа существа, кои, содержа въ себѣ небольшое количество азота, претерпѣвають оба рода броженія. Большая часть растений употребляются свѣжими, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Растенія должны сберегаться раздѣльно, а не въ соприкосновеніи: иначе они скоро обнаруживаютъ особенный запахъ. Парей или селлери какъ разъ испортишь корзику цвѣтной капусты или другихъ хорошихъ растений. Другое общее правило состоишь въ томъ, что не должно растений держашъ или мышь въ водѣ, если не топчась ихъ употреблять, ибо опъ этого уменьшается въ нихъ душистость; но если они собраны уже давно, то должно почши всегда ихъ мочить прежде варенья, иначе они будутъ жестки и не такъ пріятны. Надлежишь у растений, у коихъ видъ это позволяетъ, опрызывать конецъ стебля и опускашь опрызанный конецъ въ воду; въ иныхъ случаяхъ бываетъ хорошо погружать въ воду все растение. Сочныя растения дол-

жно сохранять въ мѣстахъ холодныхъ, тѣ-
 ниспыхъ и сырыхъ, связанными въ пучкахъ,
 а не порознь, ибо они скоро дрябнушъ и
 морщатся. Но если ихъ берегаютъ въ боль-
 шихъ связкахъ и долго, то обнаруживается
 въ нихъ плесень, а это есть уже начало
 броженія, измѣняющаго ихъ природу. Во
 многихъ случаяхъ, самымъ дѣйствишельнымъ
 средствомъ бываетъ недопущеніе испаренія.
 Каршфель, рѣпу, морковь и другіе подоб-
 ные корни, никогда не надобно очищать
 отъ земли, кошорою они замараны; въ
 прошивномъ случаѣ, оборвушъ вмѣстѣ съ
 землею маленькія волокна, и испареніе уве-
 личится. Таковыя корни надлежитъ сколь-
 ко можно болѣе берегать отъ царапинъ
 или другихъ пораненій, а лишвинѣ у рѣ-
 пы и моркови срѣзывать повыше корня.
 Наконецъ, надобно ихъ предохранять отъ
 дѣйствія воздуха и мороза. Въ этомъ успѣ-
 ваюшъ, зарывая ихъ въ землю или песокъ,
 или погружая въ воду, или прикрывая соло-
 мою. Дѣйствіе мороза весьма разрушитель-
 но: если онъ силенъ, растеніе погибаетъ.
 Прозябеніе сѣмянъ превращаетъ ихъ крах-
 маль въ сахаръ, какъ это видно въ приго-
 товленіи солода. Если, послѣ этой пере-
 мѣны, сѣмена бываюшъ хорошо высушены,

то можешь еще сохраняться нѣсколько времени.

Зрѣлость плодовъ, хотя мало еще изслѣдованная, составляетъ, кажется, нѣкоторое измѣненіе того же свойства, то есть, что сахаръ образуется на счетъ прочихъ, плодовыхъ началъ, еще зеленыхъ. Искусство сберегаетъ шаковые плоды состоятъ въ томъ, чтобы останоить или замедлить въ нихъ эти перемѣны. Кажется, что влажнсть необходима къ разрушенію плодовъ: слѣдовательно, тщательное высушивание можешь способствовать ихъ сбереженію; такъ сохраняются фиги, черносливъ, и проч. и проч. Но можно сберегать плоды и безъ высушиванія, если не допускаешь до нихъ совершенно воздуха. Такимъ образомъ, смородина, вишни, сливы, собранныя довольно сухими, можешь сберегаться въ закупоренныхъ бушылкахъ, поставленныхъ въ землю вверхъ дномъ. Виноградные грозды можешь сохраняться въ связкахъ, замазывая сѣбелный опрѣзь воскомъ, или закладывая ихъ въ сухой песокъ, опруби, опилки, просо и проч.; можно даже иногда сберегать виноградъ въ водѣ.

Животныя существа, по потерянїи жизни, имѣють примѣнное стремленіе къ гнилому броженію. Но прежде этого дѣйствія

въ нихъ совершающся разныя перемѣны, тѣсно связанныя съ нашимъ предметомъ. Послѣ смерти животноя охлаждающъ скоро или медленно, согласно температурѣ или существамъ, съ коими они находящся въ соприкосновеніи; вообще, это охлажденіе происходитъ медленно. По прекращеніи всякой раздражимости, мускулы окоченѣвають, начиная съ туловища и потомъ доходя до конечностей. Это дѣйствіе происходитъ весьма быстро у животныхъ совершенно здоровыхъ, и напротивъ, довольно медленно у такихъ, кои умерли отъ изнуренія и усталости. Члены остаются въ томъ положеніи, въ какомъ смерть ихъ застала: а потому мясники старающся располагать члены сколько можно лучше, когда еще они мягки. Пока эта окоченѣлость продолжается, мясо бываешь жесткимъ и дряблымъ; для супа не годится, хотя пишателью и весьма пригодно для бульона. По прошествіи же окоченѣлости, мясо скоро подвергается химическимъ перемѣнамъ, оканчивающимся гніеніемъ: а потому, въ домашнемъ хозяйствѣ весьма нужно наблюдать, чтобы всякое мясо находилось въ среднемъ состояніи, когда употребляютъ его въ кушанье; ибо никакое знаніе въ поваренномъ искусствѣ не можешь вознаградить пренебреженія этого

обстоятельства. Кушанье, въ которомъ мы можемъ открыть малѣйшую степень гнилости, достигло своего предѣла (maximum) *нѣжности*, и должно быть употребляемо безъ ошлагательства; но прежде этого состоянія, которое бываетъ иногда вреднымъ, степень нѣжности можешь быть познаваема по большей или меньшей удобности, съ которою мясо подается опъ давленія въ него пальцемъ. Главнѣйшія средства къ предупрежденію броженія въ органическихъ веществахъ сушь: пониженіе температуры, высушиваніе, недопущеніе воздуха и дѣйствіе многихъ веществъ, называемыхъ прошивугнилоостными. Вообще эти средства употребляются совокупно; однако же мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности о дѣйствіи каждаго изъ нихъ въ особенности, и покажемъ ихъ приложенія къ царствамъ прозябаемому и животному.

Умѣренное пониженіе температуры дѣйствуетъ на живущія шѣла шѣмъ, что замедляетъ въ нихъ дѣйствія жизненное и химическое: пониженіе температуры способно заморозить соки и жидкости въ шѣлахъ органическихъ, уничтожить жизнь, превративъ воду въ ледъ, и шѣмъ удалить одно изъ существеннѣйшихъ условий химическаго дѣйствія. На мертвые органическія суще-

ошва, уменьшеніе температуры дѣйствуетъ двояко, или предотвращая или замедляя оное дѣйствіе. Предохранительное свойство холода весьма важно для сѣверныхъ народовъ, кои могутъ чрезъ то весьма удобно запасаться припасами, для зимняго своего продовольствія: такъ напримѣръ, на Петербургскихъ и Московскихъ рынкахъ бываетъ великое множество разнаго мяса, птицъ и рыбъ замороженныхъ. Эту выгоду имѣютъ всѣ сѣверныя страны. Для распаянія замороженныхъ припасовъ нужны нѣкоторыя предосторожности. Мясо, которое хотишь употреблять, разрубается или разрезывается на части и кладется въ холодную воду, гдѣ скоро распаявается; но если положишь его для сего въ горячую воду, то оно потеряешь большую часть своихъ соковъ, и будешь въ кушанъ не ошодъ вкусно, какъ первое. Если бы начали варить мясо не распаявшее, то оно снаружи бы перепрѣвало, а внутри осшавалось бы сырымъ или даже мерзлымъ.

Второй общій способъ останавливать броженіе состоитъ въ высушиваніи или лишеніи шой степени влажности, которая необходима для ашого рода химическаго дѣйствія. Высушиваніе производится посредствомъ воздуха, который уноситъ

влажность у шѣлъ, подверженныхъ его дѣйствію. Гелюссахъ нашелъ, что соки растений и животныхъ никогда не приходили въ броженіе, когда не было къ нимъ доступа кислороду, и что во всѣхъ случаяхъ это броженіе начиналось отъ соприкосновенія съ симъ газомъ. При высушиваніи онъ превращается въ оцетъ объёмъ въ угольную кислоту, и всякое послѣдовательное дѣйствіе прекращается. По этому способу издавна сберегаются припасы въ хозяйствахъ. Нѣтъ ничего проще, какъ средство Г. Раффальда сберегать зеленый горохъ, и проч. и проч.: онъ кладетъ его въ чистую, сухую бушылку, заштыкаетъ пробкою, завязываетъ пузырь и относитъ въ сухое и холодное мѣсто. Можно также наполнять бушылки сначала кислымъ сѣрноватымъ газомъ, держа ихъ опрокинутыми надъ горячею сѣрою. Это дѣлается для того, чтобы изгнать изъ нихъ и малѣйшее свободное количество кислорода. Успѣхъ этого способа будешь вѣрить, когда положенныя въ бушылки существа подвергнутся жару: для сего, ихъ или кладутъ въ мѣдный кошелъ съ горячею водою, держа ихъ въ ней до того, какъ они сквозь разогрѣются, или сплавятъ въ печь, по вынутіи хлѣбовъ, пока уменьшавшаяся на четвертую долю.

Животныя существа бывали также по долгу берегаемы, когда их предохраняли отъ соприкосновенія съ воздухомъ. Самый примѣчательный для сего примѣръ состоитъ въ намазываніи масломъ яицъ, отъ чего скважины на нихъ закрываются, и воздухъ не можешь болѣе проходить сквозь нихъ и прикасаться къ зародышу; намазывашь масломъ яйцо лучше всего тотчасъ по снесеніи, когда оно еще теплое; такимъ способомъ яйцо сохраняется долго свѣжимъ; но какой бы впрочемъ ни былъ промежутокъ времени, между снесеніемъ яйца и намазаніемъ его масломъ, разверзаніе въ немъ оспанавливается. То же самое производяшь, только не столь совершенно, удерживая яйцо подъ водою. По опыту Реомюра, кажется, что лишеніе воздуха не только не убиваетъ въ яицѣ зародыша, напротивъ онъ сохраняется долѣе, нежели безъ употребленія сего способа; эшопъ Ученый покрылъ яйца лакомъ, и увѣрился, что они могли чрезъ два года произвести цыплятъ, когда съ нихъ лакъ ошорожно сняли.

Сбереженіе пищевыхъ веществъ, чрезъ недопущеніе къ нимъ воздуха, было извѣстно давно; однако же Г. Алперъ сдѣлалъ правильное и ученое приложеніе способовъ, коимъ должно слѣдовать, когда про-

изводство дѣлается въ большомъ видѣ; онъ убѣдился опытами:

1-е. Что огонь имѣешь не только особенное свойство измѣнять соединеніе между соспавными частицами растеній и животныхъ, но и замедляешь по крайней мѣрѣ на многіе годы, если не вовсе разрушаешь, естественное стремленіе сихъ существъ къ разложенію.

2-е. Что всѣ эти существа, посредствомъ огня, различно къ нимъ приложеннаго, и лишеніемъ сколько возможно всякаго соприкосновенія съ воздухомъ, сохраняющъ свои природныя качества.

По симъ началамъ, онъ придумалъ различные способы къ сбереженію, согласно природѣ существъ, кои желаютъ сберечь; но вотъ главныя условія: 1-е, существо, назначенное къ сбереженію, положишь въ бушмаку; 2-е, бушмаку закупоришь съ величайшимъ стараніемъ; ибо на этомъ основывается успѣхъ сего производства; 3-е, закупоренную бушмаку подвергнешъ дѣйствію кипящей воды въ марьиной банѣ въ продолженія долгаго или короткаго времени, смотря по природѣ существа; 4-е, по истеченіи того времени, бушмаку изъ марьиной бани вынешъ.

Г. Апперъ употребляетъ для сего сначала стеклянные сосуды; но какъ ихъ трудно закупоривать герметически, особливо при значительномъ ошверзшии, по нынѣ онъ употребляетъ оловянные цилиндры, кои, по наполненіи, запаиваетъ. Это средство необходимо для сбереженія животнохъ существъ, пребующихъ большаго старанія, нежели прозябаемыя. Оловянные сосуды были, кажется, употреблены въ Лондонѣ Гг. Донкиномъ и Гамблемъ. Всякое животное вещество, говядина, шеляпина, баранина, ищицы, супы, бульоны, расшенія, сливки и пирожное, все можетъ быть сбережено помощію этого средства.

Соленіе производится или напирая солью существо сухое, или погружая его въ рассоль. Первымъ способомъ существо сохраняется долѣе, но доброшою бываетъ хуже; сберегаемое же вторымъ способомъ, оно бываетъ извнѣе и пишательнѣе. Шесць фуншовъ (*) соли, фуншъ сахару и чешвершъ фунша селишры развариваются въ шридцаши пинтахъ (**) воды; по снятіи пѣны и охлажденіи, выходитъ изъ этого весьма крѣпкій

(*) Французскій фуншъ составляетъ нашихъ пшчш $11\frac{1}{4}\frac{7}{8}$ золотниковъ.

(**) Нашихъ 40 бушловъ, или $2\frac{1}{2}$ ведра.

разсолъ, для сохраненія мяса. На положенное въ разсолъ вещество кладушь гнетъ, чѣмъ оно было въ разсолъ погруженнымъ. Можно снова упошребляшь шомъ же разсолъ, переваривая его съ новою солью, чѣмъ бы возврашшь ему силу, кошорую онъ поперялъ чрезъ присоединеніе часши своей солкосши къ лежавшему въ немъ веществу, и чрезъ вышедшій изъ сего послѣдняго и смѣшавшійся съ разсоломъ сокъ. Посредствомъ варенія, бѣлокъ, кошорый испортилъ бы разсолъ, сѣршывается и поднимается пѣною, кошорую надлежишь щцательно сниматьъ.

Сухое соленіе производится чрезъ нашираніе и покрываніе сберегаемаго существа солью. Рыба можетъ также сберегаться сухимъ и жидкимъ соленіемъ: первый способъ упошребляется въ большемъ видѣ на островахъ Шетландскихъ (*).

Голландцы получающъ большія выгоды отъ своего превосходнаго соленія сельдей, ловимыхъ у береговъ Англіи. Они упошребляющъ соль Испанскую и Португальскую; бросающъ всякую рыбу, кошорой не могушь вычисшишь при солнцѣ; старающъ

(*) У насъ въ Россіи много солящъ такимъ образомъ, особенно рыбу на Волгѣ, Уралѣ и др. м.

ся сами особенно о разборѣ рыбы; каждую бочку наполняютъ одинаковою породою; на ночь печашають и чрезвычайно рачительно наблюдаютъ за разсоломъ.

Часто сберегаютъ сельдей и семгу посредствомъ копченія, то есть, высушивая ихъ въ древесномъ дыму, напередъ слегка посоленные.

Коровье масло сберегаютъ обыкновенно также солениемъ, распуская въ немъ одну или двѣ унціи соли на фунтъ масла (*). Соль надлежитъ къ сему употреблять хорошо высушенную и крупно-смолошую. Г. Андерсонъ предлагаетъ, для сбереженія сего масла, употреблять смѣсь, состоящую изъ двухъ частей хорошей соли, одной — сахару и одной — селистры, мелко истертой. Этой смѣси довольно класть по одной унціи на фунтъ. Г. Андерсонъ увѣряетъ, что масло, посоленное такимъ образомъ, приобретаетъ чрезъ двѣ недѣли пріятный вкусъ и столь мало опшывается солью, что нельзя подумать, чтобы оно было долго береженное. Онъ говоритъ, что видѣлъ двѣдцать летнее масло совершенно сбереженное и вкусомъ пріятное.

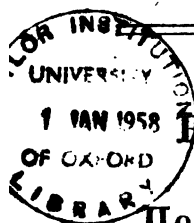
(*) Фунтъ содержитъ въ себѣ 16 унцій.

Посредствомъ хорошаго уксуса можно также сберегать мясо, рыбу и зелень; къ тому прибавляютъ соль и пряности. Недавно предложили къ сбереженію животныхъ существъ употреблятьъ древесную кислоту.

Сбереженіе посредствомъ сахара составляетъ одну изъ главныхъ вѣтвей кандиторскаго искусства; производствъ это требуетъ довольно мелочныхъ условій, изъ коихъ мы замѣнимъ главнѣйшія: прозябаемыя могутъ сберегаться въ сиропѣ или леденцѣ; или же сокъ ихъ можешь быть употребленъ на дѣланіе сироповъ, желевъ, и проч. Кандиторское искусство трудно, и для успѣха въ немъ требуются предосторожности, кои можно считатьъ какъ бы пустыми, но кои опытомъ признаны за необходимыя. Сахаръ составляетъ также сильное противугнилостное средство и для животныхъ веществъ. Испыывали также сберегать существа и другими способами, но это было болѣе предметомъ любопытства, нежели пользы. Свойство угля освѣжать загнившіяся существа, было сначала замѣчено Г. Ловицемъ въ Пешербургѣ, *Annales de Crell*, 1786; онъ производилъ многіе опыты по этому предмету. Для полученія успѣха нужно, чтобы уголь, былъ

свѣже-выжженный, и, чтобы онаго употреб-
лялось опредѣленное количество: меньшее —
препятствовало бы дѣйствию; излишекъ —
измѣнялъ бы природу сберегаемаго существа.
Нѣкоторые Авторы полагаютъ, что уголь
дѣйствуетъ въ семь случаевъ механически,
всасывая гнѣючія жидкости; но, вѣроятно,
что онъ всасываетъ химически, вбирая въ
себя кислородъ, находящійся въ соприкосно-
веніи съ существомъ.

Перев. С. Усовъ.

IV.

НОВАЯ ИСТОРИЯ.

Походъ Наполеона въ Египетъ.

*Отрывокъ изъ сочиненія Г-на Жюмьин: Vie politique
et militaire de Napoleon; T. I. Chap. IV. (Жизнь
Наполеона въ политическомъ и военномъ отношеніи,
Ч. I, Гл. IV.)*

Положеніе Англичанъ въ Индіи. — Египетскій походъ. —
Взятіе Мальты. — Вшествіе Французовъ въ Александрію. —
Сраженіе близъ Пирамидъ. — Взятіе Каира. — Абукирское
морское сраженіе. — Дессе покоряетъ Верхній Египетъ. —
Сирийская экспедиція — Возвращеніе въ Египетъ. — Турки
дѣлаютъ высадку въ Абукирь, и разбиты. — Наполеонъ воз-
вращается во Францію.

Затруднительное положеніе мое въ Парижѣ.

Почести, съ коими былъ я принятъ въ
столицѣ, по возвращеніи моемъ изъ Италіи,

(говоришь Наполеонъ) сдѣлали бы гордымъ самаго скромнаго, и храбрымъ самаго нечестподлюбиваго человѣка. Я легко предвидѣлъ, что во Франціи могу всего достигнуть; во не менѣе того время, чтобы воспользоваться вполне народною ко мнѣ привязанностію, еще не пришло: надлежало дожидаться совершеннаго паденія Директоріи. Хотя Франція и провозгласила меня своимъ героемъ, но этого еще недостаточнo, чтобы сдѣлаться главою Государства: должно было спасти и возобновить оное.

Сколь бы сильнымъ ни были права мои на благодарность народную, но они не уполномочивали меня къ низпроверженію установленнаго правленія, которому обязанъ я былъ скорымъ повышеніемъ моимъ и даже частію пріобрѣтенной мною славой: надлежало дожидаться, чтобы оное разрушилось отъ собственной неспособности и несчастій, навлеченныхъ имъ на Францію; тогда только я могъ бы явиться на сцену, какъ избавитель отечества. Зная, съ кѣмъ имѣю дѣло, я ни мало не сомнѣвался, чтобы оное рано или поздно не случилось; для этого стоило только оставить жалкихъ Членовъ Директоріи самихъ распоряжаться; ибо, не говоря даже о неспособости ихъ, порядокъ вещей былъ таковъ, что оный не могъ

быть продолжителемъ: или Директорія покусилась бы на свободу, ласкаясь присвоить Дикшашорство, такъ какъ Комитетъ общественнаго блага, или была бы она сама поглощена анархіей, такъ, какъ Исполнительный Совѣтъ 1792 года; въ обоихъ предположеніяхъ паденіе оной было неминуемо.

Происхожденіе Египетской войны.

Не смотря на то, положеніе мое, въ ожиданіи сего происшествія, было весьма затруднительно: мнѣ данъ былъ весьма пышный, но ничтожный титулъ Главнокомандующаго арміи, назначенной противъ Англичанъ. Грозное намѣреніе сіе не могло навлечь страха на Лондонскій Кабинетъ; ибо для исполненія онаго ничего не было изготовлено; одно, что можно было сдѣлать, послать въ Ирландію 20,000 или 30,000 человекъ; конечно предпріятіе сіе было бы весьма выгодное, но оно ни мало не согласовалось бы съ жонми личными видами.

Я былъ уже слишкомъ значителенъ для того, чтобы жить въ Парижѣ безъ дѣла. Хотя похвальные восклицанія Директоріи были согласны съ восклицаніями цѣлой Франціи, но я зналъ, что тайно Ребелъ и Мерленъ желали мнѣ зла; подъ предлогомъ зависимости властей, обвиняли они меня

въ томъ, что я рѣшился дѣйствовать самъ собою; они упрекали меня, что я вошелъ въ переговоры съ Австріею, вмѣсто того, чтобы ищши на Вѣну, что по ихъ мнѣнію обезпечило бы надежды на революцію Германіи, и дало бы Ребелю удовольствіе устроить какія нибудь демократическія Республики на развалинахъ Священной Имперіи; они говорили также, что это было бы самое вѣрное средство для утвержденія ихъ правъ и владычества Франціи надъ всѣми ея сосѣдями. Они не разсчитывали того, что въ Государствѣ, какова Австрійская Имперія, нельзя произвести возмущенія такъ же легко, какъ въ Римѣ или въ Миланѣ, или лучше сказать, они не знали, что изъ народовъ, подвластныхъ Вѣнскому Кабинету, никто менѣе не былъ согласенъ съ начертаніемъ ихъ мнимыхъ правленій.

Пронырливша ругательства, которыя употребляли они, взволновали меня. Необходимо должно было рѣшиться на что нибудь, ибо всякой день самыя противоположныя партіи меня осаждали: то агенты роялистовъ, старались доказать мнѣ невозможность республиканской системы во Франціи, и возбудить во мнѣ желаніе возстановить Монархію; то самыя ревностныя сообщники Республики приходили жа-

ловаться на покушенія Директоріи прошивъ свободы, надѣясь найши во мнѣ новаго Гракха; и шакъ я долженъ былъ или рѣшиться на заговоръ прошивъ Директоріи, или дѣйствовать съ нею совокупно. Я еще не имѣлъ намѣренія дѣлать перваго, и не хотѣлъ уже болѣе дѣлать втораго. Благоразуміе требовало удалиться, но удалиться съ блескомъ.

Я зналъ, что долженъ непременно обратиться на себя вниманіе, дабы осязаться на виду, и для того употребилъ самыя необыкновенныя средства, ибо людямъ нравятся, чтобы ихъ удивляли.

Я получилъ нѣсколько безымянныхъ писемъ, прекрасно сочиненныхъ, въ коихъ предупреждали меня въ трудности роли, которую готовился я играть во Франціи. Въ одномъ изъ нихъ совѣщовали мнѣ основать для себя Государство въ Италіи, какъ Дюмурье, который имѣлъ намѣреніе сдѣлать то же въ Голландіи; но увѣришь меня было не легко: даже буду я разбираю подробно сіе предложеніе.

Во время Кампо-Формійскихъ переговоровъ, говорилъ я весьма ошвлеченно о видахъ моихъ на Египетъ, съ которыми и Таллейранъ былъ также согласенъ; но тогда не рѣшался я взять на себя исполненіе сего

предпріятія; по возвращеніи же моемъ, предложилъ я привести проектъ сей въ исполненіе: онъ могъ имѣть весьма важныя послѣдствія, и этого было достаточно, чтобъ я нашелъ его достойнымъ себя. Легко понять, что большая часть Директоровъ, коихъ я помянулъ, приняли съ восторгомъ предложеніе, избавляющее ихъ отъ соперника, спрашнаго народною привязанностію.

Они были въ восхищеніи, видя, что я добровольнымъ удаленіемъ моимъ совершенно содѣйствую ихъ видамъ.

Нѣкоторые изъ людей Государственныхъ хотѣли удержать меня, давая мнѣ полагать, что я, по силѣ обстоятельствъ, содѣлаюсь душою происшествій. На это отвѣчалъ я, что время еще не пришло, и что я отправляюсь, дабы заслужить еще болѣе права на ихъ довѣренность.

Мы не имѣли подробныхъ познаній о происшествіяхъ на Востоку; ибо потеря Пондишери и затрудненія, въ коихъ находилась Республика, уничтожили въ ней даже желаніе заниматься ими; но мы весьма хорошо знали, что Типоо-Санбъ, глава Мизорской Имперіи, основанной Гидеромъ-Али, подкрѣпляемый Франціей предлагалъ въ 1788 году Лудовику XVI изгнать Англичанъ изъ Индіи, если только Франція со-

гласился датьъ ему подкрѣпленіе, состоящее изъ 8,000 Европейцевъ, съ достаточнымъ числомъ офицеровъ, для управленія его войскомъ. Лудовикъ XVI, занятый собственными безпокойствами, не принялъ предложенія, которое затруднило бы его войною на морѣ въ то время, какъ онъ угрожаемъ былъ революціей. Мы знали также и то, что Англичане, въ наказаніе Типоо-Санбу за сіе предложеніе, возмутили Низамъ противъ него, и осадивъ его въ Серингапатнамъ, въ 1792 году, заставили заключить договоръ, по коему лишился онъ немалой части своихъ владѣній; и попомусъ шѣхъ поръ весьма естественно было надѣяться на подпору Султана Мизорскаго. Намъ также было не безызвѣстно и то, что Марашшы, хотя и враги Могольскаго и Мусульманскаго поколѣнія, не любящъ однако же и Англійской Компаніи, и что въ нихъ можно найши начало весьма сильнаго союза.

Такъ какъ необходимо знашь настоящее состояніе Индіи, чтобы дать совершенную цѣну Египетскому походу, то и начнемъ мы нѣсколько издалека.

Состояніе Индостана.

Татарскій Князь Луренгъ-Зебъ, современникъ Лудовика XIV, распространяя за-

воеванія своихъ предковъ, основалъ посреди Индіи, Могольскую Имперію, которой населеніе простиралось до 50,000,000 ч. Государство сіе, имѣющее 900,000,000 фр. доходу и войско, состоящее въ случаѣ нужды изъ 800,000 ч., раздѣлено было на большое число провинцій, управляемыхъ Субабами и Набабами.

Завоеватель сей умеръ въ 1707 году, и шаково бѣдственное состояніе сихъ деспотическихъ поколѣній Воспока, что не прошло еще сорока лѣтъ, какъ наследники его съ одной стороны, принужденные воевать съ подданными своими, съ другою осажденные Персіанами, подъ начальствомъ ужаснаго Тахмасъ-Кулыхана, и, наконецъ, шревожимые Марашшами, принуждены были просить помощи Европейцевъ, уступая имъ нѣсколько провинцій.

Весьма трудно сдѣлать удовлетворительное начертаніе всѣхъ измѣненій, послѣдовавшихъ одно за другимъ, на полуостровѣ Ганга, въ теченіе послѣдняго полушолція: революціи сіи, имѣющія совершенно особый характеръ, принадлежатъ болѣе къ числу Арабскихъ сказокъ, нежели къ Исторіи. При возвышеніи или паденіи многихъ мелкихъ деспотовъ, перемѣняли безпрестанно границы владѣній; но изъ

раздоровъ сихъ можно составить цѣнь главныхъ происшествій, чтобъ дать понятіе о состояніи Индіи, во время первыхъ войнъ революціи и того, въ которое я занялся ею.

Только въ срединѣ 18 столѣтія почувствовала Англійская Компанія всю цѣну системы искуснаго Дюпле, которую хотѣлъ онъ распространить на Францію, и приняла въ первый разъ участіе въ спорахъ Князей Индійскихъ.

Здѣсь такъ же, какъ и въ Европѣ, политика Британская *прибѣгала къ раздорамъ для владычества*. То искусно поддерживая Индійскихъ Князей противъ Мусульманъ Могольскаго покоренія, то воюя съ ними послѣдними противъ шужемцевъ, когда только казались они ей слишкомъ сильными, Общество сіе умѣло присвоить себѣ поспешенно лучшія части земли защищаемыхъ ею народовъ, такъ же, какъ и враговъ своихъ.

Во время Французской революціи пять главныхъ Государствъ составляли Индію; изъ управляемыхъ Мусульманскими Князьями были слѣдующія: на югѣ, Мизоръ, подъ начальствомъ Типоо-Саиба; на сѣверѣ: Моголія, принадлежавшая лишь по имени Шахъ-Алауну, но гораздо болѣе зависѣвшая отъ его верховныхъ чиновниковъ. Далѣе на сѣверѣ

царствовалъ Земанъ-Шахъ, надъ Афганими, жишелыми Кандагара и Кабула. Подлѣ Королевства сего находилось Белучишхское Государство, коего жишели были страшны по своей суровости.

Наконецъ, въ центрѣ полу-острова лежало Государство Мараштовъ, коего основателемъ былъ Севажи (Sevagi), Индѣйскій Князь, который, умѣвъ удержать владѣніе Сашарахскаго Королевства, присоединилъ къ оному большую часть завоеваній, сдѣланныхъ Могольцами въ Деканѣ. Вскорѣ послѣ его смерти, всѣ мелкіе подвласные Князья ошложились отъ зависимости наслѣдовавшихъ ему великихъ Раджей, коихъ власть, постепенно ограничиваясь, удержала лишь крѣпость Сашарахъ. Пейшва, первый Министръ его, какъ будто продолжая признавать права сей фамиліи на престолахъ, присвоилъ себѣ неограниченную власть въ западной части полу-острова, гдѣ и основалъ онъ Пунахское Королевство. Мадай-Синдія послѣдовалъ также его примѣру на сѣверѣ и востоцѣ. Искусный мужъ сей, побѣдивъ войско Измаиль-Бега, и помогая Шахъ-Алуну противъ жестокаго Голаема-Кадира, умѣлъ возстановить прежнее первенство Мараштовъ въ Моголіи, и совершенно овладѣлъ верховною властію, подъ име-

немъ Имперашора, коему въ наслѣдство всѣхъ колоссальныхъ владѣній Ауренгъ-Зеби, оставшии оны лишь дворець и небольшой доходъ.

Мадай-Синдія въ дѣйствіяхъ своихъ вспомоществуемъ былъ Европейскимъ корпусомъ, или лучше сказать, корпусомъ успроеннымъ и обученнымъ по-Европейски, снаряженными однимъ Савоярскимъ офицеромъ де Буаня (de Boigne). Знаменитый Марашъ сей умеръ въ 1794 году; племянникъ его Давлушъ-Ровъ, неподучившій въ наслѣдство дарованій дяди своего, слѣдовала однако его системою: онъ сохранилъ первенство надъ Моголіей, и даже въ 1796 году распространилъ оное надъ владѣніями Пейшвы, возведя на престолъ Пунахскій Бадже-Рова, кошораго держалъ онъ совершенно подъ своею зависимостію. Генералъ Пейронъ наслѣдовалъ де Буаню въ командованіи войсками Синдіи, состоявшими изъ пяти бригадъ, успроенныхъ по-Европейски и изъ 34,000 пѣхоты, прекрасно обученной, не считая весьма большаго числа конницы.

Третье Марашское владѣніе, управляемое Раджею Беррарскимъ, лежало на сѣверъ отъ Декана; хотя и было оно слабѣ прочихъ, но принадлежало къ числу снѣтъшихъ членовъ конфедераціи. Семейство Гол-

кара, царствовавшее въ Мальвѣ, и множество другихъ подвластныхъ Князей, независимыхъ отъ оной, имѣли каждый диагирь, или родъ опредѣленныхъ доходовъ.

Изъ сего видно, что Марапскій народъ составлялъ многочисленную конфедерацію, довольно похожую на Германскую Имперію, отъ которой отличалась она только слабостію постановлений главныхъ Государствъ составлявшихъ оную, или, лучше сказать, безпрестанными переменами, происходившими во внутреннемъ устроении оныхъ отъ образа правленія и нравовъ Восточныхъ. Въ Индѣйской конфедераціи представлялъ изъ себя дѣйствительно странное зрѣлище, великій наследственный Раджа, владѣвшій обширными областями безъ всякой власи, и окруженный двумя главными чиновниками, которые, не довольствуясь тѣмъ, что сдѣлали мѣста свои наследственными, сверхъ того безстыдно раздѣляли между собою Государство, управленіе коего было имъ поручено.

Еще болѣе былъ достоинъ сожалѣнія Императоръ Могольскій, который, раздавая короны, ни одной изъ нихъ не могъ удержать на своей головѣ, ибо онъ былъ, такъ сказать, Государь безъ подданныхъ; деспотъ, неспособный заставить себя

повиноваться, онъ продавалъ временщикамъ право пользоваться неограниченною властію въ его владѣніяхъ; онъ находился въ нуждѣ, между шѣмъ какъ всѣ Индостанскіе монешы чеканились съ его изображеніемъ, и щеславился шѣмъ, что имѣетъ данниками великихъ Государей, къ щедрости коихъ приужденъ онъ былъ однако прибѣгать, для собственнаго своего содержанія.

Тонкость Лорда Клейва, глубокой махиа-велизмъ Гаспингса и мудрость Лорда Корнваллиса спремались, одно послѣ другаго, доставивъ Англійской Компаніи насльдственное право вмѣшиваться въ ихъ запутанные виды, и подѣ личиною правосудія всшупаться въ ихъ распри. Она всегда являлась посредницею, и основываясь на договорахъ, помогала слабому, чшобъ послѣ раздѣлишь съ нимъ добычу того, который могъ бы сдѣлаться ей спрашнымъ; такимъ образомъ, съ помощію Марашшовъ и Низама, покорила она въ 1792 году Типоо-Санба, коему никогда не могла она простить предложенія, сдѣланнаго имъ Лудовику XVI, изгнать ее изъ Индіи.

Два года спустя, Марашшѣ напали на Низама съ войскомъ, состоявшимъ изъ 200,000 чел., и разграбили его области, въ шое время, какъ Англійская Компанія, подѣ по-

кровищельствомъ коей находились оныя, безпечная ошъ своихъ успѣховъ, не подумала даже подашь имъ руку помощи. Низамъ, недовольный симъ поведеніемъ Англичанъ, или, бышь можешъ, искавшій освободиться ошъ ихъ владычества, поручилъ одному офицеру, по имени Раймонду, устройшь ему на Европейскій образецъ войско, состоящее изъ 15,000 человекъ, и опредѣлилъ на содержаніе онаго доходы одной весьма богатой провинціи.

Намѣренія Султана Мизорскаго. — Безпечность Франціи.

Типоо-Саибъ, послѣ несчастнаго Серингапашнамскаго договора, по коему лишился онъ половины своихъ владѣній, дышалъ лишь месшью. Франція, раздираемая безначаліемъ, и приведенная въ уныніе потерей Пондишери, казалось, совершенно потеряла изъ виду выгоды, кошорыя могла она извлечь изъ независимости Индосстана къ Англійской Компаніи. Она не подумала послать шуда ни кораблей, ни войскъ, и даже судя по безпечности Губернашпоровъ Ильде-Франса, можно было бы заключишь, что они совершенно забыли о существованіи двухъ полу-острововъ Ганга. Одинъ Трюге, въ концѣ 1796 года задумалъ вспомо-

шествовать Султану Мизорскому. Министръ сей, въ проектъ своемъ, предлагалъ составить нѣсколько башагѣоновъ изъ Негровъ, для постоянного пребыванія въ плантаціяхъ; но планъ сей никогда не былъ даже и предпринятъ, ибо, чтобы успѣть въ ономъ, надлежало бы смѣшать ихъ со старыми солдатами, а республиканское правленіе и не покушалось даже никогда послать шуда хотя небольшой отрядъ войска.

Нѣсколько бродягъ едва не успѣли насчитать пользы колоній въ томъ, что было упущено слабостію Лудовика XVI и непопечливостію Комитетовъ общественнаго блага. Корсаръ Риппо, брошенный бурей на Мангаларскій берегъ, приведенъ былъ къ Типоо-Самбу, которому объявилъ онъ о побѣдахъ республиканской арміи въ Европѣ, и возбудилъ въ немъ надежду быти вспомоществуемому старыми союзниками его ошца. Онъ отправилъ посольство въ Иль-де-Франсъ съ проектомъ союза, который предлагалъ онъ Директоріи; проектъ сей былъ столь хорошо обдуманъ, что сдѣлалъ бы честь лучшему Европейскому дипломату. Ошвътъ Губернатора Маларшика доказываетъ, что онъ не умѣлъ дать настоящей цѣны его предложенію; однако онъ послалъ ему около тридцати человекъ унтеръ-офицеровъ, ар-

шиллерисховъ и масшеровыхъ, которыхъ цѣнилъ онъ весьма высоко, но которые революціоннымъ бѣшенствомъ своимъ заставили потерять довѣренность къ Французскому мундиру, и шѣмъ дали Англійской Компаніи возможность воспользоваться симъ случаемъ, чтобы напасть на Мизорскаго Султанна. По всему видно, что Директорія не получила даже никогда настоящихъ свѣдѣній о семъ происшествіи.

Однако Типоо симъ не удовольствовался: добиваясь усыпить соперничество Марашховъ, онъ старался вооружить Пейшву и Синдію пропивъ Англичанъ; прося даже виды свои еще далѣе, онъ искалъ союза съ Земанъ-Шахомъ. Соединенія силы сихъ разныхъ Государствъ составляли войско изъ 50,000 человекъ, обученныхъ по-Европейски и 300,000 солдатъ вооруженныхъ по-Индійски. Если бы безпорядочное стремленіе Марашховъ, рыцарскую храбрость Распуховъ и необузданное честолюбіе начальниковъ можно было соединить въ одно цѣлое, и тогда уже дѣйствовашъ совокупно для освобожденія Индіи, то явись сомнѣнія, что бы столь спрашное соединеніе силъ не восторжесствовало въ короткое время надъ Англичанами, а особенно если бы въ помъ числѣ находилась

одна Французская дивизія подъ начальствомъ умнаго человека, которая бы служила переводителемъ въ дѣйствіяхъ соединенныхъ войскъ.

Состояніе силъ Англійской Компаніи.

Англійская Компанія была тогда въ союзѣ лишь съ двумя или тремя подвластными ей Набабами и Низамомъ, который, распусшивъ Англійскіе баталіоны своей гвардіи, и предавшись совершенно Раймонду, представлялъ подозрѣвать, что и онъ, рано или поздно, послѣдуетъ подлишникъ своего предка, воевавшего подъ знаменами Гидеръ-Али.

Но Компанія была уже спрашна собственною своею силой, ибо три Президентства, находящіяся въ оной, составляли цѣлыя Государства. Главное, владѣвшее Калькушою, Бенгаліей, берегомъ Ориксою и богашою долиною, простирающеюся отъ Ганга до Уды, было центромъ общаго управленія, и ни сколько не уступало ошечеству своему, какъ могуществомъ, такъ и богашствомъ. Второе, состоящее изъ владѣній Декана, лежащихъ въ окружности Мадраса, имѣло пребываніе свое въ семь городъ; наконецъ третье, установленное въ Бомбей, завѣдывало берегами Малабарскимъ и Сурашскимъ, до предѣловъ залива Персидскаго. Военная си-

ла, находящаяся въ распоряженіи сихъ прехъ Предсѣдательствъ проспиралась, до 25,000 Европейцевъ и 60,000 Сипайевъ хорошо устроенныхъ.

Цѣль Египетской экспедиціи.

Таково было состояніе Индіи въ то время, какъ я имѣлъ намѣреніе открыть съ нею непосредственное сообщеніе; я весьма увѣренъ былъ, что это лучший способъ совершенно поразишь Англію, ибо тогда Индія составляла главный ея доходъ: будучи изгнана съ материка Америки, она лишилась сей споль богашой половины Земнаго шара.

Египетская экспедиція имѣла три цѣли: 1-я, учредишь на берегу Нила Французскую колонію, которая могла бы замѣнить невольниковъ при обрабошываніи сахарнаго проснника, какъ на С. Доминго, такъ и на всѣхъ островахъ, произрастающихъ оный. 2-я, Открышь нашимъ мануфактурамъ новый способъ сбывать произведенія свои въ Африкѣ, Аравіи и Сиріи, и доставишь торговль всѣ произведенія сей части Свѣта. Наконецъ 3-я, сдѣлашь Египетъ центромъ военныхъ дѣйствій, и проведши въ Индію армию, состоящую изъ 50,000 человекъ, дабы, возстано-

вить Марашшовъ, Индѣйцевъ, Музульманъ и, словомъ, всѣ угнетенные народы сей обширной страны. Отборное войско, состоящее изъ Европейцевъ и рекрутъ, рѣдившихся въ жаркомъ тропическомъ климатѣ, перенесенное на 10,000 лошадей и шаковомъ же числѣ верблюдовъ, имѣвшее съ собою съѣстныхъ припасовъ на 50 или 60 дней, воды на 5 или на 6 дней, и артиллерійскій паркъ, состоящій изъ 150 пушекъ съ двойнымъ комплектомъ, должно было въ чешыре мѣсяца явиться на равнинахъ Индостана. Для войска, изобилующаго верблюдами и дромадерами, самыя степи прешаюшъ бышъ препяшствіемъ.

Экспедиція сія должна была возродить великое понятіе о могуществѣ Франціи, заставивъ обратить все вниманіе на начальника оной, и удивить Европу своею отважностью: этого было слишкомъ доспащочно, чшобъ предпринять оную.

Хотя Египетъ и плашилъ дань Поршъ, одной изъ древнѣйшихъ союзницъ Франціи, ибо современъ Франца I-го, дѣйствова-ли они всегда совокупно; но Мамелюки, на-стоящіе власшители Египта, находились въ явномъ возмущеніи противъ Султана, и пошому должно было предполагашъ, чшо Диванъ, доспащочно слабый для шого, чшобъ

своими независимостию подлы митрежнихъ Пашей, и занятый войною противъ Пасва-на-Оглу, Паши Виддинекаго и противъ Ве-табишовъ, не предаася бы слѣпо планамъ нашихъ непріятелей, для тѣни первенства, которую даже и мы готовы были призна- такъ же охотно, какъ и Мамелюки; мы имѣли полную надежду на то, что съ помощію искуснаго посредника, успѣемъ увѣрить Сул-тана въ дружественномъ расположеніи на-шемъ, и къ тому избранъ былъ Таллейранъ:

Поездка въ Антверпенъ.

Не сомнѣваясь ни мало въ счастливомъ окончаніи даннаго мнѣ препорученія, я требо- вала настоятельно, чтобы изготвиливъ скорѣе все нужное для моего отъѣзда, дабы отвлечь вниманіе непріятеля отъ портовъ Средиземнаго моря, гдѣ все было въ силь- номъ движеніи; и воспользовался моимъ ши- туломъ Главнокомандующаго Англійской арміи, чтобы осматривать порты Брита-нскаго берега. Довхавъ до Антверпена, и уви- дѣвъ прекрасный бассейнъ, образуемый Шель-дою, я увѣрился въ безчисленныхъ выгодахъ, которыя мы можемъ никогда извлечь изъ сего важнаго мѣста: оно сдѣлало на меня то же самое дѣйствіе, какое произвела пре- красная Невя на Петра Великаго.

Новые споры на твердой земле Европы.

Въ продолженіе сего времени полии-
ческій горизонтъ твердой земли Европы
опяшь покрылся шучами. Послѣ опъзда
моего изъ Расшташа, Конгрессъ снова за-
нялся разсужденіями о мирѣ съ Имперіей.
Французекииъ Уполномоченнымъ споило до-
вольно труда, чѣшобъ получишь лѣвый бе-
регъ Рейна, ибо поглощеніемъ шрехъ Кур-
фиршесствъ, Майнца, Трира и Кельна, раз-
рушалась Конспишущія Германской Импе-
ріи. Но главнымъ Державамъ понравилосъ
превращашъ духовныя власпи въ свѣшскія,
въ надеждѣ сдѣлашь чрезъ шо выгодныя приоб-
рѣшенія. Австрія, напримѣръ, занялась пре-
вращеніемъ Епископствъ Зальцбурга, Пас-
сау и Триденша; Баварія Епископствъ Фран-
коніи (Вюрцбурга, Бамберга, Эйхштеша,) Пруссія Епископствъ Мюнстера, Падер-
борна и пр.; между шѣмъ положили осно-
ваніе великой системы вознагражденій, и
опредѣлишешельно признали Рейнъ границею
Франціи. Это была шолько одна пустая
форма, ибо всѣ признаки бури уже явно по-
казывались на горизонтѣ. Очевидно было,
что нападеніе на Швейцарію, преобразование
Лигурийской Республики и возмущеніе въ
Римѣ разрушили шракшашъ Кампо-Формій-

скій, и что Австрія, хладнокровно взиравшая на послѣдствія сего шакташа въ отношеніи къ Имперіи Германской, вѣтила себя въ обязанность требовать отъ Директоріи равной точности по сему предмету съ ея стороны; а такъ какъ Директорія слишкомъ самонадѣянно приспустила къ введенію новыхъ системъ, то и не могла уже опуститься. Англія воспользовалась сими несправедливыми припязаніями, чтобы снова возстановить Европу противъ насъ, наведя страхъ въ одно время на Россію, Вѣну, Берлинъ, Туринъ, Тоскану и Неаполь, и увѣрилась въ возможности сослavitъ новый союзъ.

Императоръ Павелъ I, восшествіемъ своимъ на Престоль, перемѣнилъ положеніе дѣлъ на Сѣверѣ; носился слухъ, что по случаю кончины Императрицы, Его Матери, уничтожается договоръ денежнаго вспоможенія Россіи съ Англіей. Екатерина предписала Указомъ сдѣлать наборъ 130,000 рекрутъ, для того, бытъ можеть, чтобы принять участіе въ континентальной войнѣ или возстать противъ Турціи. Столь великія приготвленія предвѣщали важныя происшествія: Императоръ Павелъ I, восшедъ на Престоль, ошмѣнилъ сей наборъ. Онъ казался расположеннымъ къ тѣсному союзу съ

Пруссіей; и посвящая себя совершенно на управление своимъ общирнымъ Государствомъ.

Сія изъявленія мирныхъ расположеній произвели весьма хорошее дѣйствіе на довѣренность Европы къ Россіи, и возвысили банковыя ассигнаціи оной даже сверхъ предположенной имъ цѣны: неоспоримое доказательство средствъ, которыми имѣла Россія для начатія великихъ предпріятій. Но сія намѣренія Государя были непродолжительны: характеръ Его подавъ Англичанамъ мысль спараться склонить Его къ войнѣ противъ Франціи, и пошому употребили они всѣ возможныя средства, чтобы успѣть въ семъ намѣреніи; сверхъ же того надѣялись они утѣришь Императора, что польза Россіи требуетъ не допускать, чтобы Австрія была угнетена такимъ Государствомъ, которое всегда поддерживало Опшоманскую Имперію; хотя сія мнимая причина имѣла одинъ лишь видъ правдоподобія, но они употребили оную. Къ несчастію, нашлись и другія причины: ускупленіе Франціи Іонійскихъ острововъ, происшествія въ Швейцаріи и Піемонтѣ поколебали какъ Государя, такъ и Кабинетъ Его, который такъ бодро не могъ не принять участія въ договорахъ, долженствовавшихъ неминуемо послѣдовать, что по прахтану Тешенскому, одѣ

призналъ ненарушимость цѣлости Германской Имперіи.

Довольно странное происшествіе доказало Директоріи, что Австрія, имѣвшая некоторымъ образомъ право быть недовольною ея несправедливыми принизаніями, пишетъ къ ней вражду. Бернадошъ, назначенный Посланникомъ въ Вѣну, выставилъ на домъ своемъ трехцвѣтное знамя по случаю побѣды, одержанной надъ Австріянами. Хотя сіе и укрывалось подъ благовиднымъ предлогомъ права возмездія, но оное не понравилось, какъ Кабинету, такъ и народу; домъ Посольства былъ окруженъ раздраженною чернью, и Бернадошъ, видя дворецъ свой расхищеннымъ, а флагъ сорваннымъ и сожженнымъ, оставилъ на другой день Вѣну.

Директорія хотѣла было объявить войну, и препоручить мнѣ вполне распоряженіе оною, но я отклонилъ ее отъ сего намѣренія, доказавъ ей, что Бернадошъ былъ самъ тому причиною, и что если бы Австрія искала войны, то вѣрно постаралась бы отклонить столь нумное происшествіе, дабы имѣть время приготовитьсь къ оной. Но я скоро перемѣнилъ свое мнѣніе, ибо много другихъ причинъ доказывали, что война была неминуема. Я хотѣлъ было за-

медлишь моимъ ошъвздомъ, но Директорія, получившая удовлетвореніе за обиду, нанесенную Бернадошу, настаивала, и я^о принужденъ былъ избрать изъ двухъ одно: или погубить себя или повиноваться; я рѣшился на сіе послѣднее.

Директорія, будучи въ восторженіи, что ошъвывается ошъ меня, согласилась на все, чего я хотѣлъ. Всѣ приготовленія къ ошъвзду моему сдѣлалъ я весьма тайно, ибо это было необходимо, какъ для успѣха, такъ и для того, чтобы увеличить странность сей экспедиціи. Никогда столь страшныя приготовленія не были лучше скрыты.

Отплытіе изъ Тулона; взятіе Мальты.

Я прибылъ въ Тулонъ 10 Мая 1798 года; 19 я выступилъ въ море съ 13 линейными кораблями, 6 фрегатами и многими транспоршами, имѣвшими 25,000 высаднаго войска. — Въ морѣ ко мнѣ присоединились эскадры, вышедшія изъ портовъ Басіи, Генуи и Чивина-Веккіи, съ 70,000 или 80,000 человекъ, принадлежавшихъ къ моей экспедиціи. — 9-го Іюня мы пришли къ Мальтѣ.

Малое число Французскихъ офицеровъ, находящихся тамъ, и болѣе привязанныхъ къ опечесству, чѣмъ къ сему дворянскому сборищу, совершенно обвѣщшало, было уже

подговорено. Орденъ не ожидалъ нашего посѣщенія, и ничего не было пригошовлено къ оборонѣ. — Оставишь оспровъ, значило ошдашь его Англичанамъ, ибо я не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что они имъ завладѣюшь, тогда, какъ мѣсто сіе было необходимо для сообщеній моихъ съ Франціею. — Я боялся, чтобъ воспоминаніе о древней славы не вооружило кавалеровъ; сіе могло запруднишь, а можешь быть и содѣлашь предпріятіе мое совершенно неисполнимымъ; къ счастию, они сдались еще скорѣе, нежели я предполагалъ; — довольно было нѣсколькихъ угрозъ, чтобъ завладѣшь наисильнѣйшею въ Европѣ крѣпостию.

Высадка въ Александрію.

Оставивъ въ Мальтѣ значительный гарнизонъ и сдѣлавъ надлежащія распоряженія для защищенія оной, я продолжалъ плаваніе мое съ ошмѣннымъ счастиемъ. Англійскій флотъ, которъй искалъ насъ, перерѣзалъ намъ пушъ, и не встрѣшивъ моего флота, пришелъ прежде его въ Александрію. Тамъ Адмиралъ Нельсонъ, узнавъ, что объ насъ не было вѣстей, пустился ошыскивать меня въ Сирійскихъ портахъ. 30 Іюня вечеромъ мы пришли къ Александріи, а ночью я уже началъ высадку въ Марабуской при-

спани, и на другой день пошелъ подъ Александрію. Одна колонна сѣдовада по Марабускому берегу, и напала на новый портъ; двѣ другія обошли городъ и ашпаковали вороша Розетты со стороны Помпеевой колонны. Множество жителей бросилось защищать стѣны и башни Аравійскаго городка. Артиллерія моя оставалась еще на корабляхъ; не смотря на сіе, мои подки взяли приступомъ сію первую ограду. Новый городъ и укрѣпленія сдались въ ночь же день на капитуляцію. Взятіе Александріи доставляло мнѣ вѣрное пристанище въ Египетъ. Высадка продолжалась безъ малѣйшаго препятствія. Армія моя, состоявшая изъ 30,000 человекъ, раздѣлилась на 5 дивизій, предводимыхъ Генералами Клеберомъ, Десе, Ренъе, Бономъ и Мену; кавалерія, состоявшая изъ 3,000 человекъ, не имѣла болѣе 300 лошадей; остальное число оныхъ надлежало ремоншировать на мѣстѣ. Чтобы не дать Мамелюкамъ времени собраться со всѣми средствами для обороны, нужно было завоевать Египетъ, такъ сказать, мгновенно. Лучшее войско ихъ состояло изъ кавалеріи самой грозной въ цѣломъ Свѣтѣ; ополченія образовали цѣху, которая была не въ состояніи выдержать бой съ нашими солдатами;

успѣхъ зависть отъ быстроты нападеній, и отъ ужаса и онемѣнія, кошорый они должны были произвеси. Крестоносцы были разбишы въ Египтъ пошому, что они спремились низвергнушь Вѣру, коей каждый послѣдователь есть воинъ, и кошера одушевляла огромныя массы, сражавшіяся съ одними отпаденными войсками; должно было избѣгнушь опасности, могущей произойти отъ повторенія подобныхъ обстоятельствъ. Къ счастью, бунтъ и независимость Мамелюковъ посѣди въ народъ раздоръ; пришедъ въ Египецъ, какъ друзья Оптоманской Порты, мы должны были найти союзниковъ въ большомъ числѣ Турокъ. Пришомъ же побѣда есть вѣрѣйшее средство для снисканія пособниковъ, и предлагая миролюбивымъ жителямъ, угнетеннымъ насильствами воинскаго скопца, лавръ побѣды, обвишый въшью маслины, мы легко могли ихъ обольстити и привлечь на нашу сторону. Свяшый Лудовикъ употребилъ 4 мѣсяца, чтобы достигнушь Каира, и оспашься шамъ въ бездѣйствіи. Я хотѣлъ войши шуда чрезъ 15 дней, и немедленно пойши далѣе, чтобы окончить мое предпріятіе.

6 Іюля я оставилъ Александрію, и пошедъ черезъ степь на Рахманію. Ошрядъ

Клебера занялъ Розешпу, и нагналъ меня въ Рахманіи, но до прибытія нашего шуда мы имѣли первую стычку съ Мамелюками. Десе, предводительствова передовымъ моимъ войскомъ, опрокинулъ опрядъ ихъ, и я продолжалъ походъ на Каиръ, сѣдуя вверхъ по Нилу. — Однако же непріятель принудилъ меня сражаться съ нимъ прежде вступленія въ столицу Египта.

Сраженіе при Шебрессѣ.

13-го Іюля мы встрѣтили Мурадъ-Бей, самаго отважнаго изъ военачальниковъ Мамелюковъ; онъ ожидалъ насъ при селеніи Шебрессъ съ 4000 конницы, и прикрывалъ свой правый флангъ флосилію. Трудно вообразить пышность сей Африканской кавалеріи: красота Арабскихъ лошадей, богато убранныхъ; воинскій видъ всадниковъ, блестящая пестрота уборовъ, чалмы начальниковъ, украшенные драгоценными камнями, все сіе необыкновенно поражаало насъ своею новостью. Хотя Турецкая кавалерія и славилась красою, но она далеко не можешь сравниться съ кавалеріей Мамелюковъ. — Сраженіе началось между обоими флосиліями; непріятель ашпаковалъ нашу, кошора сѣдовада вверхъ по Нилу, рядомъ съ моими

войсками. — Чтобы освободить ее, я ударилъ на Мурадъ-Бей. Я принялъ порядокъ сраженія, обыкновенно употребляемый Русскими въ войнахъ съ Турками. Каждая изъ моихъ дивизій сформировала большой каре, заключающій въ себя обозъ и по малое число кавалеріи, которое я имѣлъ; сіи каре, расположенные уступами, взаимно фланкировали другъ друга. Тщешно Мамелюки со всѣхъ сторонъ производили самыя упорныя нападенія: удержанные огнемъ артиллеріи, прикрывающей каре, они не дерзнули ввязаться въ оныя, и принуждены были отступить къ столицѣ.

Сраженіе при Пирамидахъ.

21 Іюля мы были въ виду Каира; мы давно уже ознакомились съ пирамидами. Видъ сихъ чрезвычайныхъ памятниковъ, которые казалось, помнили сотвореніе міра, и на коихъ грядями лежали въка, превосходная Мамелюкская кавалерія, изрѣдка и мгновенно показывавшаяся въ равнинѣ, все сіе одушевляло моихъ воиновъ гордостью, смѣшанною съ удивленіемъ. Зная искусство воспламенять умы, я обратился къ нимъ съ сими краснорѣчивыми словами, которые безъ сомнѣнія останутся вѣчными, какъ и пирамиды, кои имъ внимали:

„Войны!“ говорилъ я, „вы пришли въ
 „сѣ страны, чтобы искупить ихъ ошъ не-
 „вѣжества, чтобы распространить про-
 „свѣщеніе на Востока, чтобы спасти его
 „отъ Англійскаго ига. Вспомните, что
 „съверху сихъ памятниковъ сорокъ вѣковъ
 „взирають на васъ!“

Мурадъ-Бей прикрылъ селеніе Эмбабе
 артиллерією; укрѣпленія онаго онъ напо-
 нилъ ополченіемъ, поддерживаемымъ 6,000
 Мамелюкской и Арабской конницы. Я дви-
 нулъ впередъ мои каре. Дессе и Ренье дол-
 жны были прикрывать другъ друга; правый
 флангъ опередилъ прочія войска, чтобы
 отрѣзать сообщеніе между Эмбабе и вер-
 хнею равниной Нила, тогда, какъ отряды
 Бона и Клебера должныствовали напасть
 на укрѣпленія. Мамелюки, увидѣвъ движеніе
 Дессе, большою толпою бросились на него;
 но блестящіе ихъ напски пребыли ниче-
 ными противъ мужества Французскаго ка-
 ре, который сохранилъ свои ряды, не давъ
 пробишь себя. Никогда столь храбрая ка-
 валерія не встрѣчала столь геройской
 твердости — сила и ярость славныхъ
 Мамелюкскихъ лошадей увеличивали поль-
 ко безпорядокъ между ими; въ отчаяніи,
 что не могли вѣрзаться, они бросились ис-
 канъ смерти въ нашихъ ряды. На лѣвомъ

слагъ войска, шедшія на Эмбабе, взбѣжали на укрѣпленія и непріятель, видя себя счастливнымъ между линіей нашихъ каре и Ниломъ, бѣжалъ въ Верхній Египетъ, за исключеніемъ 1,500 человекъ, которые утонули въ сей рѣкѣ. Весь лагерь и 40 орудій достались въ наши руки.

Вшествіе въ Каиръ.

Сія блестящая побѣда, которая не стоила намъ болѣе 200 человекъ, открыла намъ ворота Каира, и 25-го я занялъ оныя.

Ибрагимъ-Бей, предводительствуя Мамелюками праваго берега Нила, отступилъ къ Белбенсу. Мурадъ-Бей на лѣвомъ шелъ дорогою въ Верхній Египетъ. Я послалъ Дессе за нимъ въ погоню. Сей опочаинный Генералъ, не взирая на малое число войска, находившагося въ его распоряженіи, удачно утвердился въ Верхнемъ Египтѣ, и удерживалъ Мурадъ-Бея, который, всегда разбитый, но никогда не теряя мужества, безпрестанно и съ рѣдкимъ постоянствомъ, возобновлялъ свои нападенія. Чтобы довершить наше завоеваніе, нужно было прогнать Ибрагимъ-Бея. 7 Августа, оставивъ Каиръ, съ отрядами Ренье, Мену, Клебера и съ кавалеріею, я пошелъ на Белбенсъ. Тогда Ибрагимъ отступилъ къ Сирійской сени,

Я преслѣдовалъ его. 11-го кавалерія моя нагнала его въ Салчикъ, и разбила его арріер-гардъ. Ибрагимъ бѣжалъ черезъ степь съ тысячею челоуѣкъ конницы, и зашворился въ Газъ; я же оставилъ Ренѣ въ Салчикъ, съ приказаніемъ укрѣпить сей постъ, который прикрывалъ Египецъ со стороны Сиріи; направилъ отрядъ Клебера на Даміешу, копорою онъ завладѣлъ, что и покорило мнѣ совершенно весь морской берегъ, а самъ съ отрядомъ Мену, возвратился обратно въ Каиръ.

Морское Абукирское сраженіе.

До сихъ поръ все еще шло благоуспѣшно или по крайней мѣрѣ казалось мнѣ такъ, но уже одно бѣдственное событіе, причиненное неисполненіемъ моихъ приказаній, нанесло жестокой ударъ моимъ надеждамъ. Я нѣсколько разъ настаивалъ, чтобы ввели въ старый портъ Александріи, флотъ, который привезъ насъ въ Египецъ, или въ случаѣ невозможности, чтобы онъ оплылъ обратно во Францію. Наши моряки увѣряли, что каналъ, ведущій въ портъ, слишкомъ мелокъ для линейныхъ кораблей; промѣры, сдѣланные по моему повелѣнію, показали, что 74-пушечные могли пройти чрезъ оный; я старался ускорить исполненіе моихъ желаній.

Брюесь находилъ предпріятіе сіе опаснымъ, и сверхъ того предполагалъ, что вошедъ въ сей проходъ, три корабля будутъ въ состояніи блокировать его, такъ, что ему не-возможно будетъ выйти изъ онаго; онъ предпочелъ остаться въ открытомъ морѣ; выгрузивъ свои снаряды, онъ ожидалъ съспѣ-ныхъ припасовъ для экипажей, и располо-жился боевымъ весьма сжатымъ порядкомъ, примыкая къ берегу Абукирскаго рейда, и ожидая удобности возвратиться въ Корфу или Тулонъ. 1-го Августа, съ наступающею ночью, онъ былъ атакованъ. Французскій Адмиралъ полагалъ, что онъ, оставаясь, могъ ожидать непріятеля, который, какъ онъ думалъ, не иначе будетъ атаковать его, какъ спереди; но Нельсонъ, идя смѣло средь огней, прошелъ между нашею ли-ніею и землею, отрезавъ центръ, обошелъ, и билъ лѣвое крыло, тогда, какъ правое оставалось спокойнымъ свидѣтелемъ се-го необычайнаго сраженія. Оно длилось 36 часовъ, и кончилось истребленіемъ трехъ четвертей нашего флота. Адмиралъ Брюесь одною своею славною смертію искупилъ по-грѣшность, споль предосудительную Фран-цузскому флоту.

Будственныя послѣдствія сего событія.

Хотя сіе будственное событіе и пере-
мѣняло совершенно всѣ расположенія на
счетъ нашей экспедиціи, оно однако жъ не
оптимально у насъ всей надежды на успѣхъ.
Мы могли удержатъ за собою завоеванную
нами страну, удачно привлекиши жителей
оной на нашу сторону, — съ деньгами, съ
оружіемъ и офицерами, мы могли, подобно
Мамелюкамъ, комплексовать наши дивіоны.
Я обратилъ всѣ мои усилія къ достиженію
сей цѣли. Правда, что встрѣтились два
важныя препятствія: первымъ, была морская
блокада, которая стѣсняла вѣнскую тор-
говлю, главный источникъ сей земли; второ-
рое заключалось въ вѣрѣ: Коранъ повелѣ-
ваетъ испреблять или покорять идо-
поклонниковъ; онъ не допускаетъ послуша-
нія и покорности къ невѣрной власти,
и въ семъ отношеніи онъ конечно болѣе
благопріятствуетъ военному духу, неже-
ли Христіанская религія, которая на-
учаетъ, что должно отдавать Кесарю Кеса-
рево, и что владычество Іисуса Христа
не есть владычество сего свѣта. Мы уже
говорили, что въ X, XI и XII столѣтіяхъ
догматы Исламизма воздвигнули огромныя
препоны подвигамъ крестоносцевъ въ Сиріи;

вѣра, бывшая побудительною причиною воз-
станія Европы, обратила войну въ испре-
бленіе милліоновъ людей! Если бы подобный
духъ оживилъ Египтянъ въ 1798 году, мы
бы совершенно пропали: малочисленная армія
моя, никакимъ фанатизмомъ не возбужденная,
и чувствуя уже отвораченіе къ сей странѣ,
не устояла бы шести мѣсяцевъ противъ нѣ-
сколькихъ милліоновъ разъяренныхъ Магоме-
танъ. Къ нашему счастью, Коранъ терялъ
свои силы опъ чистыхъ сношеній Егип-
тянъ съ Европою. Ихъ ненависть не бы-
ла одинаковой степени съ фанатизмомъ Х-
вѣка.

И такъ я не терялъ надежды оболь-
стить Имановъ, Мушійевъ, Улемовъ и про-
чихъ духовныхъ Магомешанскаго исповѣда-
нія. Французская армія со временъ революціи
была равнодушна къ обрядамъ; даже въ Ис-
паніи солдаты вовсе не ходили въ церковь.
Я воспользовался симъ обстоятельствомъ,
чтобы увѣрить Мусульманъ, будто наши
солдаты готовы принять ихъ вѣру. Боль-
шое число Христіанъ различныхъ исповѣ-
даній хотѣли воспользоваться нашимъ при-
сутствіемъ, чтобы освободить свою вѣру
отъ разныхъ притѣсненій; я вопрошивалъ
ихъ намѣренія, и сохранялъ все по
старому. Всякой день съ восхожденіемъ

долнца Шенки главной мечети приходили ко мнѣ; я обращался съ ними весьма благо-склонно, и нарочно спрашивалъ ихъ по-дробно о жизни Пророка и смыслѣ Корана. — Я часто присушиспвовалъ при совершеніи ихъ служенія, и уважая ихъ вѣру и обычаи, наконецъ внушалъ имъ большое ко мнѣ довѣріе.

*Таллейранъ не удовлетворяетъ Порты; она
объявляетъ намъ войну.*

Въ слѣдствіе сей же системы, я всѣми силами старался успокоить Порту. — Прибывъ въ Египетъ, я увѣрялъ жишелей, что они не должны спрашиться моей экспеди-ціи, что я пришелъ съ намѣреніемъ наказать Беевъ, коими они были недовольны, разорить торговлю Англичанъ въ Индіи, и снова сдѣ-лать Египетъ мѣспомъ складки всего Вос-тока. Я надѣялся, что Таллейранъ отпра-вится въ Константинополь съ сими же ви-дами; но онъ, какъ кажется, слишкомъ боял-ся семи-башеннаго замка; подъ разными пред-логами поручилъ онъ свою миссію одному изъ подчиненныхъ, а самъ оспался въ Пари-жѣ, и чрезъ сіе способствовалъ проискавъ иностранныхъ Министровъ. Порта все еще не рѣшалась явно возстать противъ насъ;

но изстребленіе нашего флота доказало намъ истину. 1-го Сентября, Рюфень, нашъ Константинопольскій Повѣренный, былъ посаженъ въ замокъ семи-башенный, и война была объявлена.

До сихъ поръ надежды мои на успѣхъ проекта населенія казались еще необманчивыми. Египецъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ набѣговъ Мамелюковъ, былъ спокоенъ. Коммисія Ученыхъ, отправленная со мною, изыскивала древности въ сей колыбели просвѣщенія; стараніями ихъ, учреждены были разныя учебныя заведенія въ Каирѣ; они нѣсколько услаждали скуку, которая обыкновенно помитъ иноземца въ странѣ споль для него чуждой. — Другіе старались ввести разныя мастерства, какъ то: литейныя дворы, пороховыя заводы и другія вспомогательныя средства, изобрѣшенныя искусствомъ для войны; но разрывъ съ Поршою уничтожилъ сіи счастливыя начала.

Бунтъ въ Каирѣ.

Извѣстіе о семъ скоро распространилось въ Египтъ, и воспало всѣ умы. Глава Исламизма возсталъ противъ насъ, и мы въ глазахъ ихъ стали не что иное, какъ Христіанскія собаки, коихъ истребить бы-

до должно и похвально. — 22-го Октября ужасный мятеж взводновалъ Каиръ. Генераль Дюпюи, шамошній Комендантъ, и до 300 солдатъ и офицеровъ были вырваны. — Необходимость повелѣвала быть строгимъ; войска мои, расположенныя вокругъ города, вторглись въ оный, и безъ всякой пощады истребили всѣхъ, кого нашли съ оружіемъ въ рукахъ. — Послѣ двухъ-дневнаго кровопролитія, спокойствіе снова водворилось, и утишеніе бунта сего утвердило власть нашу въ Египтѣ. — Съ другой стороны Дессе окончилъ покореніе Верхняго Египта, и надъ оспальными Мамелюками одержалъ Седиманскую побѣду.

Походъ въ Сирію.

Мы недолго оставались въ покоѣ; я узналъ, что Турки собираютъ въ Анатоліи войско, которое долженствовало вторгнуться въ Египетъ, слѣдуя по восточному берегу Средиземнаго моря. Дезаръ, Паша Сень-Жанъ-д'Акрскій, образовалъ уже магазины для сей арміи, которую онъ долженствовалъ усилишь войсками, набранными въ Сиріи. Лучшее средство, воспрепятствовать исполненію сего предпріянія, было уничтожишь сіи приуготовленія, прежде, чѣмъ Опшоманская армія могла подкрѣпиться Дезара. —

Въ слѣдствіе сего я рѣшился ийти въ Сирію, взявъ съ собою ту часть войска, въ которой не настояло большой нужды для прикрытія морскаго берега, и для сохраненія спокойствія въ Египтъ. 10-го Февраля я выступилъ изъ Каира съ отрядами Бона и Ланна и съ кавалерією; 17-го я достигъ Эль-Ариша, гдѣ нашелъ дивизіи Ренье и Клебера, пришедшія сюда изъ Салчиха и Даміешы. — Я нашелъ, что селеніе Эль-Аришъ взято уже приступомъ Генераломъ Ренье, но замокъ еще защищался; эша крѣпостца имѣла шѣмъ болѣе задержавъ насъ, что со мной была лишь одна полевая артиллерія, которая не могла причинить большого вреда стѣнамъ оной, довольно толстымъ. Къ счастью, 20-го числа гарнизонъ сдался на капитуляцію.

Хотя военныя силы, находившіяся въ распоряженіи моемъ, не превышали 13,000 человѣкъ, однако же я принужденъ былъ раздѣлить оныя на отряды при вступленіи въ степь, лежащую между нами и Сирією, чтобы не осушить колодцевъ, единственныхъ источниковъ сей безводной страны. — Послѣ 48 часовъ изнурительнаго перехода, мы достигли равнины Газы. Вся армія соединилась у вѣрошъ сего города, покинушаго неприагелемъ, оставившимъ въ ономъ значи-

щельные запасы. — 3-го Марта прибыли мы къ Ясѣ. Гарнизонъ сего города былъ многочисленъ и готовился къ оборонѣ. — Я приказалъ устроить баштарею, чтобы бить брешь. 7-го проломъ оказался удобо-проходимымъ, и я взялъ городъ приступомъ. — Пѣнные, въ числѣ 2,000 человекъ, взятыя въ семь дѣлъ, чрезвычайно меня затрудняли; слабость моей арміи не позволяла мнѣ отправить конвой, на спрѣзку оныхъ, а опустивъ на слово людей, непризнающихъ законовъ чести, было бы весьма неблагоразумно; тѣмъ болѣе, что часть оныхъ состояла изъ Янычаръ, пѣнныхъ въ Эль-Аришъ и опущенныхъ мною. — Не зная, на что рѣшиться, я велѣлъ ихъ разстрѣлять, — съ ужаснымъ отвращеніемъ исполнилъ я сіе; но мысль, что сіи Азіатскіе варвары не иначе обходяшся съ Христіанскими пѣнными, и даже почитаютъ за славу отсылать ихъ головы въ Константинополь, рѣшила всѣ мои сомнѣнія. — Мои враги не упустили случая упрекнуть меня симъ поступкомъ, кошорый, судя по закону естественному, конечно не извинителенъ, но, быть можеть, что затруднительныя обстоятельство, въ коихъ я находился, и спасеніе моей арміи, пребывавшія онаго, оправдуютъ меня предъ потомствомъ.

Джезаръ-Паша собралъ всѣ свои силы для защиты Сень-Жанъ д'Акра, который обложили мы 18-го Марша. — Укрѣпленія города состояли въ сѣнѣ, фланкированной башнями, и защищенной рвомъ. — Но выгоды наши были шѣмъ ограниченнѣе, что Сидней-Смитъ, крейсируя съ Англичанами, успѣлъ перехватить мою осадную артиллерію, отправленную моремъ изъ Александріи, и устроилъ изъ оной башшарен противъ насъ. — Траншея была открыта 20-го Марша. — Джезаръ, руководимый Французскимъ инженеромъ и артиллеристомъ (*) защищался отчаянно. — 28-го я сдѣлалъ къ городу первый неудачный приступъ, который увеличилъ только самонадеянность осажденныхъ.

Оаворское сраженіе.

Передовые посты мои, находившіеся въ Сафешъ и Назаретъ, уведомили меня о приближеніи непріятельской арміи, собранной въ Дамаскъ, и усиленной на походъ жидеями Палестины. Чтобы удержать ее, я по-

(*) Филиппо и Тромеленъ. Нѣсколько времени спустя, сей послѣдній просился у меня въ службу. Я принялъ его Полковникомъ, сошнуя ему столько же вреда непріятелю, сколько онъ вредилъ мнѣ въ Египтѣ.

сдаль къ Иордану два малые обсерваціонные корпуса: Клебера съ его дивизіей въ Назарешъ, а Мюрата съ опрядомъ, состоящимъ изъ 2,000 человекъ, въ Сафету. — Нѣскольکو дней спустя, я узналъ, что непріятель прошелъ Иорданъ по мосту въ Гизъ-эль-Мезанье, и что Клеберъ будетъ немедленно атакованъ. Я полетѣлъ къ нему на помощь. 15-го Апрѣля я оставилъ лагерь передъ Сень-Жанъ д'Акромъ съ дивизіей Бона и съ моею кавалеріей. — На другой день поутру я былъ при горѣ Оаворѣ, въ виду непріятеля, который огромною толпою пѣхоты занималъ селеніе Фули.

Его кавалерія, состоявшая почти изъ 20,000 человекъ, покрывала обширную равнину, гдѣ дивизія Клебера, расположенная двумя каре и окруженная со всѣхъ сторонъ, защищалась съ рѣдкимъ хладнокровіемъ.

Мое появленіе было для непріятелей громовымъ ударомъ; — утомленные непоколебимою твердостью каре Клебера, они не отважились сразиться съ свѣжими войсками, пришедшими со мною. Вся сія безпорядочная толпа обратилась въ бѣгство; мы ударили въ штыки, и овладѣли селеніемъ Фули. — Ошшоманская армія, совершенно разбитая, перешла Иорданъ по мосту въ

Гизъ-эль-Мезанье, и решировалась къ Дамаску.

Сія спранныя побѣда имѣла споль чудесное вліяніе на непріятеля, что онъ не дерзаль уже беспокоить насъ въ продолженіе всей осады. — Оставивъ Клебера въ Назаретъ, я съ оспальными войсками возвратился въ Акру.

Продолженіе осады Сенъ-Жанъ-д'Акра.

Осада продолжалась съ упорствомъ; но успѣхъ былъ не великъ. — Турки, вспомошесвуемые Англійскою эскадрою Сидней-Смита, и руководимые Филипо и Тромеленомъ, упорно защищались. — Уже лять присшуповъ были сдѣланы напрасно, — когда флотилія, вооруженная въ Родосъ, пришла снабдить городъ съспными припасами, и привезла съ собою славный корпусъ Гуссейна-Паши, обученный имъ по-Европейски. Думая предупредить прибытіе сего войска, я сдѣлалъ 8-го Мая шестой присшупъ; но мы были ошражены и потеряли всю надежду на завладѣніе крѣпостью. — Упорствувая продолжая осаду, я подвергнулъ бы малую армію мою неминуемому уничтоженію, и пошому принужденъ былъ гошовишься къ ошсшупленію.

Продолженіе осады Сенъ-Жанъ д'Акра.

Я былъ столь мало знакомъ съ неудачами, что не рѣшился оставить начатаго мною предпріятія, не испытавъ еще разъ моего счастья; въ сіе же время Клеберъ присоединился ко мнѣ; я ласкалъ себя надеждою, что свѣжія силы его помогутъ мнѣ занять мѣсто, коего открытые проходы представляли возможность успѣха. — 10-го Мая, поутру и вечеромъ въ седьмой и въ осьмой разъ я возобновлялъ аштаку. — Ожесточеніе моихъ солдатъ, казалось, усугубляло ихъ силы; но ничто не могло поколебать упорнаго мужества осажденныхъ.

Снятіе осады.

21-го Мая я снялъ осаду, и возвратился въ Египетъ. — Дорогою опустошили мы всю страну, какъ для того, чтобы снабдить себя всѣмъ нужнымъ для перехода чрезъ степи, такъ и для лишенія Турокъ всѣхъ средствъ, могущихъ споспѣшествовать имъ приблизиться къ границамъ Египта. — У меня не было тяжело раненыхъ и больныхъ, исключая пятидесяти человѣкъ, зараженныхъ чумою, и бывшихъ не въ состояніи сѣдывать за нами, коихъ изъ состраданія, лишилъ я жизни посредствомъ опиума, дабы

не оставишь ихъ въ рукахъ жестокаго Джезара. Мои враги не преминули воспользо-
ваться симъ обстоятельствомъ, въ коемъ
и самъ я признаю себя неправымъ. — Вы-
нужденный однимъ весьма естественнымъ
чувствомъ человеколюбія къ сему поступ-
ку, коюрый желалъ бы я испытать на са-
момъ себѣ въ подобномъ случаѣ, я не раз-
счелъ, что оный, не принесъ мнѣ никакой
личной пользы, можешь служить пищею
для клеветы. Я долженъ бы былъ оставить
этихъ несчастныхъ на произволъ Турокъ,
ибо такова была ихъ горестная участь.

*Возвращеніе въ Каиръ. — Странія при-
обрести доброжелательство Мусульманъ.*

Возвратясь въ Египетъ, я съ большою
частію моей арміи пошелъ въ Каиръ, куда
и прибылъ 14 Іюня. Клеберъ отступилъ къ
Даміешу, а въ Кашиѣ оставленъ былъ
сильный гарнизонъ. Между тѣмъ Дессе окон-
чилъ покореніе Верхняго Египта, а Семан-
гупское сраженіе довершило уничтоженіе
Мамелюковъ.

Неудача моего похода въ Сирію еще
болѣе доказала мнѣ необходимость вступи-
ти въ переговоры съ духовными служи-
телями Исламизма, чѣмъбы тѣмъ сильно
дѣйствовать на умъ народа. После моего

возвращенія изъ Сальчиха, я предложилъ имъ обнародовать фетву, повелѣвающую присягнуть Главнокомандующему въ вѣрности и повиновеніи. — Сіе предложеніе успрашило ихъ, и одинъ старикъ спрашивалъ меня: для чего я не обращаюсь въ Магомешанскую дѣру, и не заставляю мое войско сдѣлать того же, — тогда бы 100,000 человекъ, говорилъ онъ, сбѣжались подъ знамена ваши, кошорыхъ обучивъ по Европейски, могли бы вы возстановить Аравію, и поработить Воспокъ. — Единственнымъ препятствіемъ къ тому высказывалъ я обрѣзаніе и запрещеніе вина. — Это вынудило ихъ искать средствъ для избѣжанія сихъ двухъ предлоговъ. Добрые люди сіи думали, что по нуждѣ, и съ Небомъ можно заключать условія, и объявили, что Магомешанская религія позволяеть пить вино, но только съ шѣмъ, чтобы удвоить число своихъ милоспѣнь. — Тогда я велѣлъ начертать планъ мечети огромнѣе Гемиль-аль-Азарской, подъ предлогомъ — воздвигнуть памятникъ въ ознаменованіе обращенія арміи; но по истинѣ искалъ я шѣмъ выиграть время. — Желаемая фетва была обнародована, и Шеики объявили меня любимцемъ Пророка, и особенно имъ покровительствуемымъ. — Слухъ, что чрезъ годъ вся армія надѣнешъ чалму, всюду распространился, и

создашы мои скоро почувствовали выгодныя послѣдствія хипросши весьма невинной и весьма простишельной, судя по положенію, въ кремь мы находились.

Высадка послѣ Абукирскаго сраженія.

Въ концѣ Іюля, Мамелюки снова показались въ Египтъ, а Мурашъ-Бегъ спустился по Нилу къ Гашъ; между тѣмъ, какъ я располагался изгнать ихъ отсюда, получилъ извѣстіе, что 15,000. Турокъ, находившихся на ялошъ, приплывшемъ изъ Родоса, сдѣлали высадку на ошлогомъ берегу Абукирскаго полуострова, и что они даже завладѣли крѣпостью сего имени. Мнѣ необходимо было избавиться отъ этого корпуса, не давъ ему времени получить подкрѣпленія или соединиться съ Мамелюками и возмущившимися жителями. 24-го Іюня часть войска, назначенная для сей экспедиціи была собрана при колодцахъ между Александріей и Абукиромъ; на другой день я напалъ на Турокъ.

Безпорядочное войско сіе полагаешь всю надежду свою на кавалерію, а такъ какъ оной съ нимъ не было, ибо они прибыли моремъ, то и основалъ я планъ моего нападенія на сего особенномъ случаѣ. Не смотря на ихъ упорное сопротивленіе, сорвали мы у нихъ

одну послѣ другой двѣ линіи ретраншамента, сдѣланныя ими для прикрытія полуострова. Въ то же время и Мюратъ, въ слѣдствіе приказанія, даннаго ему мною, успѣлъ проникнуть въ ихъ ряды съ нѣсколькими эскадронами, и навесити на оныя ужасъ. Они бѣжали подлпами, искавъ спасенія на кораблѣхъ, но не успѣли въ томъ. Всѣ тѣ, кои не были изрублены, погибли въ водахъ морскихъ; изъ 12 или 13 тысячъ человѣкъ, спаслась лишь тысяча чел., сокрывшись въ крѣпости, и 200 человѣкъ, сдавшихся военнопленными; въ томъ числѣ находился и Паша, главный начальникъ сего войска; съ нашей же стороны потеря состояла изъ тысячи человѣкъ. Побѣда сія доставила мнѣ нѣмъ болѣе удовольствія, чпо она загладила стыдъ, заслуженный нами потерей флота подъ Абукиромъ. Крѣпость, бомбардированная со всѣхъ сторонъ, сдалась 2-го Августа.

Успѣхъ сей обезпечивалъ положеніе ваше въ Египтѣ, до такой степени, что съ помощію пяти или шести тысячъ человѣкъ ежегоднаго подкрѣпленія, могли бы мы удерживаться въ ономъ.

Я рѣшаюсь возвратиться во Францію.

Въ сіе время важнѣйшія заботы обратили на себя мое вниманіе. Еще при Сенъ-

Жанъ-д'Акръ узнали мы о составленіи новаго союза. Послѣ шого получено нами чрезъ Сидней-Смиша нѣсколько Англійскихъ Журналовъ и Французскія Франкфуртскія Газеты; изъ нихъ узнали мы о несчастіяхъ армій Италійской и Рейнской, также и о постепенныхъ переворотахъ, довершившихъ беспорядки и униженіе Директоріи; — я получилъ письмо отъ Правительства, въ коемъ увѣдомляли меня, что Адмиралъ Брюиксъ отправляется изъ Бреста, чтобы соединиться съ Испанскою и Тулонскою эскадрами, овладѣвъ Средиземнымъ моремъ и возвратитъ Египетскую армію, если обстоятельства шого пошребуютъ. Я получилъ вторично письменное позволеніе возвратиться во Францію, но Брюиксъ не являлся; вѣроятно, былъ онъ прогнанъ, и принужденъ отказатся отъ своего предпріятія. Я чувствовалъ себя способнымъ возвратитъ опечесству военную славу и благо внутренняго и внѣшняго міра. Все доказывало мнѣ, что умы были уже ушомлены революціей, и что пришло время престѣчь оную, воспользовавшись ея наслѣдствомъ, дабы предупредить другихъ, могшихъ увлечься, подобно мнѣ, блескомъ сего предпріятія. Не было причинъ, которыя бы удерживали меня долѣе въ Египтѣ. Мнѣ оставалось лишь завести колоніи въ сей

завоеванной землѣ, и чѣмъ успѣшь въ ономъ, сдѣланы уже были всѣ нужныя распоряженія. Клеберъ могъ кончить сіе предпріятіе такъ же хорошо, какъ и я, если только исполненіе онаго было еще возможно. Мнѣ казалось, что я въ Европѣ могу принести болѣе пользы моему ошечеству; сверхъ же того и время къ удаленію было благопріятное. Если репутація моя пострадала нѣсколько отъ худаго успѣха Сирійской экспедиціи, то вѣрно Абукирская побѣда возвратила ей весь прежній блескъ. Я поспѣшалъ, какъ могъ, и приказалъ приготовить небольшую эскадру, состоявшую изъ 4 кораблей; съ нею вышелъ я въ море 24-го Августа, оставивъ Клебера Главнокомандующимъ Египетскою арміею. Многіе весьма несправедливо кричали противъ сего отъѣзда: во-первыхъ, было у меня на то письменное позволеніе Директоріи; во-вторыхъ, экспедиція сія имѣла два вида, или совершенную неудачу, или возможность поддержаться; судя по первому, не оставалось ничего болѣе, какъ заключить договоръ и очистишь Египетъ: вещь, которую бы и послѣдній офицеръ могъ исполнить также хорошо какъ и я; судя же по второму, я зналъ, что Клеберъ въ состояніи сражаться со всѣми непріятелями, находившимися въ той сторонѣ. Ученый, умный и

храбрый Генераль сей былъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ мужчинъ въ Европѣ; онъ былъ такъ сказать идеаломъ бога войны: ужасенъ въ битвахъ, спокоенъ и хладнокровенъ въ соображеніяхъ, великъ въ предпріятіяхъ и любимъ солдатами: онъ походилъ во всѣхъ отношеніяхъ на Маршала де-Сакса. Онъ имѣлъ все нужное; чтобъ быть великимъ полководцемъ, и если не успѣлъ въ ономъ, то только потому, что не было къ тому удобнаго случая. Хотя и не зналъ онъ всѣхъ многосложныхъ расчетовъ Спрагегіи, но гений его и навыкъ въ командованіи довели бы его до сего славнаго пишула.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

НА КОНЧИИУ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ.

Во шмъ глубокой мрачной ночи
Крылаша смерть косою своею,
Какъ молніей, блеснула въ очи:
Вся шварь вздрогнула передъ ней.
Завѣса вѣчности открылась,
Свѣтъ горней славы возсіялъ:
Картина чудная явилась!
Не судъ ли страшный днесь насталъ?
На престоу славы Царь вселенной,
Какъ въ огненномъ столпѣ, сѣдишь;
Небесныхъ воинствъ сонмъ священной
Съ благоговѣньемъ предстоишь.
Зрю, нѣкая жена святая
Въ восторгъ въ Божій градъ шечешь;
Соборъ блаженныхъ душъ встрѣчая,
Ей сладостную пѣснь поешь;
И Ангелъ, другъ ея, хранишь,
Съ улыбкою ведешь рукой.
Кого въ небесную обитель
Встрѣчаютъ съ радостью такой?
Марія, Ангелъ воплощенный!
Тебя я вижу въ небесахъ!

Твой духъ паритъ къ Царю вселенной!
 А на земли Твой холодный прахъ!
 Увы, Россія зришь на шронѣ
 Лежащу въ гробѣ Мать Царей!
 И громъ побѣдъ не слышанъ въ стонѣ
 Рыдающихъ Ея дѣшей!
 Сшенаешь съ нами вся Природа
 О нѣжной дочери своей.
 Прости, прости, о Мать народа!
 Порфиросный другъ людей!
 Съ благоговѣніемъ лобзая
 Твой прахъ — покровъ души свяшой,
 И жизнь Твою благословляя,
 Несемъ мыслью за Тобой.
 Тебя награда ожидаетъ
 За добродѣтель въ небесахъ;
 Твое безсмертье возсіяетъ,
 Какъ свѣтъ во тмѣ ночной, въ вѣкахъ.
 Часъ избрала себѣ благую
 Марія — славныхъ женъ хвала:
 Премудрость возлюбя свящую,
 Несчастливымъ мать и другъ была.
 Ея рукой соорудились
 Обишель вдовъ, пріюль сиротъ,
 И нынѣ въ храмы превратились
 Богинѣ милостей, щедротъ.
 Посланицей Небесъ казалась
 Въ домахъ болѣзней и скорбей;
 И смерть отъ мѣстъ тѣхъ удалась,
 И прерывался стонъ при Ней.
 Какъ пшеница, грѣла подъ крылами
 Оставленныхъ чужихъ дѣшей, —
 Дѣшей забытыхъ матерями.

Природы гласъ былъ внятенъ Ей, —
 Ей сердце доброе велѣло —
 Сиротъ и вдовъ не покидашь:
 Оно блаженствуя, хотѣло,
 Съ другими счастье раздѣлять.
 Средь горнихъ слышанъ Ей селеній
 Вашъ плачъ, рои прекрасныхъ дѣвъ, (*)
 Предметъ нѣжнѣйшихъ попеченій,
 И сладостныхъ Ея утѣхъ!
 Она блаженствомъ наслаждалась
 Въ жилищѣ райскомъ дѣвъ молодыхъ;
 Ей прелестъ ангеловъ являлась
 Въ невинныхъ свѣтлыхъ взорахъ ихъ.
 Убрасьте, дѣвы, гробъ цвѣтами!
 Прахъ нѣжной Матери своей,
 Какъ ароматами, слезами
 Омойте изъ своихъ очей.
 Имъ зрился тѣнь Ея святая
 И въ сновидѣннхъ и въ мечтахъ:
 „Ты съ нами!“ дѣвы восклицая,
 Бѣгушь, обняшь Ее, въ слезахъ.
 Тамъ все цвѣло, все улыбалось:
 Гдѣ намъ земное Божество
 Въ лицѣ Монархини являлось:
 И гдѣ Она — тамъ торжество!
 Она въ сердца вливала сладость
 Улыбкой ангельской Своей;
 Въ воспоргъ всѣхъ приводила радость,
 Какъ будто Бога зрѣли въ Ней.
 О, Благодѣтельница міра!

(*) Воспитанницы Благородныхъ заведеній.

Какъ солнце, Твой блискалъ вѣнецъ,
 Какъ небо звѣздное — порфира!
 Ты мастерямъ всѣмъ образецъ!
 Ты Царскихъ доблестей зеркало!
 Мы будемъ вѣкъ благодарить,
 Что Небо намъ Тебя послало —
 На Тронъ благость воцаришь.
 Твой Александръ Благословенный,
 Сей Ангель ширя и побѣдъ,
 Къ оспрадъ царствъ Тобой рожденный,
 Ошъ адской гидры спасъ весь свѣтъ;
 Ты тайнства Ему ошкрыла,
 Благословенье заслужить;
 Ты Николая научила,
 Вѣнецъ со славою носишь.
 Блаженства нашего залогомъ
 Ты намъ оставила Дѣшей,
 И зришь на Нихъ, молясь предъ Богомъ,
 Чтѣмъ къ славы шлю Твоей спешей.
 Я слышу, съ вышости вѣщающъ
 Имъ истину Твою уша:
 „Лишь судъ и милость ошверзающъ
 Царямъ небесныя враша!“
 Блаженная душа Маріи!
 Молись, чтѣмъ вѣчно процвѣтала
 Твой благодатный родъ въ Россіи,
 И міръ его благословляя!

М. Поднебесный.

У В Я Д Ш І Й Ц В Ъ Т О К Ъ,

Цвѣточекъ, цвѣточекъ! прекрасенъ ты былъ;
Мой взоръ любовался тобою любящъ;

Сильфида, забывши подругу свою,
Ласкала крылами годовку швою;

И пчелка златая, и майскій жутикъ
Убрадкою пыли швой сладкій медокъ;

А рѣзвые мошки, лешучей толпой,
Жужжали, шѣсцались, вились надъ тобой!

И всѣхъ утѣшалъ ты... но вѣтръ зашумѣлъ —
И ты, мой цвѣточекъ, завялъ, облещѣлъ!

Гдѣ цвѣтъ твой? гдѣ запахъ? одинъ сшебелѣкъ
Въ шравѣ пожелтѣлой спомнѣтъ одинокъ!...

Такъ ты, моя прелесть, дѣвица - душа!
Какъ майская роза собой хороша!

Всѣ юноши гордой ошчизны моеѣ
Какъ радости ищущъ улыбки швоеѣ;

И многіе — въ тайнѣ сердець молодыхъ —
Тоскуютъ по взоръ очей голубыхъ;

Въ плѣнительныхъ пѣсняхъ любви — пѣвецъ
Тебя величаешь царицей сердець...

Ты наша отрада... Но время летишь!
Жестокое — губишь сіянья ланишь;

Уносишь и прелесть волнистыхъ кудрей,
И томную нѣгу лазурныхъ очей;

Небесной улыбки лишаетъ уста...
О горе! проходишь, какъ сонъ, красота!

Лишь прелести чистой, невинной души
Всегда неизмѣнны, всегда хороши.

Узнай же ты тайну быть милой всегда:
Не будь, моя радость, душою горда!

Того, кто добрѣе, кто любитъ нѣжнѣй —
Того осчастливь ты любовью своей!

Александръ Крюковъ.

Оренбургъ.
1826.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВЫЯ СЕРВСКІЯ КНИГИ.

1 8 2 8.

24. *Милош Обреновичъ, Князь Сербіи; или Грачъа за Српску Историју нашега времена. Написао Вук. Стеф. Караджичъ. и пр. (Милошъ Обреновичъ, Князь Сербіи, или изображеніе Сербской Истории нашего времени. Соч. Вука Стефановича Караджита, Философіи Доктора и Ученыхъ Обществъ: С. Петербурскаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, Краковскаго, Тирингско-Саксонскаго изысканія отечественныхъ древностей и Королевско-Геттингенск. Члена-Корреспондента.) Буда, въ типогр. Королевско-Пештскаго Университета, 1828. 204 с. въ 8.*

Въ книгѣ сей изображены заслуги, оказанныя Кн. Милошемъ Обреновичемъ отечеству своему и народу Сербскому, и о которыхъ публика наша отчасти уже извѣстна по переводу, изданному за четыре

года предъ симъ въ С. Петербургѣ Депутатомъ Сербскаго народа, почтеннымъ М. Θ. Германомъ. Въ новомъ семъ изданіи на Сербскомъ языкѣ, любопытны извѣстія о происшествіяхъ, случившихся въ Сербіи послѣ вышепомянушаго перваго изданія. Извѣстія сіи доведены до нынѣшняго времени и заключають въ себѣ подробности о приписаніяхъ, копорыми Турки хотѣли обременить Сербовъ, о великодушномъ васкупленіи Императорскаго Всероссійскаго Двора за сей единоплеменный и единовѣрный народъ, объ Аккерманской конференціи, съ приложеніемъ спашей Аккерманскаго договора; о нынѣшнемъ положеніи Сербіи и пр. и проч. Чувства глубочайшей благодарности и благоговѣнія къ Государю Императору Николаю Навловичу, за высокое покровительство, оказываемое Его Императорскимъ Величествомъ народу Сербскому, дышашъ въ рѣчи Кн. Милоша Обреновича, произнесенной къ Князьямъ и почешнѣйшимъ Сербскимъ людямъ ошъ имени Милоша, Секретаремъ его Давидовичемъ, по случаю полученія въ Сербіи, чрезъ курьера, М. Θ. Германа, извѣстія о томъ, съ какимъ участіемъ Всероссійскій Императорскій Дворъ заступился за права Сербскаго народа въ спашьяхъ Аккерман-

скаго договора. Желашельно, чшобы кшо
 нибуди взялся перевести сїю книгу на
 Русскій языкъ, или что бы въ какомъ либо
 изъ Русскихъ Журналовъ помѣщены были
 любопытнѣйшія изъ нея свѣдѣнія. При семъ
 случаѣ не лѣзя не пожадѣвъ, что Писа-
 тели Сербскіе ошсшупиди ошъ нашего
 правописанія, и принявъ наши буквы граж-
 данской печати, выдумали при томъ нѣко-
 торыя новыя, сложныя, крючковащыя и не-
 красивыя, крайне запрудняющія въ чшеніи
 соплеменныхъ Сербамъ, Россіанъ. Какъ бы
 хорошо было, если бы всѣ народы Славян-
 скаго происхожденія, разведенные ошдален-
 носшію мѣсшъ, инодержавствомъ и пр.,
 сблизались по крайней мѣрѣ языкомъ, Сло-
 весносшію, письменами и Грамматишкой!

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 8.

Драматическая Поэзія.

36. *Гамлетъ, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе В. Шекспира. Перевелъ съ Англійскаго М. В. С.п.б. въ типогр. Медицинск. Департ. Минист. Внутр. Дѣлъ, 1828. XXIV и 205 с. въ 8.*

(Г. В — ко подарилъ уже насъ прекраснымъ переводомъ Байронова *Манфреда*; теперь онъ присвоилъ нашей Литературѣ Шекспирова Гамлета, котораго донинѣ знали мы на нашемъ языкѣ только по жалкимъ передѣлкамъ или полу-Французскимъ подражаніямъ, гдѣ не было и тѣни Трагедіи Шекспировой. Переводъ Г. В — ка отличается вѣрностію, близостию къ подлиннику и счастливою передачею на Русскій языкъ тѣхъ мѣстъ, которыя у Шекспира болѣе всего поражаютъ читателя или зрителя, и, можно сказать, сдѣлались пословицами

въ образованной Европѣ. Размѣръ стиховъ безъ отступленія шотъ же самый, которымъ написана Трагедія сія на Англійскомъ языкѣ. Стихосложеніе нашего прелагашеля хотя и не вездѣ въ равной степени свободно и текуче, но языкъ правильный и хорошій выборъ словъ составляющъ такое достоинство его перевода, которое дается немногимъ изъ нашихъ Стихотворцевъ-прелагашелей: ибо многіе изъ нихъ лишены того тонкаго ощущенія, по коему переводчикъ узнаешъ и выбираешъ въ нашемъ разговорномъ языкѣ позволеніельное и приличное, а не дѣпишъ въ переводѣ своемъ, безъ разбора, выраженій простонародныхъ и площадныхъ. Въ одномъ только мѣстѣ можно за сіе упрекнути Г. В—ка; а именно, въ слѣдующихъ чепырехъ стихахъ пѣсни Могильщика (д. V, явл. 1.)

Колдунья-старость шагъ за шагъ —

Пришла Яга съ клюбой,

И сълъ я, какъ на сушь ракъ:

Хоть бабка рѣпку пой!

Эшо могъ бы пропѣшь могильщикъ Русскій, а не Датскій. За шо слѣдующіе стихи шой же пѣсни превосходно заглаждаютъ эшо отступленіе отъ правдоподобія — и, позволимъ себѣ сказать — отъ приличія:

Носилки, гробъ, да заступъ, заступъ,
 Да черное сукно,
 Да три шага земли, земли,
 Намъ нужны всѣмъ равно.

Такими прекрасными, естественными
 стихами переводъ сей очень богатъ. Выпи-
 шемъ еще четыре стиха изъ пѣсни, кошо-
 рую Офелія поетъ въ сумасшедшій:

Онъ во гробъ лежалъ съ непокрытымъ лицомъ,
 Съ непокрытымъ, съ открытымъ лицомъ;
 И на гробъ его слезы лилися ручьемъ,
 И въ могилу лилися ручьемъ.

Что можетъ быть прогашельнѣе сего
 простаго, унылаго выраженія безумной горе-
 сти! Сии повторенія однихъ словъ невольно
 ошзываются грустнымъ вхомъ въ душѣ чи-
 тателя.

Переводчикъ, наблюдая всѣ намѣренія и
 даже самыя приходы своего Автора, передалъ
 намъ каждый стихъ его шѣмъ размѣромъ, ко-
 торымъ оный написанъ въ подлинникѣ. Та-
 кимъ образомъ, тамъ, гдѣ между пятистоп-
 ными ямбами монологовъ, встрѣчались ему въ
 Англійской Трагедіи стихи шестистопные
 или двустопные, онъ ихъ перелагалъ неос-
 тупно шѣми же мѣрами; а въ шѣхъ мѣ-
 рахъ, гдѣ дѣйствующія лица у Шекспира го-
 ворятъ прозою, онъ также переводилъ рѣ-
 чи ихъ прозою. Въ пѣсняхъ Офеліи и Мо-

гильщика, онъ держался того же правила, т. е. передавалъ ихъ размѣромъ подлинника. Словомъ: Трагедія Шекспирова является у насъ впервые со всеми высокими ея совершенствами и, по понятію нѣкоторыхъ строгихъ судей, со всеми ея спранными, въ истинномъ духѣ сего неподражаемаго Трагика. Этого мы и ожидали отъ Поэтическаго шруда Г-на В—ка; но не менѣе того дивимся его дару, умѣнью и терпѣнью, съ которыми онъ такъ-счастливо преодолѣлъ представлявшіяся ему шрудности. Оснаесть намъ изъяснить еще два желанія: во-первыхъ, увидѣть сію Трагедію на Русской сценѣ точно въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ печати; а во-вторыхъ — чтобы Г. В—ко передалъ намъ такъ же хорошо и нѣкоторыя другія драматическія произведенія знаменишаго Бришанскаго Поэта).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1828. No XXIII и XXIV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ГЕРМАНСКАЯ ЛУКРЕЦІЯ.

(Соглн. Элизы Шопенгауеръ.)

Р и м л я н е.

Пронзительный звукъ трубы раздался на цвѣшущихъ берегахъ Везера, въ ту самую минушу, когда утренняя заря появилась изъ-за верховъ синѣющихъ вдали горъ и разогнала покровъ ночи, облѣкавшій лѣшній лагерь Квинтилія Вара и его трехъ легионовъ. Внявъ трубному зову, поспѣшно исторглись Римляне изъ сладостныхъ объятий сна, и оставя малашки, начали обыкновенныя воинскія свои упражненія. Тупъ подвизались юные спръваки, стараясь попасшь въ цѣль мѣшкими спръвами своими; тамъ всадники, вооруженные мечемъ или копьемъ, учились вскакивать съ разбѣга на деревянную лошадь, ибо Римляне не знали еще употребленія сѣдла. Въ другомъ мѣ-

стѣ врывали въ землю шолбѣ, надъ которыми молодой воинъ учился дѣйствовать мечемъ и рубиться; недалеко отсюда, сражались между собой старые опытные воины, при звукахъ трубъ и лишавръ, искусно управляя копьями и мечами. Нѣкоторые же изъ нихъ, люди веселаго нрава, плясали пиррическій танецъ, изобрѣшенный Греками; лукъ и стрѣлы необходимы для сей пляски, которая представляешь собою живую картину битвы.

Въ то время, какъ дѣятельность распростиранялась по всему лагерю, составившему необъятной величины четвероугольникъ на муравчатыхъ берегахъ быстрого Везера, глубокое молчаніе царствовало еще въ палаткѣ военачальника; она лежала въ отдаленіи отъ другихъ шатровъ, на возвышенномъ мѣстѣ; окружность ея содержала четыреста фузовъ, и въ ней не только помѣщался полководецъ со свитою, но хранились военные снаряды и опиравалось торжество жертвоприношенія. Бѣлое знамя развѣвалось на острокопечной ея вершинѣ. Наконецъ выходить изъ палатки, въ сопровожденіи Авгура своего, Анпія, Квинтилій Варъ, Проконсулъ Сиріи и Главный Военачальникъ Римскихъ легіоновъ между Рейномъ и Везеромъ. Онъ былъ тогда во

всей силѣ мужескаго своего возраста; на
 высоко́мъ, спройномъ спанѣ его возвыша-
 лась красивая Римская голова съ восточ-
 ными огненными глазами; черные волосы
 разсыпались кудрями вкругъ гордой шеи;
 на немъ пуника изъ пюнчайшей бѣлой
 шерсти, смѣшанной съ шелкомъ пурпуро-
 ваго цвѣта; сверхъ оной гибкая кольчуга,
 кованная мелкими кольцами изъ золота;
 сандалии, также золотыя, держались на
 шесъмахъ, богато изукрашенныхъ разными
 драгоценными камнями и скрѣпленныхъ подъ
 ко́лѣномъ золотою запонкой въ видѣ льви-
 ной головы; бедра его, по обыкновенію древ-
 нихъ Римлянъ, были открыты; а вмѣсто са-
 гума, или военной епанчи, на плечахъ ви-
 сѣла шигровая кожа; золотой шлемъ, осв-
 няемый бѣлыми и красными спроусовыми
 перьями, блестящій мѣдный щитъ и ко-
 роткій мечъ, носилъ за нимъ Эеіонскій
 невольникъ, одѣтый въ пурпуръ. Авгуръ,
 Римскій жрецъ, былъ также въ общемъ вѣстѣ
 Римлянамъ одѣяніи; только имѣлъ онъ плащъ
 темнаго цвѣта и безъ всякихъ богатыхъ
 украшеній. Римскіе жрецы занимали также
 разныя гражданскія должности, и тогда
 только являлись въ уборѣ присвоенномъ
 собственно ихъ званію, когда готовились
 ошправлять жертвоприношеніе. Анній, лю-

бимецъ Вара, былъ важною подпорою его судейскаго стула, какъ Римскій гражданскій чиновникъ; ибо Варъ, подражая своему предшественнику, Тиверію, старался покорить Германцевъ болѣе соблюденіемъ законовъ и нѣкотораго правосудія, чѣмъ силою оружія; онъ самъ совершалъ судъ всенародно; толпа присяжныхъ окружала его судейское сѣдалище, и Германцы стали уже понемногу привыкать къ пугамъ дозъ и шопорамъ Римскихъ Ликторовъ.

Правосудіе Вара, хорошее поведеніе и дисциплина подчиненныхъ ему войскъ, были вездѣ прославляемы.

Проконсулъ приказалъ своему Легату Волумпію, съ конницею его тѣлохранительной стражи, направитъ шествіе къ замку Ализскому. „Я самъ,“ сказалъ онъ, „хочу посѣтитъ жилище Мело, Герцога Сигамбріевъ, вблизи оупъ Ализо. Авгуръ донесъ мнѣ, что наслушающіе шеперь дни благопріятствуютъ мирнымъ переговорамъ, а Герцогъ Мело неоднократно обнаруживалъ непріязненность свою и отвращеніе къ Риму, почему я поспѣраюсь склонить на нашу сторону этого храбраго и сильнаго Князя.“

Повинуясь велѣнію полководца, всадники выспунили въ походъ; Римское знамя, золотой орелъ, держащій въ когтяхъ своихъ

громовыя стрѣлы, имъ предшествовало, несомое впереди. — Варъ и его Авгуръ сѣли въ легкую колесницу, называемую цизіумъ и заложенную прѣмя конями. Часъ тѣлохранищелей его послѣдовала за нимъ; шествіе заключалось множествомъ экипажей Проконсула, запряженныхъ мулами; въ нихъ помѣщались его рабы и разные предметы роскоши. Дорога шла часпью нынѣшней Вестфалии и чрезъ прекрасныя гористыя мѣста нынѣшняго Графства Равенсбергскаго. Восхищенный пріятною зеленію полей, величественными пнями дубовыхъ и сосновыхъ лѣсовъ, веселымъ видомъ улыбающихся долинъ, Варъ сказалъ въ восторгѣ: „Надобно признайся, Германія прекрасная страна!“ Но Анній прибавилъ, вздыхая: „для того, жто никогда не былъ въ Римъ.“ — „А почему?“ возразилъ Варъ: „я не помышляю болѣе о семи-холмномъ градѣ и о всей красотѣ и великолѣпіи его, находясь посреди вѣшной дикой величественной природы; не думаю болѣе о мушномъ, желтоватомъ и медленно вращающемъ воды свои Тибръ, находясь на берегу прозрачнаго и быстраго Везера; не забочусь болѣе о душистой шѣни лавровыхъ лѣсовъ, освѣжаясь подъ мрачными дубовыми наметами вѣщихъ древнихъ дубравъ. А ты, Анній, скажи мнѣ,

чего недоспаетъ тебѣ въ Германіи? Развѣ невольницы и любимые повара твои не сопровождаютъ тебя? развѣ мѣшки твои не наполняются, благодаря спорамъ и враждамъ эшихъ Германцевъ, Герцинскими серебряными слишками; развѣ шло твоё не можетъ переносить вліянія этого чистаго воздуха; развѣ взоръ твой не восхищается здѣшнимъ прозрачнымъ небомъ; развѣ не радуешь и не возвышаешь себя самого благосклонность твоего начальника? Нѣтъ, Анній, ты не долженъ и помышлять о Римѣ!“

„Есть надежда,“ отвѣщивовалъ Анній: „что Римскіе нравы здѣсь скоро распространятся; прежде Германцы строили себѣ отдѣльные шалаши при берегахъ ручьевъ, въ лѣсахъ, или на плодородныхъ поляхъ; теперь же они соединяютъ жилища свои вмѣстѣ, образуя селенія и небольшіе города; безыскусственъ былъ прежде ихъ образъ строенія: изъ свѣжей глины и земли складывали они себѣ дома, многіе даже вырывали пещеры и жили въ нихъ, какъ дикіе звѣри; теперь же, посмотрите тамъ внизу въ долину, на жилище двухъ благородныхъ семействъ ихъ; посмотрите, какъ они нѣжась на Римскихъ одрахъ; взгляните на ихъ женъ и дочерей, гордо расхаживающихъ

въ Римскихъ одеждахъ. Скоро, скоро, съ плащемъ и уборомъ Римлянокъ, вы, блондуры красавицы Германіи, узнаете также ихъ кроткіе нравы, ихъ милую въпренность. Тогда, супружескій союзъ между вами, гнетущій крѣпкими оковами, котораго несноснѣе самаго нестерпимаго рабства, скоро перемѣнишся въ самую легкую цѣвѣшную цѣпь. Уже Римскіе опроки согрѣваются на груди Германскихъ матерей; Римскіе роскошныя пиры разслабляютъ мужество крѣпкошвылыхъ Германскихъ мужей; блестящія опличія, получаемыя ими въ нашей службѣ, возбуждаютъ ихъ честолюбіе. Уже былъ храбрый юноша ихъ, Арминій, ослѣпленъ блескомъ и великолѣпіемъ нашего Двора; онъ сражался подъ знаменами Римскими, и почишаешь для себя деснѣе шишулъ Августова полководца и гражданина Римскаго, чѣмъ Князя Херусковъ. О! вѣрь мнѣ, военачальникъ, не одно оружіе наше покорило сполько народовъ; нѣтъ! наши нравы гораздо удобнѣе ослабляютъ мужество побѣжденныхъ; искусства наши и знанія, смягчая упорство покоренныхъ, нечувствительнѣе уменьшаютъ народную гордость и лучше всякаго другаго средства, подрываютъ самосостоятельность и независимость.“— „Какъ!“ воскликнулъ Варъ: „съ

твоимъ ядовитымъ дыханіемъ и такими низкими средствами ты хочешь покорять земли; но знай же, что я скажу тебѣ: ты, хитрый Римлянинъ, зараженный язвою, равно опасенъ и для здороваго; сей послѣдній можешь сдѣлаться самъ, прежде его, жертвою рановременной смерти. Хотя ты мой Авгуръ, но сегодня я самъ представляю тебѣ картину будущаго: Римъ носишь уже въ нѣдрахъ своихъ сѣмя собственнаго истребленія своего, и не всегда будешь Римляне побѣждать Германцевъ. Римскій орелъ давно уже лежитъ въ пыли и въ бездѣйствіи, тогда, какъ высоко и надменно развѣваются знамена независимыхъ поколѣній Германскихъ.“ — „Полководецъ!“ возразилъ Анній: „ты изъ числа первыхъ Римскихъ стихотворцевъ, и тебѣ угодно теперь, по вдохновенію оспѣвъ величія окружающихъ насъ дубовыхъ лѣсовъ, предаваться мечтаніямъ. Риму согрѣвать въ нѣдрахъ своихъ сѣмя своего истребленія? Риму! вѣному владыкѣ Свѣта, котораго одніе сѣсны заключающъ въ себѣ четыре милліона жителей; изъ огромныхъ зданій котораго въ одинъ годъ выметено было 10,000 фунтовъ паушины; Римъ, который хитрейшаго и умнѣйшаго изъ людей называлъ своимъ Августомъ; Римъ, который имѣешь

такихъ мудрыхъ Сенашоровъ, такихъ полководцевъ, какъ ты, Авгуровъ, какъ я; о нѣшь, Варъ! ты представляешь себѣ невозможное.“ — „Спроси Геродѣша, спроси Тиша Ливіа, спроси всѣхъ Историковъ,“ продолжалъ Римскій вождь: „Исторіи всѣхъ народовъ въ нѣкоторомъ отношеніи одна и та же: сперва свобода, умѣренность, чистота нравовъ, непреодолимая храбрость, и сей народъ наполняетъ свѣтъ славою своихъ доблестей и великихъ дѣяній; потомъ деспотизмъ, развратъ, ничтожное честолюбіе приводитъ его къ упадку, и память о немъ до тѣхъ поръ только осязается начертанною во храмѣ времени, пока имя и слава о дѣлахъ его существуютъ въ кругу другихъ народовъ. Весьма справедливо и то, что геній Рима рано познакомился съ своимъ грознымъ и близкимъ истребителемъ. Онъ проливалъ безжалостно кровь своихъ благороднѣйшихъ гражданъ въ междоусобицѣхъ бѣвахъ; священное имя отечества распоргло союзъ природы, и Цезарь палъ отъ руки своего сына. О Брутъ, величайшій изъ Римлянъ! о Кассій! о Катонъ! щепило жили вы на свѣтъ и сражались за свое отечество.“ — Тушъ военачальникъ, будучи внутренно распроганъ, замолчалъ. Анній же продолжалъ такъ: „Если жаловаться толь-

ко на утрату нашей свободы, то не довольно ли мы теперь вознаграждены за нее споконействием, какимъ наслаждаемся; просвещеніемъ, благоденствіемъ Имперіи и всеми благами, какія только могутъ существовать на землѣ?" — „Вы только тому и рады," прибавилъ полководецъ: „и это-то самое показываешь, какъ вы низко упали духомъ; засыпайте же безпечно и забудьте, что находитесь теперь на краю бездны, поглотившей Римскія добродѣтели и прежнюю славу Рима. Августъ заступилъ теперь мѣсто всякаго опеченства. Былъ достойнымъ его сыномъ, было прежде помышленіе каждаго Римскаго гражданина; теперь же онъ домогается чести быть Сенаторомъ, Проконсуломъ, Препоромъ и тому подобнымъ, ибо эти должности уцѣляли еще отъ времени свободы; но скоро и онъ, какъ одни пустыя названія, обращаясь въ ничтожество. Прежде народъ одинъ раздавалъ сіи достоинства, теперь же — самъ Императоръ; почему и стараются пріобрѣсть его благосклонность, вмѣсто всякой добродѣтели и славы великихъ дѣлъ. Прежде, благородные граждане Римскіе считали для себя низкимъ прислуживать въ мелочныхъ должностяхъ особъ Августа во внутренности его жилища: онъ избиралъ своихъ пис-

цевъ, своихъ переводчиковъ, смотрителей своего дома, изъ вольно-ошпущенныхъ, этой порчи народа, этихъ существъ безъ свободы, безъ отечества и потому безъ всякихъ понятій о чести и безъ всякихъ нравовъ. Но вскорѣ эти рабы снискали благосклонность наущничествомъ Императору, и предъ ними стали изгибаться первѣйшіе Римскіе граждане, чѣмъ только съ ихъ помощію достигнуть желанныхъ мѣстъ и почестей; и при томъ не лучшіе, не благороднѣйшіе граждане, такими недостойными поступками достигаютъ своей цѣли, а богатѣйшіе граждане, которые не щадятъ для того своихъ денегъ. Такимъ-то образомъ добродѣтель забыта и не получаетъ болѣе никакихъ ошличій во всемъ Государствѣ; они досаждаютъ богатству. Такимъ-то образомъ, по всему необъятному пространству Римской Имперіи, стали господствовать любимцы Августа или ихъ невольники; но это еще не все: сіи вольноошпущенники вытѣснены, въ угодность Августу, Римскими / Паприціями, вмѣняющими себя въ честь сдѣлаться домашними слугами Императора.“

„Правда, нельзя оспаривать,“ сказалъ Анній: „что Августъ вездѣ даетъ предпочтеніе шаланшу.“

„Докогда Августъ живешь,“ возразилъ Варъ: „то все имѣешь видъ, какъ будто бы Римъ добровольно вручилъ свободу свою въ руки опцовскія; но дай мрачному Тиверію занять мѣсто его, и — рабство Римское останется. Августъ, человѣкъ болѣе великихъ дарованій, нежели великаго характера; хотя и умѣлъ онъ возвысить себя на такую степень могущества, однако жъ обманулся въ расчетъ: успроивая благоденствіе Рима и будучи самъ добраго сердца и крошкаго нрава, думалъ, что его правленіемъ утвердился оно непоколебимо. Если онъ долго будетъ жить, то конечно очнется отъ своего заблужденія. Добродѣтель уклонилась уже отъ Римлянъ; алчность къ деньгамъ, стремленіе къ роскоши, сладострастію и изобилію, заступили ея мѣсто. Какъ некогда престарѣлый Консулъ Фабрицій, которому Филиппъ, Царь Македонскій, сказалъ: прежде возмогу остановить солнце на пути его печенія, чѣмъ тебя совратились съ пути добродѣтели, — гордился своею бѣдностію и довольствомъ своего состоянія, такъ нынѣшніе наши Римляне тщеслававшись великимъ числомъ своихъ невольницъ, благосклонностію вельможъ, роскошію столовъ и безпечною жизнію. Время свое проводятъ они только въ играхъ или посреди любов-

ныхъ забавъ, не помышляя о томъ, чѣмъ обязаны Риму.“

„Но,“ прервалъ Анній: „развѣ нѣшъ уже болѣе Римлянъ, кошорые исполняютъ волю боговъ и въ томъ находятъ свою награду?“— „Ты былъ бы весьма недоволенъ Анній, если бъ тебя осудили на такую награду, хотя бы и счислялся въ числѣ тѣхъ, кошорые сдѣлали мало зла и кое-что добраго. Нѣшъ, Анній, нѣшъ, мы сдѣлались невѣрны богамъ своимъ, и кшо это знаешь лучше тебя? Только грубая чернь вѣришь еще оракуламъ, и хотя Авгуры немного продолжаютъ въ Римѣ исправлять должность свою; но не шь ли самъ признался мнѣ ошкровенно, что еще съ вечера накормилъ вчера до-сыща моихъ священныхъ куръ, и кормъ, кошорый онѣ получили, былъ такъ пригошвленъ, что большая часть его должна была падать на землю, когда онѣ клевали изъ руки солдата, чшобъ тѣмъ собравшимся воинамъ всего лагеря показать счастливое предзнаменованіе. Ни одинъ вельможа нашъ невѣришь болѣе могуществу боговъ; наши стихотворцы приписали имъ всѣ возможные пороки; и Римскіе граждане не хотятъ бытъ лучше боговъ своихъ. Гдѣ шь, блаженное время свяшоспи брачныхъ союзовъ! О Корнелія, матеръ Гракховъ! О Порція, супруга Бруша! Чшо

же нашъ вѣкъ можешь представишь примѣрнаго? Развѣ Юлію, дочь Императора, существо преданное всемъ гнуснымъ порокамъ; Ливію жену Императора, обыкновенную женщину, имѣющую одну только сипрасшь — честполюбіе; сипрасшь, кошорой жертвовала она священною вѣрностію супружію. Вошь первыя жены Римскія; а супруги знатнѣйшихъ гражданъ спавашъ себѣ въ честь наперерывъ подвизашъ въ шѣхъ срамныхъ поступкахъ, какіе Ливія совершаетъ въ спальнѣ Августа. — Овидій! презрѣнный поэтъ! ты испортилъ Римлянъ, приписавъ богамъ ихъ чуждые имъ пороки. Въ нашей вѣрѣ прозабаешь сѣмя нашего развраща.“

„Слышалъ ли ты что нибудь, полководецъ,“ спросилъ Анній: „о видѣніи Августа, кошорый, безпокоился также о всеобщемъ пренебреженіи къ нашимъ богамъ? Тому уже назадъ годъ и два мѣсяца, какъ онъ вопрошилъ Сибиллу Тибрескую о будущей участи нашей вѣры. Сибилла показала Императору, среди мрака ночнаго, въ облакахъ, величественное изображение Божественной Дѣвы. Въ ея объятіяхъ покоилось прекрасное дитя; святыня и божественное смиреніе напечатлѣвались на его лицѣ, окруженномъ сіяніемъ. Сибилла, указавъ на него рукою, сказала: вошь спасеніе всего Слѣша; къ Не-

му-то будущъ возносить моленія свои будущія племена. Императоръ повергся на колѣна предъ Божественнымъ Младенцемъ и молился ему. — Одинъ изъ славнѣйшихъ живописцевъ нашихъ передалъ эту картину потомству своею кистью. Однако жъ, вѣдьможи Римскіе видяшъ въ этомъ одну только хитрость и уловку Августа, чтобъ увѣрить народъ, будто онъ имѣетъ откровеніе отъ невидимыхъ существъ. — Что же касаешься до нашихъ женщинъ и стихотворцевъ, то я не во всемъ согласенъ съ вами. — Еще живешь въ благородномъ удаленіи отъ всѣхъ, Октавія, сестра Августа, вдова Антонія, образецъ всѣхъ женскихъ добродѣтелей; и если вы осуждаете Овидія, то вѣрно будете хвалить Вергилія, этого умѣреннаго, простодушнаго Римлянина, который соблюдая древніе нравы наши, живетъ въ своей деревнѣ, вдали отъ городского шума. Скоро окончивъ онъ Энеиду, образцовое произведеніе, надъ которымъ трудился уже двѣнадцать лѣтъ; оно будетъ вѣчнымъ памятникомъ правленія Августова и вѣка его.“ — Темно-багровая краска съ трудомъ скрываемаго гнѣва покрыла щупъ внезапно щеки Вара. — „Какъ мнѣ не хвалишь его,“ воскликнулъ онъ съ извѣстельное усмѣшкою: „Вергилій въ твоихъ дру-

жескихъ связяхъ съ женою моею. Развѣ не говоряшь въ Римѣ, что нѣкоторыя изъ моихъ сочиненій были исправлены перомъ его; и что ради сей-по дружбы, посвящены моему имени многія собственныя его произведенія? — Ты называешь его умѣреннымъ? — Пусть такъ; но къ тому принуждаешь его разстроенное здоровье. — Однакожь, довольно: намъ надобно поговорить и одѣвъ. Знаешь ли ты Герцога Мело, къ которому теперь мы направляемъ путь свой?“ —

Съ проворствомъ и ловкостію придворнаго, послѣдовалъ Анній за быстрымъ переходомъ полководца, и отвѣщивалъ такъ на его вопросъ:

„Этотъ Герцогъ Мело происходитъ изъ древней Княжеской Германской фамиліи; вооруженъ всегда булавою и одѣтъ въ медвѣжью кожу; иногда кажется онъ мнѣ Геркулесомъ; не знаю только, каковъ онъ въ своемъ удалствѣ и похожъ ли на этого полубога въ сраженіяхъ; впрочемъ, онъ не расположенъ къ Римлянамъ, не любитъ ихъ сосѣдства и живешь уединенно въ своемъ замкѣ; но спрашившись его намъ нѣтъ причины: этотъ варваръ шулаго ума, какъ и большая часть Германцевъ; любимый ими густой напитокъ изъ ячменя, всегда затмѣваетъ парами своими разсудокъ ихъ. Дочь его, Аринія

слыветъ пророчицею, даже и вѣдомою. — „Вѣдомою?“ вскричалъ Варъ: „неужели она изъ тѣхъ прорѣкательницъ, кошорыя, какъ говорять, съ распущенными волосами и окровавленной одеждою присутствують на поляхъ битвы, упивающся кровію пльняныхъ и узнають будущее, смотря на ихъ шрепешущія внушренности? Кажешся, можно весьма близко сравнить ихъ съ нашими Фуриями.“ — „Совсѣмъ нѣтъ,“ возразилъ Анній; „Аринію приличнѣ вамъ сравнять съ Граціями или съ самою Венерою, если только Германки способны къ нѣжному чувству любви. Злашвидные волосы ея не разсыпающся безпорядочно вокругъ бѣлой шеи, но убраны пріятно подъ розовымъ вѣнкомъ, нанодобіе головного убора нашихъ женщинъ; она не пьетъ крови, но можеть легко воспламенять ее; не изъ растерзанныхъ внутренностей предугадываетъ она будущее, но изъ глубины своей души, когда пророческій духъ ея воспламеняется. Однако и ей столь же мало вѣрять, какъ и Кассандрѣ нѣкогда вѣрили Трояне. Подспрекаемый любопытствомъ, я часто обѣзжалъ нарочно замокъ ошца ея, чтобъ увидѣть эту необыкновенную дѣву; однако жъ послѣ разсудилъ, что это не ведетъ ни къ чему хорошему, и что у меня есть свои милостивыя не-

вольницы. Но ты, полководецъ, остерегайся узнавать коротко ашу Семелу, чтобы, по призыву нашихъ боговъ, которыхъ ты столько презираешь, не сдѣлалась ея жершвою.“ — Веселыя картины настоящаго и ласкательная будущность успокоили встревоженное чувство Римлянина въ груди Вара, и онъ продолжалъ путь свой къ Ализо, мимо высокаго Тевтобурга, гдѣ Германъ, Князь Херусковъ, Римлянами называемый Арминіемъ, жилъ съ прекрасною Тунильдою, супругою своею.

Германцы.

Удалившись въ пограничный замокъ на берегу Везера, сидѣлъ въ своей комнатѣ уединенно, Герцогъ Сигамбріевъ Мело, держа въ рукѣ бычачій рогъ, обдѣланный въ серебро и наполненный крѣпкимъ пивомъ; ибо Мело постоянно избѣгалъ употребленія чужеземнаго напитка — вина. — Только по праздничнымъ днямъ сокъ изъ виноградныхъ лозъ, произрастающихъ на берегу Рейна, пѣнился на его столѣ. Одежда сего Князя состояла изъ шерстянаго кафшана, застегнушаго крючками и плотно облекавшаго его тѣло; черная медвѣжья кожа, по обыкновенію Германцевъ, украшенная блестящими серебряными бляхами, покрывала его плеча; у лѣвой руки лежала тяжелая була-

ва, вѣрная повсюду его спутница; колѣна и локти были обнажены; только спутнику покрывала сапожокъ изъ кожи съ желѣзною подошвой, чтобы не повредить ноги на охотѣ въ дремучихъ, непроходимыхъ лѣсахъ.

Подъ него на спявнѣ висѣло оружіе: шлемъ, съ выдѣланною кабаньею головою, копье окованное желѣзомъ, короткій мечъ и выкрашенный яркими красками деревянный продолговатый щитъ. Угрюмо смотрѣлъ Князь на свое оружіе.

У другаго окна пестро раскрашенной комнаты, сидѣла прелестная Аринія, его дочь; въ ея одеждѣ примѣсны уже были признаки Римскаго образованія и роскоши. Платье изъ тончайшаго бѣлаго полотна, покрываго пурпуровыми полосками, обшивало стройный станъ ея, покрывало руки и плеча; а часть груди, по обыкновению, нисколько несоблазнительному для Германцевъ, была открыта, и ея ослѣпительная бѣлизна еще болѣе дѣлалась привлекающей, опшиваясь чернымъ цвѣтомъ выдраной кожи, висѣвшей на плечахъ ея; прекрасные златоцвѣтные волосы были собраны подъ короною, украшенною драгоценными камнями; маленькая ножка скрывалась въ сандаляхъ, укрѣпленныхъ серебряными цѣплями; она занималась, стоя,

пряжею, и самое верешено показывало уже Римское свое происхождение. — Отецъ и дочь безмолвствовали, погруженные оба въ глубокія и важныя думы; шумъ вдругъ раздался рѣзкій звукъ трубы, и Герцогъ Мело сказалъ: „Вѣрно Римляне проходятъ теперь мимо крѣпости Ализо, лежащей между землями Сигамбріевъ, Херусковъ, Бруксеровъ и Кашшовъ. О, какъ умно избралъ хитрый Друзъ равнину эту для постройкѣ шумъ своихъ крѣпостей! О Альфадуръ! неужели я долженъ видѣть оковы, связующія вольность нашу, собственными глазами.“ — „Надѣйся, родителъ мой,“ прервала Аринія, стараясь успокоить его: „еще Германское мужество не поухло въ груди Германской. Часто враги налагали на насъ цѣпи, однако жъ мы чувствуемъ, что онѣ гнѣшуть насъ и что мы въ состояніи разорвать ихъ.“

„О Аринія!“ продолжалъ Князь, глубоко шронувшій: „Воданъ, богъ войны, Фріа, его супруга, и богиня любви и брака, отвращающъ свои лица отъ насъ; разрушены будутъ наши священныя рощи; Римлянинъ поставитъ тамъ спашуи своихъ развращенныхъ и презрѣнныхъ боговъ. Не мудрено, что и Германцы соблазняшся шѣмъ, прельстясь разсказами о сластолюбивыхъ подвигахъ жителей Олимпа, отвраща-

пняща отъ суровыхъ боговъ Ваалгалы. Виномъ и пирами умерщвляютъ Римляне наше мужество, которое никогда бы не уступило ихъ оружію. Другъ, во время своихъ походовъ, которые, по неопытности нашей въ воинскомъ искусствѣ, для него были очень удачны, заложилъ крѣпкіе замки на берегахъ Рейна и Везера; Тиверій, будучи предусмотрительнѣе и хитрѣе его, обманывалъ насъ дружбою Рима, а Квинтилій Варъ даже хочешь похитишь сердца народовъ своими проницательствами. О Германія! теперь мы погибли!“

„Успокойся, родишель,“ возразила Аринія. „Стѣны и валы Грошенбурга величественно возвышаются среди Оснигскаго лѣса, и они гораздо прочнѣе лучшихъ замковъ Римскихъ, почему и называютъ ихъ Римляне Тевтобургомъ; а Оснигъ по своему Тевтобургскимъ лѣсомъ. Германъ, сынъ Сигизмара, построилъ въпу крѣпость въ глазахъ нашихъ утѣшителей!“

„Германъ, котораго Римляне называютъ Арминіемъ,“ повторилъ Мело: „это неслосная рана, которая наиболѣе беспокоитъ меня; Германъ, сынъ храбраго Сигизмара, домогался благосклонности Августовой, сражался за Римлянъ, и былъ сдѣланъ Римскимъ гражданиномъ; брань его живетъ въ

Римъ, присягнувъ Августу въ вѣчной вѣрности и преданъ ему всею душою. Самъ Германъ связанъ тѣснѣйшею дружбою съ Варомъ; отецъ супруги его Тунильды, Сегестъ, мощный Князь Хасуровъ и Дулгибріевъ, радуется уничиженію Германцевъ и раздорамъ ихъ вождей, иодающихъ ему случай чрезъ постороннюю помощь распространить власть свою. О, кѣпо изъ насъ можешь надѣяться на перемѣну положенія и ожидаешь лучшей участи, когда и Германъ, сильнѣйшій и мудрѣйшій изъ Нѣмецкихъ Князей, ослабленъ Римскими проницательствами и забылъ самого себя и опечесство.“— „Родишель! брось взоръ свой на валы Тевшобурга; и вѣрь мнѣ, что Германъ бодрствуетъ. Въ Римъ-то и научился онъ побѣждать Римлянъ, зная, что храбрости и силы нашей для того недостаточны; хитрости и припворство должны расщоргнуть Германское рабство; Германъ провелъ лучшіе годы жизни своей въ городѣ, омываемомъ Тибромъ, чтобы изучиться тамъ воинскому искусству. Римлянъ; тамъ же приобрѣлъ онъ любовь Августа, и дружбу Вара, чтобы тѣмъ удобнѣе освободить опечесство.“

Внезапный лучъ надежды блеснулъ при сихъ словахъ на лицѣ стараго Мело. „Германъ!“ сказалъ онъ: „для чего ты не сдѣ-

лался моимъ сыномъ? я бы тебя воспламенилъ еще болѣе вступишься за права Германцевъ, а эшто хладнокровный Сегестъ? О Аринія! зачѣмъ ты отказала Герману въ своей рукѣ? Эша Тунильда, дочь Германца, преданнаго Римлянамъ всею душою.“ — „Слухъ носится,“ возразила Аринія, „что Германъ похищилъ насильно свою Тунильду у отца ея, послѣ долговременныхъ и безполезныхъ исканій своихъ, и никакая дружба не можешь имѣть мѣста между Сегестомъ и юною чешою, хѣтя по видимому, они примирились шеперь. О вѣрь мнѣ: Тунильда, жена, досшойная своего Германа! Мнѣ только одной, родитель, Фрія воспретила наслаждаться пріяшностями любви и брачнаго союза; уподобляясь богинѣ Спошрѣ, должна я блуждать въ одиночествѣ, ибо такъ угодно богамъ; а мрачная Скульда говоришь мнѣ тайно: эша жертва нужна для благоденствія швоего опечества.“

Мело не слыхалъ однако жъ послѣднихъ словъ дочери; скорыми шагами ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнашѣ и воскликнулъ, съ пылающими опъ сильного внушрениаго движенія, щеками: „Воданъ! въ чешь швою, да прольется Римская кровь на священномъ швоемъ холмѣ; шакъ, шребуй всего, что есть для меня драгоцѣннѣйшаго въ жизни,

могущественная Гелла, богиня преисподняго свѣта! я все посвящаю тебѣ; но позволь мнѣ пролить кровь Римлянъ, позволь насладиться радостію и неоцѣненнымъ счастьемъ, видя распорженными цѣпи, положенныя на Германцевъ эшими гордыми владыками свѣта! „

„Родитель! чего желаетъ ты!“ воскликнула поблѣднѣвшая Аринія: „ты призываешь страшную Геллу! — Жестоки и немолимы боги Германскіе, — отецъ мой! Скульда вѣщаетъ мнѣ опять, швоя молишва исполнится, но горе мнѣ, горе бѣдной швоей дочери!“ —

„Что съ тобою сдѣлалось, Аринія?“ — сказала Мело, подходя къ ней поспѣшно. — Тушъ вошелъ въ комнату богато одѣтый Римлянинъ съ извѣстіемъ, что Варъ находится въ крѣпости Ализе, и проситъ Герцога Мело о госпепріимствѣ. — Никогда не было для Мело такъ тягостно исполнить эшотъ долгъ, священный въ его народѣ; губы его тряслись отъ внутренней борьбы, когда онъ ошвѣчалъ посланному: „Квиншилій Варъ найдетъ меня гошовымъ приняшь его.“ — Когда же посоль удалился, Аринія подошла къ своему ошцу и сказала: „позволь мнѣ теперъ удалиться, чшобъ не встрѣшиться здѣсь съ Варомъ; пророческій

духъ пробудился въ груди моей, и предска-
зываетъ мнѣ въ этомъ гостѣ близкую о-
пасность для насъ.“ — Герцогъ Мело, пре-
исполненный почтенія къ духу прорицанія,
своей дочери, кошорую онъ спавилъ нарав-
нъ со всѣми Сибиллами Сѣвера, сконился на
просьбу ея. — Вдругъ, по деревяннымъ сшу-
пенямъ раздался стукъ ошъ мужескихъ ша-
говъ, отворилась дверь, и Германъ, Князь
Херусковъ, входитъ въ комнашу.

„Да будешь благословенъ приходъ швой
изъ Грошенбурга, мужесшвенный Князь!“
воскликнулъ Мело, простирая къ нему свои
объятія. „Что тебя привело ко мнѣ?“
„Въщїе вороны Водана, Гугимъ и Мушимъ.
Послѣдній даетъ мнѣ чувствшовашъ, чѣмъ мы
были, а первый — что мы! шеперь, и внушаетъ
мнѣ, чѣмъ опашъ мы бытъ можемъ. Ты ко-
нечно понимаешь меня, Герцогъ Мело: Квин-
шилій Варъ вступилъ сегодня въ швой
домъ.“ — „Ты хочешь, чшобъ я велѣлъ его
умершвишь? Нѣтъ, Германъ, нѣтъ, это не
годишься; гостепрімство священно для
Германца; но, сражашъ съ нимъ внѣ мо-
ихъ владѣній я не опказываюсь. Пущь вы-
ходишь онъ; вооружась своимъ мечемъ, а я
своею булавою, и пущь падешъ тогда, какъ
жержва спрашной Геллы. Уларъ могучій
будешъ подкрѣпляшъ меня своею помощію

невидимо.“— „Юноша съ свѣдыми волосами,“ возразилъ хладнокровно Арминій: „къ чему послужишь намъ смерть одного Вара? Когда останутся еще легіоны, то Волумпій, Легатъ его, развѣ не можетъ заступитъ тогда мѣста военачальника и ужаснымъ образомъ ошмиститъ смерть его? Нѣтъ, Мело, нѣтъ; дружелюбно и усердно долженъ ты встрѣшитъ Вара и опогнатъ отъ него малѣйшую тѣнь подозрѣнія о твоей вѣрности и преданности къ нему; ты долженъ угождать ему пріятными, льстивыми рѣчами, раздѣлять забавы и радости Римлянъ; короче, сдѣлаешься совершеннымъ Римляниномъ, доколѣ Варъ будешь у тебя въ гостяхъ.“

Съ нахмуреннымъ лицомъ ошвѣстствовалъ ему Мело: „Знаешь ли ты, что я этого не могу никакъ сдѣлать, и не въ силахъ притворяться?“

„Стоишь только захотѣвъ, Мело; дѣло идетъ теперь о свободѣ цѣлой Германіи. Германъ, двадцатилѣтній юноша, пресмыкался въ Римскихъ оковахъ, льстилъ, чѣмъ бы получить благосклонность Августа и дружбу Вара; прошивъ воли прикрывалъ свое прѣсное (открытое сердце личиною лицемерія, унижался, будучи рожденъ повелѣвать! Повѣрь, Герцогъ, это мнѣ дорого стоило! Неужели ты теперь не хочешь

сдѣлашь и десяшой доли шого? — „Сдѣлаю, что въ силахъ; но ошкрой мнѣ напередъ планъ лнвой.“ — „Вошъ въ чемъ сосшойшь онъ: обходись съ Варомъ дружелябно и ласково до приближенія вечера шого самаго дня, въ который мы празднуемъ Осшаръ; пошомъ проси Вара ошъ имени всѣхъ Нѣмецкихъ Князей сопровождашь тебя въ священную рошу Гогенштейнскую, гдѣ будешь ошправляшь торжество и жершвоприношеніе; шуда прибудеть онъ со всѣми своими Трибунами, Ценшуріонами и всѣми первѣйшими чиновниками своей свяшны и войска, и чшобъ ближе къ себѣ имѣшь и воиновъ, онъ вѣрно, по выходѣ изъ швоего замка, велишь сняшь свой лѣшній лагерь у Везера и расположитъ легіоны свои въ густомъ Оснигскомъ лѣсу. Жершвоприношеніе по обыкновенію, будешь ошправлено въ честь безсмертныхъ; но что Друидъ Либисъ увидишь во внушренносшяхъ закланныхъ жершвенныхъ зверей, то ошкроешь онъ шолько мнѣ и швоей дочери Арини, чшобъ пошомъ въ удобное время сдѣлашь извѣшною и народу волю боговъ. Какъ скоро праздникъ кончштся, упроси ты Вара опяшь сюда съ шобою, и онъ конечно легко послѣдуетъ швоему приглашенію, пошому что хочешь снискашь дружбу швою; а сверхъ шого,

онъ легко покоряется могуществу красоты женской. Въ то время, какъ невѣрная жена его смѣется надъ нимъ въ объятіяхъ стихотворца Виргилія, вѣпотъ сластолюбивый Римлянинъ распространяетъ порчу нравовъ между дочерами Германіи; весьма возможно и то, что онъ вздумаетъ влюбиться въ Аринію и искать въ глупомъ обольщеніи ея благосклонности.“— „Она не хочетъ видѣть его, Германъ; и вѣрно никогда не согласишься питать въ немъ безумные замыслы любви.“— „Для свободы Германіи! Спарики, женщины и дѣти одушевляющія эшимъ словомъ на величайшія трудности и дѣла необыкновенныя; но чего же и бояться Ариніи? Ни одинъ Германецъ не будетъ и помышлять, чтобы она когда либо вняла любви Вара; и хотя бы стоъ же громко заговорили прошивъ нея, какъ нѣкогда кричали прошивъ поступковъ Германа, нельзя повѣришь, чтобы сердце ея склонилось въ пользу чужеземца, непріятеля ея опечесства! Однако жъ, я опять обращаюсь къ моему плану! Пока Варъ будетъ проводить у тебя время, ласкаясь надеждами и увеселяясь своими успѣхами, Германскіе Князья сберутся въ Танфалгайской роцѣ; тамъ, среди величественныхъ дубовъ и древнихъ вязовъ, моя рѣчь воспламенишь ихъ къ ве-

ликому дѣлу; всѣ Князья соединяшся между собою для освобожденія Германіи, произнесушь торжественную кляшву, сберушь лучшихъ и храбрѣйшихъ своихъ воиновъ, и двинушся со всѣхъ сторонъ въ дремучій Оснигскій лѣсъ; попомъ,“ — продолжалъ Германъ и сильнѣе запылали щеки его: „попомъ займушь они всѣ выходы изъ лѣса, выгоняшъ Вара изъ долины къ Гротенбургу, и шамъ же изъ глубины мрачныхъ, лѣсистыхъ дебрей Херускъ нападешь съ яростию на опчаявшихся въ спасеніи своемъ Римлянъ, и кровь прехъ легіоновъ, шесши когортъ и прехъ эскадроновъ конницы обогришь почву Германскую.“

„А шѣхъ, кошорые спасушся ошъ меча, мы возьмемъ въ плѣнъ и принесемъ въ жертву Водану,“ вскричалъ Мело въ дикомъ восторгѣ. — „Германъ, шы конечно былъ въ мрачномъ вертепѣ волшебства и укрощалъ шамъ ядовитыхъ змѣй, заставляя ихъ попомъ служишь тебѣ же! Послушай, въ началѣ швоей рѣчи, гнѣвъ и негодованіе объяли было грудь мою ошъ мысли, что Германецъ долженъ будешь употребляшь обманъ и коварство для своей пользы; но шеперь я покорюсь силѣ швоего духа; коварствомъ и хитростию мы восторжествуемъ также надъ ними. Тебя избрали

Валькиріи бытъ избавителемъ своего опечесства, Германъ; и Воданъ пребываешь съ тобою.“

„Я вѣрюсь во всемъ Алфадуру,“ прервалъ Германъ: „только помни, что для успѣха нашего, почтенный Мело, необходимы: оспроужность, предусмотрительность, скромность и шайна; въ одномъ тодько Сегестъ я не увѣренъ.“

„Развѣ Тунильда не супруга твоя и не дочь его?“

„О Князь! въ ту самую минушу, какъ я приобрѣлъ любовь Тунильды, сдѣлалось мнѣ совершенно открытымъ сердце этого предателя. Я обвинялъ жребій, постигшій наше опечесство, а онъ вздумалъ доказывать мнѣ съ Римскимъ краснорѣчіемъ, что рабство есть благодѣаніе, а независимость бѣдственнаа участь. Хотя неоднократно разспроивалъ я планы его, спремящіеся къ тому, чтобы посредствомъ Вара приобрѣсть себѣ болѣе власпи, уваженія и владѣній въ Германіи; однако жъ глубоко скрывалъ я въ душѣ, какія чувства тѣмъ возбуждались во мнѣ. Я получилъ отъ него отказъ въ рукѣ Тунильды; конечно хотѣлъ онъ, чрезъ красноту ея, совершенно овладѣть сердцемъ Римскаго полководца и управлявшимъ по своей волѣ; но благородная Гер-

манка тайно поверглась въ объятія своего Германа. Посредничествомъ Вара, отецъ ея примирился со мною и шо болѣе для виду. Я думаю, въ Тафапанской дубовой рошѣ, въ кругу храбрыхъ Германскихъ Князей, Сегесшъ не будешь имѣшь въ себѣ столько мужества, чшобъ объявишь себя врагомъ Римлянъ. Однако жъ, довольно; звукъ трубы раздастся, Квиншилій Варъ приближается; хотя мнѣ и больно, что онъ долженъ погибнуть; но не съ нимъ веду я войну, а съ ушѣснишелями Германіи, въ какомъ бы видѣ они ни были.

Полководецъ Римскій въ сію минушу являешся въ комнашу, и его принимають, какъ прилично сану главнаго начальника Римскаго въ Германіи; его вспрѣчаютъ съ дружескими объятіями и осыпають ласками, хотя и пришворными.

Г о с т е п р і и м с т в о .

Герцогъ Мело угощаль своего знашнаго посѣшителя всѣмъ, что шолько земля, ему подвлашная, производила. Дикораспушіе овощи, свѣжая кабанина, дичина, заквашенное молоко и кислое вино Рейнское мало удовлетворяли прихошамъ и сластолюбію Римлянъ; почему Варъ и приказаль привез-

пи къ себѣ изъ Ализо искромешныя вина Греціи, Кипрское, Хіосское и пѣнящееся Фалериское. — Нѣмцы пили исправно; самъ Герцогъ, по убѣжденію Германа, ошвѣдалъ въ первый разъ винограднаго соку Греческихъ дозь. Веселыя пѣсни раздавались вкругъ пиршествующихъ; ибо Германцы переняла опъ Римлянъ обыкновеніе обѣдать за большими столами, вмѣстѣ съ своими гостями; прежде же каждый изъ нихъ обѣдалъ особенно, за малымъ столомъ, такъ какъ эшо и понынѣ въ употребленіи у Китайцевъ. Римляне, напрошивъ, въ Германіи оставили восточное обыкновеніе возлежать во время обѣда, и тушъ перемѣшавшись съ Нѣмцами, сидѣли они на скамьяхъ одинъ подлѣ другаго. Между тѣмъ Аринія скрывалась, обаяшая непонятнымъ смущеніемъ, въ зеленой рошѣ, возлѣ замка опца ея: картины будущаго, неизмѣримый предѣлъ вѣчности, сильно волновали душу ея. Она разоспала бѣлое покрывало свое на землю, оплонила вѣтвь плодоваго дерева, разломала ее на мелкіе куски и разбросала ихъ по покрывалу; молилась богамъ Валгалы, и поднявши прижды къ небу исполненныя благоговѣнія взоры, сказала тихимъ голосомъ: „да будешъ благо народу моему;“ пошомъ прибавила: „сегодня назначенъ переговоры между

Германомъ и опцемъ моимъ въ полночный часъ. Но что вижу я? вы, суровые боги Ваггалы! для чего общаете вы благо народу моему, а гибель Ариніи? — Не гнѣваешься ли за то, что я видѣла во снѣ божественнаго младенца Дѣвы, послѣ того, какъ Германъ рассказывалъ мнѣ о видѣніи Августа? Я видѣла также истиннаго Бога на протѣ, сосшавленномъ изъ солнцевъ и звѣздъ, носящагося надъ мірами, окруженнаго не земнымъ, но нѣкимъ священнымъ величіемъ, и будучи объяша препеномъ и смущеніемъ, не дерзала приблизиться къ нему. — Громы его раздавались спрашно, огненные молніи блискали; вокругъ него стояли въ мрачномъ и грозномъ видѣ свои боги Ваггалы; и между ними была страшная Гелла, съ длинными, черными волосами, обогренными кровію умерщвленныхъ на войнѣ и въ чesпш ея. — Туть объяло меня неизъяснимое спремаеніе къ любви, сожалѣнію и милосердію, и предъ мною стоялъ Сынъ Дѣвы, но уже не ошрокъ, а мужъ, сіяющій лучезарностію содица, какъ бы пришупленной шуманомъ осеннаго дня; онъ прошанулъ ко мнѣ окровавленную свою десницу и подвелъ меня къ прону Господню, мимо преобразившихся въ неподвижные камни Германскихъ боговъ. Ужасная Гелла исчезла; Господь прижалъ

къ своей груди пушеводителя моего; небесная гармонія очаровала слухъ мой, и въ эшу минушу я проснулась.— Не за сонъ ли эшошь гнѣваешься ны на меня, неумолимая Гелла? Мнѣ говоришь вѣщій духъ мой, что прошекушь цѣлыя столѣтія прежде, нежели мечтаны мои совершатся; но онѣ не истинны, онѣ не относящяся къ вещественному, къ пространству и времени, шакъ какъ скоропреходящая жизнь моя; дочь Мело будешь жишь и умрешь, какъ Германка. Услышьше кляшву мою, вы, боги Ваагалы! Такъ говоришь мнѣ. судьба, направляющая мои жизненные пуши: я буду жишь и паду за мое опечесство, за его свободу.“ — Аринія спала опашь на колѣна и подняла руки вверхъ къ лунѣ, кошорая блѣдными лучами своими освѣщала тогда уединенную рошу. Тушь вдругъ какой-то Римлянинъ вышелъ изъ густоты деревъ, и изъ устъ устрашенной дѣвы невольнo вырвалось препешнымъ голосомъ: „Квинтилиій Варъ!“

Военачальникъ (ибо въ самомъ дѣлѣ шо былъ онъ) возразилъ съ удивленіемъ: „развѣ ны знаешь меня, прекрасная дѣвица? и ны конечно не иная кто, какъ Княжна Аринія, дочь Мело, въ груди кошорой обитаешь пророческій духъ; но скажи мнѣ, для чего удаляешься онѣ гостепріимнаго крова

опица пивоего; и о чемъ мечтаетъ въ такомъ глубокомъ уединеніи? “

„Я молилась моимъ богамъ! “

„Ахъ! боги Германскіе свирѣпы и мрачны, хотя величественны и важны: впрочемъ, не думаю насмѣхаться надъ богами вашими, любезная дѣвица. Веданъ и Герта будутъ долго еще жить и властвовать на землѣ; тогда, какъ Юпитеръ и Юнона давно возвратились въ царство басней. — Только одинъ изъ боговъ Римскихъ и Греческихъ будешь долѣ всѣхъ царствовать, даже долѣ, нежели и самые Германскіе боги; власть его продолжится до скончанія свѣта. И въ здѣшнихъ лѣсахъ владычествуетъ онъ; и хотя стрѣлы его падали до сихъ поръ сердца дѣвъ Германскихъ, но онъ избралъ себѣ престолъ въ ихъ прекрасныхъ голубыхъ глазахъ, и горе дерзкимъ, на нихъ взирающимъ! Неужели вы ничего неслыхали о немъ? Эшо всемогущій Амуръ! “

„Германія не знаетъ его, Варъ! “

„Однако жъ онъ и здѣсь обитаетъ, и эшо узналъ я только въ первый разъ сего дня, прекрасная Аринія! “

Герцогъ Мело, Германъ и нѣкоторые изъ свиты ихъ приблизились къ Ариніи, и Германъ не весьма радъ былъ, найдя ее въ разговорахъ съ Варомъ. Когда же наконецъ,

около полуночи, гости и хозяинъ разошлись по своимъ комнатамъ, Германъ и Мело явились въ спальнѣ Ариніи, съ шѣмъ, чѣмъ и ей также открытъ свои намѣренія.

Мужесшвенная дѣва, припоминая свою кляшву, на все опважисься для блага Германіи, изъявила свое согласіе и похвалила предпринимаемый ими подвигъ.

Аринія, кошорой грудь наполнена была какимъ-то восхищительнымъ упоеніемъ, дошоль ей неизвѣстнымъ, спаралась предаться сладости сна; вскорѣ пріятныя сновидѣнія стали носиться вкругъ покоящейся; но эти сновидѣнія напоминали не родной край, а что-то Римское.

Солнце, считавшееся у Римлянъ и Германцевъ изображеніемъ божества, сполло уже высоко на небѣ, когда гости и хозяинъ замка испорглись изъ объятій покоя. Германцы, слѣдуя обыкновенію своему, пошчасъ пошли въ теплыя бани, пошомъ сполы снова были уставлены разными напиткими и роговыми чашами; а для удовольствія гостей, велѣлъ Мело нѣкоторымъ Германскимъ юношамъ показать игры и увеселенія своего ошечества. Скинувъ одежды, бросались они съ величайшимъ искусствомъ между обнаженныхъ мечей и ошрыхъ копій, не причиняя себѣ ни малѣйшаго

вреда. Римляне признались, что эша игра имъ лучше нравилась, нежели ихъ гладіаторы, пѣ военнопленные, преступники и даже иногда граждане Рима, обремененные презрѣніемъ и бѣдностію, которые сначала сражались съ дикими звѣрами, а потомъ другъ съ другомъ даже на самую смерть.

Римляне старались также съ своею стороны повеселить общество разными, имъ извѣстными въ то время пріятными искусствами. Сперва показался невольникъ, который годѣсомъ удивительно подражалъ пѣнію разныхъ пѣвчихъ птицъ; потомъ другой ошличался искусствомъ въ шанцахъ; наконецъ одинъ молодой Сиріанинъ, родившійся безъ рукъ, вмѣсто нихъ, употреблялъ ноги свои, чтобы нащипывать лукъ и играть на трубѣ, поднеся ее ко рту.

Скоро потомъ собравшійся народъ разошелся по разнымъ отдѣленіямъ зѣмка, и занялся играми въ шары и кегли, а Германцы потчасъ предложили имъ играть въ кости, любимѣйшую забаву сего народа; предложеніе было принято, и эша игра нашла много охотниковъ, которые принялись за нее съ большимъ жаромъ. Римскіе воины, находившіеся въ свистѣ Вара, могли проигрывать или дѣлать ставку золотомъ, оружіемъ, плащомъ и лошадьми; но у собрав-

являлся: тушь Германцевъ не было такого необитаема предмешовъ для игры. Тогдашніе Нѣмцы жили опѣвальными домами, а нѣко-норые селеніями и деревнями, составившими изъ немногихъ семействъ, подъ управленіемъ избраннаго старѣйшины. Каждый Германскій опецъ семейства былъ неограниченный владѣлецъ, почти идолецъ своихъ домашнихъ; почему высокое понятіе о свободѣ простиралося до послѣднихъ бѣдняковъ въ народѣ. Все приговоры совершались на всенародной сходкѣ, гдѣ и самый бѣднѣйшій гражданинъ опецъ могъ подѣвать свой голосъ. Правда, что были и рабы между ними, но такіе, какъ невольники Римскіе; они не были никогда употребляемы для низкихъ домашнихъ работъ, не подвергались гоненіямъ или побоямъ. Иногда случалось только, что въ пылу сспраши, какой нибудь Германскій владѣлецъ умерщвлялъ беззаканно своего васалла, который самъ владѣлъ домомъ и конями и былъ полнымъ надъ ними господиномъ; но не имѣлъ покровительсва законовъ касательно своей личной безопасности.

Сей народъ, столь мужественный и простодушный, и не за долго предъ тѣмъ столь упорный въ охраненіи своей независимости и въ привязанности къ своимъ правамъ, нѣ-

которымъ образомъ самъ сдѣлался ревностнѣйшимъ пособникомъ въ усиліяхъ Римлянъ къ ослабленію его мужества и къ распространенію просвѣщенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и порчи нравовъ. До тѣхъ поръ Германцы не знали употребленія монеты, и чрезъ мѣну нѣкоторыхъ вещей удовлетворяли нуждамъ своимъ; тогда же деньги получили у нихъ также цѣну, и они, прельщаясь блескомъ золотыхъ монетъ Римскихъ, ставили наудачу не только дома свои и поля, но даже самую свободу. Потерявшій такую своенравіемъ форшуну, добровольно позволялъ себя вѣзашъ, и терпѣливо отдавался въ рабство, храня слово свое, какъ прилично честному Германцу.

Германъ пришелъ на первый дворъ, гдѣ простые Германцы и солдаты Римскіе увеселялись бросаніемъ костей. Онъ подошелъ сурово къ тѣмъ, которые потеряли свободу свою, и говорилъ имъ такъ громко, что другіе могли слышать: „Вы можете радоваться неблагоразумію своему, рабы Римскіе! Въ Римѣ и среди цирка должны вы будете забавлять народъ; но вы конечно не сдѣлаете того, что сдѣлалъ тотъ великодушный Германецъ, который, будучи посаженъ въ колесницу для ристанія въ циркѣ, нарочно свѣсилъ свою голову, чтобы

размозжитъ ее, подь колесами, и такимъ образомъ мучительную смерть предпочесть безчестию быть увеселеніемъ, народа Римскаго.“

Тихій, понемногу увеличивающійся ропотъ поднялся въ народъ, когда Германъ пересталъ говорить, и игра вдругъ прекратилась. Германцы разошлись, каждый къ своимъ занятіямъ, а любопытство и взоры Римлянъ обратились на пріѣздъ Княгини Тунильды, которая, въ полномъ великолѣпіи Римлянки, спѣшила къ увеселительному замку Герцога Мело, въ блестящей; украшенной серебромъ, позолотой и слоновою костью колесницѣ, запряженной четырьмя красными лошадьми. — Тунильда, по желанію супруга своего, была одѣта совершенно по Римски; она имѣла на себѣ тунику изъ тончайшей бѣлой шерсти, которой рукава покрывали руку по самую кисть; сверху оной надѣта была шелковая мантія пурпуроваго цвѣта, украшенная золотымъ шитьемъ, и спереди, ниже груди, укрѣпленная пряжкою изъ драгоценныхъ камней. Это верхнее платье покрывало только лѣвое плечо, а правое оставалось обнаженнымъ. Темно орѣховаго цвѣта волосы Тунильды собраны были подъ золотую гребенку, а голова украшалась золотомъ богато-осыпанною

разными драгоценными камнями короною; на ногахъ надѣты были шакезолошныя сандалии, коихъ перевязи украшались жемчугомъ; на пальцахъ блистали драгоценныя кольца, и двѣ Греческія неводьницы, одѣшныя въ пурпуръ, сѣдовали за нею.

Аринія, показавшись въ этотъ день въ одеждѣ Германской прорицательницы, называвшейся тогда Волде. Она состояла изъ низкаго плащя свѣтлаголубаго цвѣта, усыпаннаго блестящими звездочками; на плечахъ развѣвалась мантія изъ лѣвиной кожи, голова окружалась дубовымъ вѣнкомъ; длинныя искусно сдѣланныя лисья висѣли внизъ. Въ семь-то необыкновенномъ уборѣ, явилась Аринія подлѣ блестящей Тунильды, одѣтой по послѣдней Римской модѣ, уподобляясь истинѣ подлѣ басни. — Сравнивая обѣихъ красавицъ, хотя и трудно было рѣшить, которой изъ нихъ отдасть преимущество, однако жъ большая часть изъ присутствовавшихъ предпочитала блѣдную, задумчивую Аринію.

Тунильда, коей черты приближались къ красотѣ Фимлянъ, жительницъ Юга, гордою поступью и правильнымъ лицомъ совершенно заслуживала первенство; цвѣтъ шѣла ея былъ бѣлый и чистъ; однако жъ она казалась смугловатою подлѣ Ариніи; и Варъ,

при взгляде на эту послѣднюю, невольно по-
мышляли о холмах Ретии, покрытых снѣ-
гомъ, когда они блистають при заходѣ
вечернаго солнца. — Въ самомъ дѣлѣ, на ще-
кахъ Ариніи пылали румянецъ, какъ бы оп-
раженіе какого-то священнаго, внутренняго
огня, согрѣвавшаго душу ея, а въ чертахъ
лица ея выражалось что-то неизъяснимо
прекрасное, невольно внушающее мысль о
средствѣ и сообщеніи ея съ духовнымъ мі-
ромъ. — Германъ и Тунильда представляли
собой цѣлому собранію картину чистой,
взаимной и счастливой любви. Квинтиль
Варъ дѣлъ видъ почувствовать Герману
спрашивавшій вздохомъ, и описавшаго Ням-
па не скрылось, какъ глубоко Римлянинъ
пораженъ красотою Ариніи. Во взорахъ Вое-
начальника выражалась не столько пы-
лкость, какъ самое нѣжнѣйшее чувство, безъ
кошораго, казалось, для него ничего незначи-
ло жить на свѣтѣ. — Служители Герцога
Мело въ сей день заняты были пригото-
вленіями дороги къ Гогенштейну, (Гогалин-
ну), гдѣ всѣ окружные Князья, намѣривались
приносить жертву лунному богу Осбору.
Но сей-то причинъ была отложена заимъ-
вавшаяся прежде охота. Варъ восхищал-
ся симъ случаемъ, ибо теперь онъ сопро-
вождалъ прекрасную Аринію, безпрестанно

рассказывала ей о великопѣи Рима, о сла-
вѣ предковъ, и о богахъ и герояхъ своего
отечества и Греціи.

„Когда я въ первый разъ услышала о
богахъ вашихъ, сказала Аринія, то покази-
лось мнѣ, какъ будто бы яви милостивые,
привлекательные образы, носящіеся въ спра-
нахъ, благословенныхъ умѣренностію клима-
та, съ дружескими объятіями приближающі-
ся къ нашимъ суровымъ божествамъ и смят-
чающіе ихъ неприступный къ жалости сер-
дца, но скоро потомъ увидѣла я, какъ ложны
были мои понятія и какъ обманулась я въ
своемъ заключеніи. Ваши герои суть на-
стоящіе боги вашего народа, въ то время,
какъ боги ваши предаются такимъ гнуснѣй-
шимъ порокамъ, какихъ устыдился бы и са-
мый послѣдній изъ Германцевъ.“

„Въ томъ виноваты болѣею частію
наши стихотворцы, возразилъ Варъ: давно
уже каждый образованный Римлянинъ вѣ-
руетъ только въ одно вѣчное, невидимое,
высшее Существо, а въ нашихъ богахъ и
богиняхъ мы видимъ только наименованія
различныхъ силъ и явленій природы; но про-
стой народъ, который слѣпо приверженъ
къ дѣсямъ и вымысламъ стихотворцевъ,
непримѣнно теряетъ уваженіе къ своимъ
богамъ, и алтари разрушаются у насъ го-

раздо прежде, нежели жершвенный холмъ
нашего Водана. Но когда нибудь придешь и
его очередь; только богъ, взирающій изъ
двоицъ прелестныхъ глазъ, богъ, смершель-
до уязвившій сердце мое, будешь вѣчно вла-
дычествовать надъ смертными.“

Аринія покраснѣла, въ смущеніи попу-
дила взоры и поспѣшила удалиться отъ
полководца Римскаго. Въ эту минушу при-
ходитъ шолстый Аппій, одѣтый въ пурпу-
ровую мантію — торжественную одежду
Авгуровъ, и съ лицемъ, покраснѣвшимъ отъ
излишняго употребленія винограднаго на-
питка. „И такъ, Квинтилій Варъ,“ началъ
говорить онъ съ блистающими глазами: „на-
ши дѣла идутъ какъ нельзя лучше. Герман-
цамъ теперь нечего будешь дѣлать лучше-
го, какъ назваться Римскими невольниками.
Развѣ ты не замѣшилъ, какъ понравились
вина наши этому старому медвѣдю, Мело?
Взгляни только на Княгиню Херусковъ, не
одѣла ли она такъ, какъ Юлія? На то мо-
жешь ты твердо положитьсь, что приняв-
ши разъ наши обыкновенія, они уже не оп-
станутъ отъ нихъ, хотя бы и вся Герма-
нія пошла вверхъ дномъ; когда же Нѣмецкія
жены будутъ рядиться и убираться, какъ
Римскія, тогда мы легко воспоржествуемъ
надъ ихъ проклятымъ цѣломудріемъ и скром-

ностію: не всѣмъ же имъ оставашся Веспалками! Я не понимаю, какъ все это дѣлается; но полководецъ, ты узнаешь, что Аппій-Авгуръ имѣешь проницательный взоръ въ будущее и даже касательно твоей судьбы; Семела.... Но извѣстно ли тебѣ, что Римъ, въ теченіе десяти столѣтій, зарылъ живыми въ землю четырнадцать Веспалокъ, нарушившихъ свои клятвы? И у Нимцевъ это бываешь. И такъ, полководецъ, береги сердце свое!“ — „Замолчи, несносный болшунъ;“ воскликнулъ Варъ, бросая повелительный взглядъ, оный кошораго любимецъ его принужденъ былъ усмириться и замолчать: „въ тебѣ бродить Фалернское!“ Испугавшись грозныхъ словъ сихъ, Авгуръ поспѣшно удалился и легъ спать на мхѣ, въ тѣни древняго дуба. Разсѣявшіеся по садамъ замка гости Мело собрались къ ужину, кошорый рабы Вара пѣлиемъ, шанцами и представленіемъ разныхъ явленій изъ Римскихъ Драмъ старались всячески сдѣлать пріятнымъ. Германъ и Варъ рассказывали также собравшемуся обществу много кой-чего о Римскомъ Театрѣ, построенномъ Помпеемъ, въ которомъ надѣлано было сорокъ тысячъ покойныхъ мѣстъ для зришелей; и Варъ вспомнилъ при семъ случаѣ слова великаго жреца Сципіона Навики, кошорый, въ геро-

Ческія времена Рима, склонилъ Сенатъ выдать законъ, чтобы никогда нестроили въ Римъ Театра съ мѣстами для сидѣнія. Стоя, должны наслаждаться граждане Рима искусствами, поражаемыми миромъ и спокойствіемъ, гласилъ декретъ Сената. Германъ ушверждалъ при томъ, что К. Тавромъ построенный каменный амфитеатръ, гдѣ представляются сраженія со звѣрями, будетъ гораздо продолжительнѣйшимъ памятникомъ величія Римскаго, нежели это великолѣпное зданіе, сооруженное Помпеемъ; и Варъ соглашался съ Нѣмцемъ во всемъ, что льстило надеждою на долговѣчность Рима. Также и о дарованіяхъ великихъ комедіантовъ и особенно Росція, слышали шутъ много удивительнаго, добродушные Германцы, которымъ казалось непонятнымъ, что онъ ежегодно изъ общественной казны получалъ 500 тысячъ сестерцій жалованья, между тѣмъ, какъ славный стихотворецъ Теренцій за Комедію, которая наиболее нравилась Римлянамъ, получалъ только восемь тысячъ сестерцій.

Нѣмецкія женщины весьма желали видѣть балетъ *Орфей*, о которомъ рассказывалъ имъ Германъ. По словамъ его, шутъ цѣлый лѣсъ казался оживленнымъ; деревья проходили мимо Орфея, сгибаясь въ знакъ

почпишельности; за ними слѣдовали утесы и камни съ дикими звѣрями, обитателями: пущины. — Развязка сего балета, въ которомъ безсмертнаго Орфея, обворожающаго слухъ зрителей волшебными звуками лиры своей, съ неописанною яростію растерзываютъ Фригійскія женщины, была названа безчеловѣчною женами варварскаго народа, ибо роль Орфея игралась осужденнымъ на смерть преступникомъ, и его собственная кровь орошала мѣсто народной забавы. — Также и Муція Сцевола представлялъ въ Римѣ осужденный преступникъ, одѣтый въ тунику, напишанную сѣрой съ примѣсю соломы, которую угрожали потчасъ зажечь на немъ, если уступая боли, вынималъ онъ скоро свою руку изъ жаровни, наполненной горящими углями; въ противномъ же случаѣ, онъ получалъ прощеніе.

Къ концу ужина Тунильда и Аринія сплели два вѣнка изъ разныхъ душистыхъ травъ, чѣмъ на другой день украсить ими назначенныхъ въ жертву бѣлыхъ агнцевъ; и, около полуночи праздникъ, по причинѣ предстоящей поѣздки къ Гогенштейнскому утесу, былъ прекращенъ. —

Германъ и Тунильда.

Удалившись въ уединенную комнату, Германъ съ любовію заключилъ супругу свою въ объятія, воскликнувъ: „о какое благополучіе для меня, что я могу успокоиться на твоей вѣрной груди, и въ объятіяхъ твоихъ забыть ужасную будущность, какъ тяжелое бремя, гнѣющую мою душу! — „Развѣ ты думаешь, мой Германъ, что я не раздѣляю съ тобою заботъ и огорченій твоихъ?“ прервала его Тунильда: „ты имѣешь во мнѣ мужественную и неустрашную Германскую жену, пушницу твоей жизни, твоихъ опасностей и твоихъ трудовъ. Не уподобляясь Порціи, жестоко поразившей себя изъ любви къ супругу, я въ состояніи показать тебѣ, что достойна тебя, моего Бруна! Развѣ не принесла я тебѣ въ приданое, по обыкновенію нашего народа, не золото, драгоценности и великолѣпныя одежды, а браннаго коня, мечъ, щитъ и охотничій снарядъ, въ залогъ того, что я достойна быть твоею женою. Однако жъ я шепчу, о Германъ, помышляя, что ты подъ покровомъ мира, дружбы и веселія скрываешь свои исполинскіе планы.“ — „Знаю, о чемъ ты хочешь сказать, Тунильда; ты обвиняешь меня въ безчестномъ поступкѣ прошивъ

Вара, котораго дружбою я пользуюсь; но я посвящалъ жизнь мою отечеству, и каждое другое чувство должно уступать мѣсто этой священной обязанности. Брутъ вонзилъ кинжалъ въ грудь собственнаго отца своего, и я не могу щадить друга въ лицѣ Римскаго Подководца. Да будетъ предана грозной Гелла ша минуша, въ которую коварство Римское проникло въ Германію, но уничтожить его можно только коварствомъ же.“ — „Нашъ, Германъ, я неосуждаю себя: не обманывайся въ твоей проникательной Тунильдъ. — О какъ ошибаются Германцы, когда они проникающему во глубину лѣсовъ ихъ просвѣщенію и образованности, приписываютъ вину нашего уничтоженія; хорошее сѣмя на безплодной почвѣ не принесетъ никакихъ плодовъ; для того нужно сіяніе солнца и рачительное воздѣлываніе. Образованіемъ, тобою пріобрѣтеннымъ и мнѣ сообщеннымъ, обязанъ ты знакомству своему съ просвѣщеніемъ древнихъ великихъ мужей Греціи и Рима; тому же обязана и я за свое чувство ко всему великому, истинному и прекрасному. Руководимая симъ чувствомъ, могу я хорошо разсмотрѣвъ отношеніе и связи твои съ Варомъ. Ты называешь его другомъ? но дружба ли это, что составляетъ одно только временное

дружеское обхожденіе, происходящее отъ одинакаго образа воспитанія и мыслей; скорѣе эту связь можно назвать сближеніемъ отношеній. Этого Варъ, котораго ты называешь другомъ, нынѣшнею же ночью пронзилъ бы грудь швою, если бы ты какимъ либо образомъ сдѣлался претящствіемъ къ достиженію цѣли, имъ предположенной; и повѣрь мнѣ, великіе и для насъ непріятные замыслы, лишаетъ въ себѣ духъ его, но сильная рука распорхнетъ сію завѣсу. Ты знаешь, что онъ очарованъ красотою Ариніи болѣе, нежели ты нѣкогда пламенъ былъ моею, и это пошому, что самая пламенная любовь твоя конечно принадлежишь опечесству. Но ты вѣрно не воображаешь, чтобы Аринія соотвѣтствовала его склонности?— „Какъ это возможно? Прежде, нежели я узналъ тебя, старался я снизить ея любовь; но она показывала явно что не хочешь преклоняться ни къ какой земной страсти.“ — „Такъ ты и думаешь, что если она отказала въ благосклонности своей Арминію, то нѣтъ уже ни одного человека, который бы могъ пронуть сердце ея? О. Германъ! мы, женщины, развѣ мало заботимся о красотѣ своего лица? Развѣ ты забываешь, что Римляне для того изображаютъ Амура съ завязанными глазами, что

спрылы его неожиданно попадають въ свою жершву, и чшо для шѣхъ, кшо наиболѣе смѣшся его могущеспыу, онъ пригош-
 вяепъ самыя оспрыя? Аринія, эша невинная дѣвушка, преданная неземнымъ чувспвамъ, въ груди своей согрѣвающая пророческія видѣнія и ошкровенія, не вздумаетъ помышлять о плѣнныхъ связяхъ... О мѣшъ, Германъ! но дѣвушка, подобная нашей Ариніи, чуждая всѣхъ земныхъ радостей, съ неизъяснимою ревностію спремящаяся къ общенію съ духовнымъ міромъ, способна ощущать всею силою души своей это сладостное упоеніе, эшу божественную спрасъ, которая болѣе всѣхъ уподобляясь дневному свѣшгу, разливаетъ свѣшъ и шеплому среди всѣхъ горестей и напастей жизни. Не сомнѣвайся въ испинѣ моихъ словъ и наблюдений: женщина, которая любитъ подобно мнѣ, весьма легко можешъ ошкрыть сѣдъ самой скрышной любви.“

„Аринія поклялась мнѣ богами Валгалды, на все рѣшиться для освобожденія Германіи.“

„И она сдержитъ свое обшчаніе! Женщина, подобная Ариніи, не нарушитъ кляшвы своей; хотя бы разрывалось ошъ горести сердце ея, она все пребудетъ вѣрною обязанности своей. Тупидъда скрылась въ

твои обѣщанія изъ опечетскаго крова; но Сегестъ, бѣдный рабъ Римлянъ, уже болѣе не опечетъ ея; она сдѣлалась теперь дочерью только своего опечетства. Германъ! я умру въ твоихъ обѣщаніяхъ хотя бы шерзали меня ядовитыя змѣи Геллы, но ни за что въ свѣтъ не оставлю тебя.“ — Сказавъ сіи слова, Тунильда скрыла прекрасное лице свое на груди Германа, и онъ съ жаромъ цѣловалъ горячія щеки ея, орошенныя слезами; шунъ нечаянно упалъ взоръ его на вѣнокъ, сплетенный его супругою для украшенія роговъ жертвеннаго агнца, и онъ спросилъ ее: „куда дѣвался другой?“ — „Тошъ, кошорый Аринія сплела для самой себя, у нея и остал-ся.“ — „Увлекаясь волшебною предестію предвѣднія, какъ неожиданно передала она мнѣ свой даръ смотрѣть въ будущее? Кажется, я вижу уже блестящія молніи, свер-жающія сквозь мракъ будущности. Не только два дикіе кабана будутъ принесены въ жертву, но еще одна бѣлая голубица, милая и прекрасная, какая только могла лешать когда либо подъ небомъ Германскимъ, и могучій орелъ, самый смѣлый и благородный изъ всѣхъ, парить подъ солнцемъ. Ахъ! Аринія и Германъ падутъ жертвами за свободу Германіи. Внезапная смерть, рано или поздно, поразишь обоихъ!“

„Тунильда! милая Тунильда! что съ тобою сдѣлалось? я не вижу ни ошкуда грѣзщей мнѣ смерти.“ — „Тяжела и гибельна бипва, кошорую ты предпринимаешь, Германъ! Противъ сильныхъ Римлянъ, противъ раздоровъ швоего народа, противъ зависти Нѣмецкихъ Князей долженъ ты подвизаться, и такая борьба выше всякой человеческой силы; ты не долженъ ждать успѣха, хотя бы на швоей сторонѣ были счастье и тайны войны. Но останешься ли ты побѣдителемъ, или побѣжденнымъ, все равно, ты долженъ будешь погибнуть.“ — „Что въ шбмъ одна мысль у меня: свобода Германіи. Что значишь крапковременная жизнь въ сравненіи съ вѣчною славою такого великаго подвига!“

„Я удивляюсь тебѣ, Германъ; но сердце мое обливается кровію. Не стоишь великодушно, какъ ты, могу я презирать земное счастье: оно перьяется для того, кого слава избрала своимъ любимцемъ. Ты уподобляешься Римскому юношѣ Курцію, кошорый, для спасенія своего опечества, бросился въ разберзшую бездну. — Мой Германъ! чужеземные воины будутъ опустошать твои поля, между непріятельскимъ народомъ будешь нѣкогда томишься жена швоя и оплакивать своего мужа, а сынъ швой опца своего: шакъ въ-

щаснѣ во мнѣ смущенный духъ шемцаго предчувствія.“

„Развѣ я не швой, Тунильда? Гдѣ бы я ни былъ, въ Валгалѣ, Олимпѣ, Оркѣ, въ шемномъ царствѣ Геллы, Германъ домышляетъ о своей любви къ тебѣ.“ — „Мнѣ надобно время, Германъ, чѣмбы достигнушь этой вышины“ — продолжала Тунильда, опирая слезы; хошя и не сколько презираю я земныя радости, сколько Аринія, однако жъ поведи меня, возлюбленный, за собою, и я охотно послѣдую. Моя душа возвысится чувствованіемъ, чѣмъ великій Арминій принадлежалъ мнѣ, Арминій, коего имя дошолъ будешь, благословляемо, пока не пресланушь зеленѣющіе древніе дубы въ лѣсахъ нашихъ. — Теперь же обратимся къ Алфадуру съ просьбою — даровашъ намъ покой и укрѣпишь силы наши.“ — Тихо спустился пріятный сонъ на одръ Тунильды, покрытый мягкими кожами пушныхъ звѣрей, а чрезъ мѣру безпечный Варъ покоился на мягкихъ Сирійскихъ пуховикахъ, прельщаясь сладкими сновидѣніями; лишь только Германъ и Аринія бодрствовали среди общаго успокоенія.

Жертвоприношеніе Остару.

На другой день, когда все устроено было къ дорогѣ и всѣ оширавились въ путь, Варъ одинъ остался на нѣкоторое время для раздачи приказаній, — Князь Эмскій, по совѣту и проискамъ Германа, прислалъ извѣстіе Римскому полководцу, что между подданными его оказываются признаки бунта, почему онъ и проситъ вспоможенія Римлянъ для обузданія дерзости мятежниковъ. Варъ послалъ приказаніе Волумнію отпра- выться къ Эмсу съ 1,000 человекъ; и объявилъ желаніе, чтобы лѣтній лагерь при Везерѣ былъ снятъ, а другой шакowej же устроенъ у Тевшбургскаго лѣса, ибо военачальникъ располагался пребыть долѣе въ крѣпости Ализъ, и не отлучаться далеко отъ своего войска. Словесныя повелѣнія были немедленно начертаны Волумніемъ на дощечкахъ, натершихъ воскомъ. — Кроме ихъ, Римляне употребляли еще для письма пальмовые листья и Египетскій папирусъ, на которыхъ начерчивали буквы особаго рода чернилами. Древніе Нѣмцы мало знали употребленіе письма; иногда чертили только Руническими буквами на деревянныхъ или каменныхъ доскахъ, которыхъ немногіе остатки дошли до насъ. Варъ

спѣшили догнать на прекраснѣйшемъ жеребцѣ Арабской породы войско, ушедшее впередъ, и духъ его возвеселился при взглядѣ на величественныя красоты спраны сей, кошорая и понынѣ носитъ на себѣ оппечашокъ Нѣмецкаго характера, исполненнаго силы и пріятности. „О Германъ!“ воскликнулъ подководецъ: „корона швоя для меня была бы драгоценнѣе Августовой.“

При подошавъ высокаго Зюншѣльберга лежащаго по шу сторону Везера, соединилса Варъ съ своимъ главнымъ войскомъ. Ариція и Тувиалда ѣхали въ колесницѣ. Мело, по обыкновенію Германцевъ, опсправлявшихся на шоржественныя сборища, сидѣлъ на мощномъ конѣ, въ панцырѣ, со щитомъ и копьемъ. Подлѣ него ѣхалъ на гордомъ иноходцѣ Германъ, прекрасный и мужеспивенный воинъ, уподоблявшійся Ахиллу. Онъ имѣлъ на себѣ золотой панцырь, подарокъ Августа, въ правой рукѣ держалъ длинное коцѣ, а въ лѣвой щипъ, на коемъ изображалась бѣгущая лошадь — гербъ Херускихъ Князей. Спальной мечъ его висѣлъ на перевязи, украшенной камнями, а у сѣдла прикрѣпленъ былъ тяжелый бердышъ, любимое оружіе Германцевъ. Длинные, вьющіеся докнами темнорусые волосы его, по обычаю Германцевъ, были сплещены вмѣстѣ на

макушкѣ и падали красиво внизъ вокругъ лица его, мужественнаго и выразительнаго; илдемъ, на кошоромъ представленъ былъ орелъ съ распростертыми крыльями, держалъ въ хвостѣ въ нѣкоторомъ опдалѣніи за нимъ оруженосецъ его. Щеки Вара запылали огнемъ зависши, когда онъ увидѣлъ Германа во всемъ блескѣ мужественной красоты его, и какъ нѣкогда Геркулесъ изъ любви занимался женскими работами и ходилъ въ одеждѣ женщинъ, такъ теперь Квинтилиъ Варъ, Римскій Проконсулъ, герой и стихошворецъ, уступая щеславію, или по крайней мѣрѣ склонясь на совѣтъ Авгура Аппія, вздумалъ показашъ себя во всемъ величіи убранства Римскаго. Онъ приказалъ, чшобы при Идуискомъ священномъ источникѣ, кошорый еще и теперь, невдадекъ отъ Гогенштейна, образуешъ живописный водопадъ, была раскинуша палатка. Тушъ полководецъ, сбросивъ съ себя воинскій уборъ, облекся въ богатое одѣяніе, какое Римляне носили во время мира. Рабы его подали ему нижнее плашье изъ тончайшаго Египетскаго полотна, плашно засшегнутое, корошкое и безъ рукавовъ; сверхъ того накинулъ онъ бѣлую шерстяную съ пурпуровыми полосами тунику, кошора доходила до коленъ и жилистую руку оставляла непокровенную; за симъ надѣто было

паладаментумъ, верхнее плащье полководца, изъ Индѣйскаго багряноцвѣтнаго шелка, богато вышитое золотомъ; укрѣпленное на плечахъ, оно красивыми складками спускалось до самыхъ пятъ. Ручьи розоваго масла были вылиты на черные волосы Вара, убранные мелкими кудрями, оплѣнявшими цвѣтъ лица его; позлащенные полусапожки украшались пряжкой, осыпанною алмазами подъ самымъ коленнымъ. Разрядившись такимъ образомъ и не уступая блескомъ своимъ Герману, сѣлъ Варъ въ свою легкую раковиную сдѣланную колесницу, запряженную чешырьми быспрыми конями въ рядъ, и скоро догнавъ колесницу Арини, ухавшей впередъ. Вся вѣсть достигла пошомъ подошвы величественнаго Гогенштейна, котораго острые ушесы выдаваясь изъ густоты дубоваго лѣса, торчашъ, подобно зубцамъ короны. Величіе и красота Гогенштейна могутъ привлечь вниманіе каждаго странника, хотя бы онъ возвращался изъ страны чудесъ — Ишаліи, или съ высотъ Ретинъ. Сія гора состоить изъ длиннаго ряда крутыхъ известковыхъ ушесовъ, коихъ вершины покрываетъ густая зелень и которые образуютъ множество разсѣлинъ, пещеръ, овраговъ и тѣснинъ. „Клянусь Зевесомъ“ — сказалъ одинъ Трибунъ Апцію:

„какъ будшо сами Тиганы, вооружившіеся прошивъ неба, набросали эши ушесы одинъ на другой, или не чрезъ эши ли мрачныя ущелія ведетъ дорога въ адъ? Позволь намъ поспѣшимъ на верхъ, чтобъ разсмотрѣшь ближе всѣ эши чудеса.“

Облака дыму и куреній, восходящія съ Гогенштейна, показали Нѣмцамъ, что шамъ уже собрались сосѣдственные Князья, народъ и жрецы. Недалеко отъ вершины ушеса жилъ верховный Друидъ Либисъ, въ глубокомъ уединеніи. Жители, при подошвѣ горы обитавшіе, снабжали его всѣмъ нужнымъ къ содержанию.

Мимо его опшельнической хижины шла узкая пропинка, кошорой опушку сосна-вляли цвѣшмы и кустарники, а за ними скрывались страшныя бездны, въ кошорыя многіе Римляне падали, не зная опасности мѣстоположенія, и нерѣдко, низвергаясь къ подошвѣ горы, находили шамъ смерть свою. „Такъ будущъ покрывашъ цвѣшмы и справы бездну, кошорую мы изгошовимъ врагу опечества нашего!“ шепшаль Германъ на ухо Мело, бросая косвенный взглядъ на Вара, непре-сшававшаго восхищаться дикими красошами природы. Наконецъ достигли всѣ ближайшаго ушеса, на передней споронѣ Гогенштейна, называвшейся Сингрунскимъ жерш-

венникомъ, гдѣ обыкновенно Германцы приносили жертвы богамъ своимъ. Тушъ, предъ восхищенными взорами пушниковъ, открылась вся предѣстная Везерская долина, съ ея лѣсисстыми холмами, представлявшими разнообразіемъ высотъ и мѣстностей пріятнѣйшую каршину, достойную кисти живописца. Отдаленнѣйшую гору, видимую на горизонтѣ, Арпъ, Князь Каншовъ, призналъ лежащею въ его владѣніяхъ. Сингрунскій жертвенникъ виситъ на подобіе воздушнаго полуострова, надъ ужаснѣйшею бедною; только посредствомъ узкой полосы земли, съ другихъ утесовъ можно достигнуть до вершины его. Большою частію жертвы, приносимыя Германцами, закалались сперва на верхней его части утеса, и потомъ на верхней части сожигались, хотя взбираться туда и надобно было почти съ опасностію самой жизни. Пламя, пожиравшее жертвы, далеко видимо было въ окрестности. По обѣимъ сторонамъ Сингрунскаго жертвенника гряды утесовъ, взгроможденныхъ другъ на другъ, являющіяся въ удивительно грозномъ и величественномъ видѣ. Въ ущельѣ, раздѣляющемъ ихъ, извищается пропінка, поросшая правою красноватаго цвѣща.

Варъ; имѣя умъ, богатый разными свѣдѣніями, былъ удивленъ такимъ необыкновеннымъ явленіемъ природы, и спросилъ о причинѣ красноватаго цвѣта травъ, растущихъ по сей узкой пропinquѣ. Мело оповѣстивъ ему сурово: „Онѣ произрасли изъ земли, орошенной кровію враговъ нашихъ, принесенныхъ въ жертву богамъ Валгалы; кровь ихъ лилась по сей самой пропinquѣ до подошвы вѣшнихъ утесовъ. Давно, давно уже не была она полиша ихъ кровію!“

Невольный шрепешъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ Вара; но это показалось ему сдѣланнымъ оповращеніемъ къ приношенію людей въ жертву богамъ.

„Я хочу показать тебѣ, полководецъ,“ продолжалъ Мело, болѣе пріятнымъ голосомъ, „изображенія нашихъ боговъ. Мы, Германцы, не забоимся, какъ вы, сооружать въ честь богамъ великолѣпные храмы: холмъ, покрытый зеленью, для насъ кажется самымъ достойнымъ алтаремъ божества!“ „Однако жъ, въ нашихъ священныхъ рощахъ и жилищахъ Друндовъ находясь нѣкошорыя начертанія нашихъ боговъ, изображенныя грубо на камнѣ. Разсмотри прилежно эту каменную доску, покрывающую одну сторону Сингрунского жертвенника.“

Варъ наклонился посмотришь внизъ, и примѣшилъ на камнѣ какое-то грубое изображеніе, кошорое въ рукѣ держало кривой рогъ, изъ коего лилась вода; по лѣвую сторону сей фигуры плавалъ въ воздухѣ шаръ съ опверзшіемъ, изъ кошораго вылетало пламя. Тушъ же априбушами божества служили луна и пѣшухъ, а вокругъ главной фигуры и по краямъ доски начертаны были руническими буквами, стихи, вызывающіе къ могущему Оссару.

„Эти стихи“ — сказалъ Мело — „поюшся жрецами всякой разъ, когда мы приносимъ жершвы на Гогенштейнъ; почему и называющся они Сингрунскими гимнами, а сей грозный ушесъ Сингрунскимъ жершвенникомъ.“

Между шѣмъ, какъ любопытные Римляне осматривали чудеса и красоты сей дикой природы, Римскіе и Германскіе невольники изгошовляли обѣденный столъ въ густомъ лѣса, окружавшаго сіи ушесы, ибо, по обыкновенію Германцевъ, жершвоприношеніе должно было опправляться только во время восхожденія луны.

Чтобы унизишь простыя нравы и образъ жизни Германцевъ, Римляне на эшопъ разъ испощили всю роскошь своихъ пиршественныхъ столовъ. Пурпуроваго цвѣща

шашры раскинуты были надъ ихъ сполами, уставленными разными драгоценными яствами и напитками; вмѣсто дешевыхъ плоскихъ бычачьихъ роговъ, употребляемыхъ Германцами для пишья, Римляне выставили хрустальные, раскрашенные кубки, которыя употреблялись однако жъ только простыми и бѣднѣйшими гражданами, а знатнѣйшіе и богатѣйшіе изъ Римлянъ имѣли для того дорогіе, металлическіе бокалы, украшаемые драгоценными камнями. Сполы были покрыты пурпуровыми скапертиями, и многіе выученные рабы забавляли слухъ гостей игрою на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Эта музыка имѣла какую-то неизъяснимую прелестъ и выразительность на Гогенштейнѣ, гдѣ, среди густаго дубоваго лѣса, весьма часто опустошавшагося ужасными бурями, не обила въ ни одинъ пѣвецъ лѣса. — Но вдругъ, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, многочисленный хоръ пѣвчихъ пшницъ вспорхнулъ на воздухъ и огласилъ священную рощу мелодіею звуковъ; сіи пшнички были спрятаны въ одномъ огромномъ пирогѣ, копорый, какъ образчикъ Римскаго повареннаго искусства, сполалъ прямо противъ одра, гдѣ возлежалъ Римскій Полководецъ. Однако жъ сіи веселые жители лѣсовъ, не долго пробыли въ мрачной густотѣ за-

повѣдной роши, но скоро разлѣтѣлся по-
сосѣднимъ долинамъ и перелѣскамъ.

Князья Германскіе и старѣйшины, ко-
торымъ пріятно было общество Римлянъ,
съ дружескою и непринужденною радостію
раздѣляли тушь удовольствія и забавы сихъ
последнихъ.

Крошкіе нравы и искусство наслаждавш-
ся жизни, которыми Римляне обладали въ
совершенствѣ, сблизило многихъ владѣте-
лей Нѣмецкихъ съ бывшими дошолъ ихъ не-
примиримыми врагами; многіе Нѣмецкіе
Князья питались даже надеждою, съ помо-
щію Римлянъ распространить владѣнія свои
и могущество; ибо въ это время каждый
отецъ семейства въ Германскихъ племенахъ
былъ вѣстѣ и верховнымъ повелителемъ,
какъ надъ своимъ домомъ и имуществомъ,
такъ и надъ всѣми своими подчиненными.
Князья или Старѣйшины въ цѣлыхъ поко-
лѣніяхъ, получали отъ своихъ вассаловъ
ежегодную подать, состоявшую въ скотѣ,
плодахъ и другихъ земныхъ произведеніяхъ;
кромѣ того, они предводительствовали вои-
нами, заключали миръ и объявляли войну,
но не имѣли никакой власпи надъ честию,
наследствомъ и жизнію своихъ подданныхъ.

Сегесъ, отецъ Тунильды, давно уже
начерпалъ отважный планъ соединить всю

Германію подъ самодержавную власть свою; уже неоднократно открывалъ онъ Вару на-
иѣренія свои, а сей послѣдній обѣщалъ ему
своимъ могуществомъ и властію содѣйство-
вать видамъ сего Германца, который ошъ
того всею душою преданъ былъ выгодамъ
Римлянъ. Германъ долженъ былъ призвать
теперь къ себѣ на помощь все свое муже-
ство и проницательность ума, дабы проши-
вудѣйствовать хитрымъ проискамъ своего
коварнаго гостя.

Чернь, или простые Германцы, не раздѣ-
ляли однако жъ съ Князьями своими и спар-
рѣйшинами того благорасположенія, какое
оказывали къ Римлянамъ сіи посѣдніе.
Многія важныя причины побуждали къ то-
му: Германскія различныя племена прошивъ
воли повиновались иноземнымъ законамъ,
съ боязнію и негодованіемъ смотрѣли на
упадокъ древнихъ своихъ преимуществъ, и
ропсали на миръ, который покрывалъ
ржавчиною мечи ихъ, и споль удобно от-
крывалъ имъ дорогу къ презираемому ими
рабству. Множество юношей, желая насы-
титъ спрасъ свою къ войнѣ и негодуя
на ненавистное для нихъ бездѣйствіе, от-
правлялись безпрестанно къ опдаленнымъ
племенамъ, воевавшимъ другъ съ другомъ.

Будучи грубы, свирѣпы и суевѣрны, (качества ошличительныя у всѣхъ древнихъ Германцевъ), не находили они никакой цѣны въ крошкѣхъ и невинныхъ удовольствіяхъ и образованіи ума, которое Римляне всячески старались распространить между ними; посему съ недоувѣрчивостію и подозрѣніемъ взирали они теперь на своихъ незваныхъ гостей.

Это расположеніе умовъ оказалось и на торжествѣ при Гогенштейнѣ. Ошдѣлаясь ошъ всякаго сообщества съ Римлянами, сидѣли простые Германцы, завернувшись въ звѣриныя кожи и грубые шерстяные плащи свои, и бросали мрачныя взгляды на деревянные колоды и каменные плиты, служившія имъ вмѣсто столовъ; насыщаясь своими грубыми яствами, они упорно ошвергали всѣ лакомыя кушанья и дорогія вина, коими угощали ихъ роскошный Варъ.

Напротивъ того, Римскіе воины предавались вполнѣ шумной и непринужденной радости, ощущаемой ими ошъ избытка дорогихъ яствъ и напитковъ, раздаваемыхъ по щедрости ихъ военачальника „Всякой день, какъ теперь!“ кричали они всѣ вмѣстѣ; иногда за сими восклицаніями раздавались горькія жалобы на суровую и безплодную страну, въ кошоую привели ихъ

Варь, и гдѣ не находили они никакой добычи, а также не могли весело проводить время. Они прославляли, напропивъ того, богашую Сирію, въ которой до того времени проживали съ своимъ полководцемъ; даже большая часть воиновъ обнаруживала желаніе оставить какъ можно скорѣе эту скучную землю и ея негосшепримныхъ обитателей.

Германъ, который въ это время дружески разговаривалъ и шутилъ, проходя между длинными рядами пировавшихъ Римлянъ, сказалъ въ полголоса: „скоро исполнится желаніе ваше; вы оставите Германію, — только не живые!“

Между тѣмъ, солнце село за лѣсъ, и необыкновенно яркая вечерняя заря подернула небо темно-розовымъ покрываломъ, которое еще не успѣло исчезнуть, какъ появилась на небосклонѣ печальная царица ночи. Это была обыкновенный часъ жертвоприношенія, и верховный жрецъ, Либисъ, сопровождаемый Бардами, появился на ровномъ мѣстѣ, находившемся вѣздъ самаго Сингрунскаго жертвенника.

Либисъ былъ почтенный старецъ, ко-
его лице внушало уваженіе, а голова покрыта была длинными густыми волосами, убѣденными долговѣчною жизнію. Онъ имѣлъ

на себѣ длинную полошпанную одежду, а на ногахъ сандалинъ; поясъ огненнаго цвѣща перехватывалъ на самой срединѣ верхнее его плащье; голова украшалась вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ; въ правой рукѣ своей держалъ онъ жезлъ съ шпиремъ зубцами, на коихъ изображались солнце, луна и огонь, какъ эмблемы, по мнѣнію Германцевъ, означавшія божество въ шпирѣ видахъ его. Барды, также шарцы почтеннаго вида, ошлечившіеся длинными бородами своими, имѣли на себѣ длинную одежду темнокоричневаго цвѣща; головы ихъ были обнажены, а въ рукахъ держали они арфы. Служители, исполнявшіе повелѣніе жрецовъ и помогавшіе имъ при жертвоприношеніи, по закону, данному Друидами, зажгли огонь на алтарѣ Сингрунскомъ, принесли шуда сосуды съ водою, жертвенные ножи, и привели пошомъ двухъ агнцевъ бѣлаго цвѣща, украшенныхъ вѣнками изъ благовонныхъ травъ.

Главный жрецъ умылъ свои руки, опрыскалъ священною водою сшоявшихъ близъ него Германскихъ Князей, въ знакъ своего къ нимъ благоволенія, и ошрѣзалъ клочокъ шерсти со спины агнцевъ; пошомъ, перемѣшавъ онѣй съ благовонными травами, бросилъ его на огонь, пылавшій на жертвенникѣ. Пошомъ положивъ лѣвую свою руку,

на спину обреченныхъ на закланіе двухъ агицевъ, возвелъ свои взоры на луну, и бросилъ правою рукою веревку на шею посвященныхъ ей въ жершву агицевъ; послѣ чего служители и прислужники схватили ихъ и закололи. Пока еще они претепшали, испуская послѣдній вздохъ, подошелъ къ нимъ одинъ жрецъ, вошкнулъ въ горло ихъ жершвенный ножъ и принялъ въ каменный сосудъ побѣжавшую изъ раны кровь, кошорую пошомъ также вылилъ въ пламя, пылавшее на жершвенникѣ. Засимъ, разсмотрѣвъ внимательно ихъ внушренности, помазалъ медомъ и солью шѣла жершвенныхъ агицевъ, и бросилъ ихъ въ огонь. Тогда Барды ударили по струнамъ арфъ своихъ, и возгласили священную пѣснь. Князья и народъ присоединились также къ нимъ; величественно и спрашно пылалъ огонь на жершвенникѣ, далеко гремѣлъ благодарственный гимнь, возглашаемый въ честь луны, тысячами голосовъ.

Когда пламя на жершвенникѣ ярко заблистало среди сгустившихся мраковъ ночи, подошелъ къ нему Герцогъ Мело, поднимая свою правую руку вверхъ къ лунѣ, и произнесъ объщъ, что онъ всѣхъ благородныхъ и знашныхъ Римлянъ, кошорыхъ возьмешь въ плѣнъ, обрекаетъ въ жершву

богамъ-испишелямъ. Громкая пѣсня, возглашаемая цѣлымъ народомъ, сокрыла звукъ словъ его отъ слуха присуществовавшихъ тутъ Римлянъ; однако жъ Германъ видавъ хлѣвъ Сигамбрійца.

Наконецъ, мало по-малу, жертвенное пламя погасло и глубокій мракъ распространился по всей окружности, когда Римляне и Германцы возвратились на мѣста своего отдохновенія. Тутъ пиршество, пѣніе, пляски и другія увеселенія опять возобновились. Величіе и торжественность совершаемаго цѣлымъ народомъ священнаго обряда развеселили по-немногу задумчивые умы Германцевъ; они предались всѣмъ удовольствіямъ, какія имъ наиболее нравились, и по обыкновенію своему, безъ всякой умренности принялись насыщаться всѣми лакомыми для ихъ вкуса кушаньями и напишками. Римляне также собрались въ своихъ палаткахъ, гдѣ истощась отъ напряженія силъ въ продолженіе цѣлаго дня, скоро погрузились въ глубокій сонъ.

А р и н і я и В а р зъ.

Въ часъ полуночи, блѣдная луна освѣщала въ уединеніи догоравшую еще кучу тѣла на Сингрунскомъ жертвенникѣ, предъ

коими стояла на козлахъ — предестная Аринія. Уподобляясь звукамъ словъ, коими разглагольствуютъ между собою духи безплошные, разносились въпрямъ среди тишины ночной слабые, едва внятные звуки, вылетавшіе изъ устъ вдохновенной дѣвы, стоявшей на утесѣ одинокомъ.

„Куда бѣжашъ мнѣ ошъ невольныхъ предчувствій и тайныхъ видѣній, меня преслѣдующихъ? И тамъ внизу, въ нѣдрахъ самой радости, среди шумнаго веселія, они не даютъ мнѣ покоя. Ни очаровательные звуки флейшъ Римскихъ, ни обманчивые призраки счастья, ни любовь родительская не могутъ успокоить волненія моего сердца! Предъ моими взорами открывается картина будущаго и прошедшаго, а я, Аринія, дочь Мело, объемлемая ужасами предчувствія, забываю, что обязана священною клятвою, — спаси свое опечество! Пророческій духъ, обитающій въ моей груди, открываетъ мнѣ грозную мою участь; а какое-то неизъяснимсе помленье увлекло меня на сію высоту; но какіе страшные признаки окружающъ меня и здѣсь? Тамъ, въ долинѣ, льются кровавые ручьи: это кровь Римлянъ! тамъ бѣлѣются груды костей: это головы ихъ! Надъ собою вижу я, среди мраковъ ночи, Валькирій на ихъ воздушныхъ коняхъ, поспѣшающихъ на поле

швы; зву и оружiя уже раздаются вокруг ушей моихъ; ахъ! и что представляется мнѣ... Предъ моими взорами спрашная картина кровопролишной битвы; изъ моей головы, кажется, вылетаетъ она! О Альфадуръ! какъ объясню все, что ты мнѣ открываешь? — Горе мнѣ!... горе!... Только одного этого Римлянина..... шакъ, я должна спасти его!... Квиншилій Варъ!...“ — „Аринiя!“ воскликнулъ полководецъ, приближаясь къ уединенному жертвеннику: „въ другой разъ имя мое вылетаетъ изъ твоихъ прелестныхъ устъ, среди глубокой тишины ночной. Если въришь предчувствiю, то, кажется, сердце мое не обмануло меня, приведя неожиданно въ сiе угрюмое мѣсто. Но для чего пребываешь ты здѣсь одна, среди глубокой тишины, божественная дѣвушка?“ — „Меня призвалъ сюда невидимый духъ, открывающiй предо мною картину будущаго“ — отвѣчала Аринiя, въ смущенiи.

„О! не довѣрай обманчивымъ предчувствiямъ и ложнымъ мечтамъ, прекраснѣйшiй цвѣшокъ Германiи! открой лучше мнѣ сердце свое, и избери меня предметомъ твоихъ пророческихъ изступленiй! О если бы я могъ найти слова, еще до сихъ поръ никому неизвѣстныя, для выраженiя всей силы пламени, пожирающаго сердце мое! если бы

помощію сихъ-то словъ я могъ изяснить тебѣ, что чувствую въ глубинѣ души моей! — Но облакаясь въ слова, которыя произносили уже прежде меня милліоны влюбленныхъ, сердечное чувство мое становится весьма обыкновеннымъ и холоднымъ! — И такъ, о дражайшая Аринія! назови мнѣ слово; открой мнѣ неизвѣстное доселѣ слово, какимъ бы я поклялся въ вѣчной моей къ тебѣ любви, и совершенно изобразилъ весь жаръ пылкой страсти моей!“ — „Квинтилій Варъ!... чего ты хочешь отъ меня? къ чему ведутъ эти слова?“ ...

„Изъ глубины моего сердца, изъ внутренности существа моего несутся они къ тебѣ, обожаемая дѣвушка! — Бездушныя слова не могутъ вполне открыть тебѣ безконечную любовь мою; и такъ, будь моею повѣренною: я отдаю великодушно въ твои руки участь мою. Внемли, что открою тебѣ: не для того, чтобы расширить предѣлы владѣній Августа, возведши въ санъ Короля этого хитраго Сегеста, пребываю я въ Германіи. Нѣтъ! съ рукою Ариніи взойду я самъ на престолъ Германскій, и буду презирать Августа и всю власть его.“ — „Варъ! на что ты рѣшаешься?... Какой исполнскій замыселъ!... Ты хочешь измѣнить законному своему Государю? Нѣтъ,

никогда Германія не признаешь иноземца своимъ повелителемъ!“...

„Измѣнишь моему Государю? ... Онъ самъ давно уже сдѣлался предателемъ нашего благополучія, нашей древней славы. Будучи самъ рабомъ Августа, не въ силахъ я уже болѣе пріобрѣтать ему новыхъ рабовъ. Я хочу самъ быть Царемъ, самодержавнымъ повелителемъ благороднаго и храбраго народа; хотя мнѣ и преданы Германцы, однакожь тайно долженъ созрѣть планъ мой. Какъ скоро Аринія будетъ моею, я совершенно преобразуюсь въ природнаго Германца. — Распорженъ уже почти союзъ, соединявшій меня съ существомъ недостоиннымъ, къ которому привязывали меня мои сшаринныя обязательства. Я уничтожу даже и послѣдній узелъ, соединявшій меня съ опечесствомъ, если Аринія назовешь меня своимъ супругомъ!“

„Я уважаю такую довѣренность свою, Варъ; однакожь, человекъ, дерзающій искажать взаимной любви въ дочери Мело, никогда не долженъ сомнѣваться въ ея добродѣтели, и думаешь безразсудно, что Германская дѣвушка въ состояніи предать Римлянину опечесство свое и наложить на себя добровольно иго чужеземца. Но, къ несчастію, какъ скоро, можешь быть, уничтожишься

пвои высокомерные замыслы! Такъ, пророческій духъ опять вселяется въ грудь мою; бивъ и алчная смерть представляющія мои вѣзрѣмъ!“ . . .

Полководецъ, видя дѣву, изнемогающую подъ бременемъ скорби душевной и уступающую могуществу пѣлесныхъ спрѣданій, поспѣшилъ поддержать ее своими руками и сказалъ ей: „Римлянинъ не спрашивайся никакихъ предчувствій; самая будущность уступаетъ или непреклонной воли или мечу его. Съ непреодолимымъ мужествомъ противустой онъ ударами судьбы немилосердой!“ — „Квинтили Варъ,“ возразила тогда Аринія, распрѣганная внутренними колебавшимися грудью ее чувствами: „умоляю тебя, не ошкаржи мнѣ въ одной просьбѣ.“

„Хотя бы она спрѣдѣла моей жизни, не ошкаржу тебя!“

„Удаляйся бивы, прошу тебя, брось свой мечъ; острѣе его стремись уже прѣшивъ пвоего собственнаго сердца! Брось его ошъ себя далѣе, я прѣдоспѣрегаю тебя!“

„Ты обманываешься, Аринія!“ воскликнулъ Варъ: „но какъ изьяснить мнѣ сладкія прѣдчувствія моего сердца? Клянусь всемогущимъ Амуромъ, ты любишь меня!“ Спрѣмишельно обхватилъ Варъ сильною рукою смущенную дѣвушку, и воскликнулъ

въ восторгѣ: „прочь шеперь вы, боги Валгалы и вы, обѣщавши Олимпа: она моя, моя! . . . Какого блаженства не достпаетъ мнѣ, когда заключилъ я въ объятія обожаемую мною Аринію!“

„Оспавъ меня, если тебѣ драгоцѣнна жизнь моя,“ умоляла шрепещущая дѣвушка; „Друиды приближаются убрашь оспашки жершвоприношенія. О Варъ! умоляю тебя, оспавъ меня, если ты въ самомъ дѣлѣ меня любишь!“

Тутъ полководецъ, не смотря на пламень, пробѣгавшій по всѣмъ его жиламъ, преодолѣлъ неукротимое стремленіе; внялъ моленію беззащитной дѣвы, напечаталъ жаркій поцѣлуй на помершвѣлыхъ устахъ Ариніи, и поспѣшилъ удалиться.

Опчаянная дѣвушка, ослабѣвъ отъ борьбы душевной, упала изнеможенная на колѣна предъ жертвенникомъ. Она предостерегла своего возлюбленнаго, нарушила клятву свою; боги опечесшвенные казались ей за то разгнѣванными: опдаденные перекашъ грома глухо раздавались въ горахъ и сильный вѣтръ завывалъ уныло въ густыхъ дубовыхъ лѣсахъ, окружавшихъ древній Сингрунскій жертвенникъ.

Предъ ея мысленными взорами появились шеперь грозныя картины будущности:

боги язычества, исчезающіе предъ ученіемъ Распяшаго на крестѣ, и въ душу Ариніи пролился внезапный лучъ надежды и утѣшенія; но слабое тѣло изнемогло подъ тяжестію скорби и сильнаго внутренняго движенія. Когда Друидъ приблизился съ своими прислужниками, чѣмъ погасить догаравшіе угли, которые бывъ разнесены вѣтромъ, могли бы легко причинить пожаръ въ священной рощѣ, — но нашелъ дѣву сію, лежащую безъ чувствъ, и велѣлъ осторожно перенести ее въ домъ стараго Мело.

Исполненная клятва.

Едва только наступило утро другаго дня, какъ Сегесъ уже стоялъ у палатки Вара, и велѣлъ доложить о своемъ приходѣ, какъ можно поспѣшнѣе. Полководецъ Римскій вышелъ, уже совершенно одѣтый, и пошелъ вмѣстѣ съ Сегесомъ къ Сингрунскому жертвеннику, куда увлекала его сладкая надежда. — Сегесъ же, напрошивъ, всячески стараясь пробудить подозрѣніе и недовѣрчивость въ душѣ Вара.

„Я слышу,“ сказалъ онъ во время своего разговора съ нимъ: „ты хочешь послать значительный отрядъ Римскихъ воиновъ на помощь Князю Кимровъ противу маниеж-

ныхъ Исландцевъ? Но скажи мнѣ, полководецъ, для чего ты ослабляешь такимъ образомъ свое войско?“

„Эпошъ Князь самъ просилъ меня о помѣ,“ возразилъ Варъ: „его подданные не хошашъ повиновашься Римскимъ законамъ, а съ помощію воиновъ моихъ, онъ ихъ легко принудитъ къ повиновенію. — Впрочемъ, чрезъ эпо я нимало не ослабилъ силы моего войска: Арминій стоитъ недалеко со своими Херусками; Герцогъ Мело, кошорый прежде былъ ко мнѣ непріязненъ, предложилъ также своихъ воиновъ; Кашшы приближающіяся, а Брукшеры уже собрались здѣсь. Всѣ сіи поколѣнія должны присоединиться къ моимъ легіонамъ, стоящимъ лагеремъ въ Тевшобургскомъ лѣсу; тамъ-то соединивъ вмѣстѣ такое многочисленное и храброе войско, согласное повиновашься волѣ моей, я отправлюсь съ нимъ на покореніе независимыхъ еще племенъ Германскихъ.“

„Ты весьма слѣпо полагаешься на свое счастье,“ возразилъ Сегесшъ, съ задумчивымъ и подозрительнымъ видомъ. — „Спрашивалъ ли ты, полководецъ, совѣша у своего Авгура? Знаешь ли, что вчера цѣлый рой пчелъ ухвѣлся на одинъ изъ Римскихъ орловъ; эпо предзнаменованіе весьма печали-

до и смушило воиновъ своихъ!... Даже самъ Германъ“

„На подобныя предзнаменованія не обращаю я никакого вниманія,“ перебилъ рѣчь его Варъ, смѣючись. — „Ни одинъ просвѣщенный Римлянинъ не вѣритъ уже болѣе оракуламъ, почиая ихъ за хипрость жрецовъ, въ обманъ суевѣрной черни.“

„Германъ, котораго ты хочешь очернить въ глазахъ моихъ и сдѣлашь подозрительнымъ, не спремишься, подобно тебѣ, Сегестъ, къ распространенію своихъ владѣній; нѣтъ, эго я давно бы могъ примѣшнть. Арминій ничего отъ меня не скрываетъ; да и Варъ не допуститъ провести себя.“

„Къ сожалѣнію, я примѣчаю эго за побою; и мнѣ кажется, что Германъ не безъ причины взялъ на себя тяжелый трудъ привлечь на свою сторону всѣхъ Нѣмецкихъ Князей, побудилъ ихъ вооружить своихъ подданныхъ и собралъ всѣхъ въ одно мѣсто.“

— „Все эго было сдѣлано по моему настоянію и съ моего согласія!“

„Въ самомъ дѣлѣ? И никакое подозрѣніе не смущаетъ души твоей, Варъ?...“

— „Нѣтъ, Сегестъ; я полагаюсь на Германскую вѣрность, хотя и себя хорошо знаю. Однако жъ, не задерживай меня здѣсь.“

долго. Ты щещно спаряешься привестъ въ подозрѣніе у меня Арминія. Я теперъ ясно понимаю причину, отъ которой происшекаетъ такая твоя ко мнѣ преданность; ты завидуешь дружбѣ моей къ нему; можешь быть, опасаясь потерять чрезъ него какія либо свои выгоды. Такъ, я скажу тебѣ въ немногихъ словахъ: планъ твой, сдѣлаться владыкою всей Германіи, не созрѣлъ еще, и долго можешь быть не созрѣешь. Теперь же оставь меня одного, и спускай своей дорогой; въ Тевтобургскомъ лѣсу надѣюсь увидѣшься опять съ побою и твоими воинами.“

„Нѣтъ, туда не явлюсь я; сердечно желаю однако жъ, чѣмъ тебѣ не пришлось тамъ вспомнить о моихъ совѣсахъ и увѣщаніяхъ!“

— „Неужели ты воображаешь, что я испугаюсь, если бъ Германцы и въ самомъ дѣлѣ приняли безразсудное намѣреніе поступить со мною непріязненно? Сравни только наши оружія съ вашими; взгляни только на наши страшныя колесницы, вооруженныя косами, на нашихъ дашниковъ и нашу конницу!“

„Но, среди болошь и лѣсовъ, они ни къ чему не будутъ годиться,“ прервалъ Сетгесъ хладнокровно.

„Правда, ихъ успѣхъ бываетъ не всегда одинаковъ, но по крайней мѣрѣ разноситъ ужасъ и безпорядокъ между рядами враговъ нашихъ! Пращники и стрѣлки Римскіе гораздо превосходятъ Германскихъ; у воиновъ вашихъ одни только булавы, корешки копья, деревянные щиты; не многіе изъ нихъ имѣютъ на себѣ шлемъ, панцырь или кольчугу. Правда, Херуски вооружены совершенно по обычаю Римлянъ, но число ихъ не велико. Варъ уподобился бы тогда робкому и ничего незнающему ошроку, а не опытному полководцу, если бы допустилъ такому неосновательному страху овладѣть собою.

Сегесъ хотѣлъ возразить что-то, но вдругъ, въ ту самую минушу приходишь Германъ, вооруженный съ головы до ногъ, чтобы распрощаться съ Полководцемъ Римскимъ.

„Ты возвращаешься опять въ Тевшобургъ,“ сказала Варъ: „черезъ нѣсколько дней намѣреваюсь и я сюда отправишься; тамъ-то мы опять увидимся.“

„Достойнымъ образомъ прику я тебя тамъ,“ ошвѣщивалъ Германъ важно, и обратился шопчасъ къ Сегесу, съ сими словами: „Башюшка! Тунильда просишь, чтобы вы сопровождали ее во время

дороги, и вы конечно не откажете дочери вашей въ ея просьбѣ.“

— „Но, кажешся, неприлично будешь мнѣ...“ ошвънштвовалъ Сегестъ, запинаясь и какъ бы прошивъ воли. „Очень будешь прилично,“ прервалъ его Варъ поспѣшно, желая во что бы то ни стало избавиться отъ такого несноснаго совѣтника. „Ты не долженъ отказывать дочери своей въ этой просьбѣ; пусть будешь это хотя наружнымъ знакомъ вашего примиренія. Прощайте! чрезъ нѣсколько ночей, ибо вы Германцы прошекшее время считаете не днями, мы будемъ всѣ вмѣстѣ весело пировать въ Тевтобургѣ.“

Какъ скоро только Сегестъ и Германъ удалились, къ Вару подошелъ Римскій Ценшуріонъ съ увѣдомленіемъ, что все уже готово къ отъѣзду. „Я буду провожать Герцога Мело до самаго его жилища,“ сказалъ ему Полководецъ: „заѣду потомъ въ Ализо, чтобы дать тамъ нѣкоторыя повелѣнія Луцію Аспренъ, который стоитъ съ своею конницею на лѣвомъ берегу Рейна; а изъ Ализо, куда стекаются вмѣстѣ всѣ чешыре военныя дороги, проложенныя къ Рейну, мнѣ весьма удобно будешь, не теряя времени, сообщать ему мои планы и распоряженія. Чрезъ нѣсколько дней потомъ пой-

демъ мы опшуда всѣ къ главному корпусу, стоящему лагеремъ въ большомъ Тевшобургскомъ лѣсу, гдѣ присоединяшся къ намъ также вспомогащельныя Германскія войска.“

Ценшуріонъ ушелъ, изъясляя своими шѣлодвиженіями и взорами недовѣрчивость и подозрѣніе, а Варъ опсправился, въ сопровожденіи Ариніи и Герцога Мело, въ замокъ сего послѣдняго.

Такимъ образомъ, надменный вождь, по безопасности своей и самонадѣянности, непримѣчавшій бездны, гошовой поглотилъ его, и неожиданшій такъ скоро преждевременной и жестокой смерши, насладился еще, хотя и короткое время, высочайшимъ блаженствомъ жизни — очарованіемъ, какое ощущаемъ, находясь въ сообществѣ съ предметомъ пылкой спрасши! Любовь Вара къ Ариніи явилась шеперь во всей своей силѣ. Хотя присущствіе суроваго опща ея препяшствовало ему показывать и малѣйшіе признаки пылкой спрасши своей, но въ самомъ чувствованіи любилъ и былъ любиму, хотя бы ѡша увѣренность была шолько воображаемая, находишся какое-то непоняшное удовольствіе, превыщающее самыя пыкіе порывы спремительныхъ вождельнѣй и сильныхъ движеній душевныхъ.

Аринія была ласкова, внимательна, но въ то же время важна и сурова въ обхожденіи своемъ съ Римляниномъ, въ пылкихъ взорахъ кошораго находила она увѣреніе, что ее считаешь онъ существомъ самымъ возвышеннымъ, священнѣйшимъ, нежели всѣ богини Олимпа.

Римскій полководецъ отправился пошомъ въ замокъ Ализо, и послалъ пошъ же часъ гонца къ Луцію Аспренъ, съ повелѣніемъ присоединиться къ главному корпусу и расположить воиновъ своихъ по квартирамъ; такіе же пошю гонцы отправлены были къ ошрядамъ, споявшимъ на берегахъ Эмса, и къ Кимврамъ, обитавшимъ по берегамъ морскимъ.

Но, къ крайнему удивленію своему, Варъ узнаешь на другой день, что еще въ прошлую ночь, воины Мело снялись съ мѣстъ своихъ и отправились къ Херускамъ. Намѣреніе полководца Римскаго было помѣшпшь Сигамбрійцевъ, въ вѣрности которыхъ онъ еще сомнѣвался, между своими шѣлохранишелями, дабы такимъ образомъ имѣть ихъ всегда у себя въ виду. Не смотря однако жъ на сіе обстоятельство, по своей безопасности и самонадѣянности, онъ нимало не примѣчалъ угрожавшей ему опасности. Какъ скоро настало утро другаго

дня, Варь, сопровождаемый нѣсколькими своими Ценшуріонами, посѣщилъ замокъ Герцога Мело, между тѣмъ, какъ шѣлохранишельная его стража, въ полномъ вооруженіи выступала чрезъ крѣпостныя ворота. Варь быстро обошелъ пустыя комнаты жилища Мело, въ наизрѣніи еще разъ увидѣвъ Аринію, и узнавъ, что она прогуливается въ саду. Онъ въ самомъ дѣлѣ, нашелъ ее тамъ подъ тѣнію дуба, погруженную въ глубокія размышленія. При взглядѣ на Римлянина, внезапная блѣдность, которую Варь принялъ за восхищеніе спыдамой любви, покрыла прелестное лице невинной дѣвушки. Сказавъ ей упрямее привѣтствіе, хотѣлъ онъ уже въ пылу спросить своей, прижавъ къ своему сердцу задумчивую красавицу, какъ вдругъ одинъ неизвѣстный, одѣтый по обыкновенію Германцевъ въ звѣриныя кожи, вбѣгаетъ въ садъ, и падаетъ на колѣна предъ полководцемъ Римскимъ. Въ ту же минушу, незнакомецъ поспѣшно сбрасываетъ грубую одежду свою и медвѣжью шапку скрывавшую черныя лица его, а Варь узнаетъ въ немъ своего раба, котораго онъ нѣкогда подарилъ Сегесшу. Вынувъ пошомъ изъ кармана вощаную дощечку, пришлецъ подаетъ Вару, и сей прочитавъ на ней слѣдующее извѣщеніе.

„Полководецъ! тебѣ измѣнили. Возмущившія Германскія племена съ непріязненными намѣреніями окружають лагерь твой со всѣхъ сторонъ. Побѣды уже войны твои, между Эмсландцами и Кимврами сдѣлались. Съ опасностію своей жизни, приносишь тебѣ это извѣстіе рабы сей!“

„Итакъ, правда все, что говорилъ онъ мнѣ?...“ воскликнулъ полководецъ, какъ бы пробуждаясь послѣ глубокаго сна. „Такъ, Римъ! ты найдешь во мнѣ сына достойнаго себя!... Аринія! ты также предостерегла меня о томъ на ушесѣ Гогенштейнскомъ; я люблю тебя, какъ только смертный можетъ любить; ты находишь меня непрощивнымъ себѣ; и такъ, спускай въ мои объятія, слѣдуй за мною въ лагерь Римскій!“

„Никогда!“ воскликнула дѣва, принимая видъ величавый: „дѣлай, что тебѣ предписываетъ долгъ твой; сражайся, умри даже за свое ошечество, если это будетъ необходимо. Я готова на такую жъ жертву. Тамъ, гдѣ нѣтъ ни времени, ни прощанія, гдѣ обнимаешь вѣчное спокойствіе, миръ и блаженство, тамъ опять увидимся мы другъ съ другомъ! — Прощай!...“

„Какъ?... ты прошивишься?... презираешь меня?“ воскликнулъ полководецъ, приходя въ гнѣвъ. „Ты хочешь, чѣшбы я упошребилъ насиліе? Неужели ты думаешь, что воля Римлянина должна преклоняться предъ упрямствомъ твоимъ?... Ценсуріоны, сюда!... Первый Римлянинъ основалъ опечество свое, похишивъ въ первый же разъ Сабинку; шакъ точно и я спасу шеперь Римъ, похишивъ силою упрямую Германку!“

Раздраженный сопровивленіемъ, Варъ обхватилъ крѣпкою рукою своею беззащитную дѣву; но сія поспѣшно вырвалась изъ объятий Римлянина, и оставивъ въ рукахъ его верхнее свое плашье, ушпредила въ бѣгство къ замку, чрезъ ряды воиновъ, удивленныхъ шакимъ подвигомъ, испуская жалобные крики и призывая къ себѣ на помощь. Герцогъ первый услышалъ пронзительный и печальный вопль своей дочери: онъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ вѣрныхъ слугъ своихъ, спремительно выбѣгаетъ, вооружась одною шолько булавою.

„Ошкройше двери въ садъ!“ воскликнулъ Варъ своимъ шѣлохранишелямъ. Въ минушу, двери были выломаны, и множество Римскихъ воиновъ вбѣжало шуда, спараясь разлучить Мело и немногихъ васса-

ловъ его, усспремившихся на помощь къ бѣгущей дѣвѣ.

Герцога сражался, какъ бѣшенный, но велико было число враговъ его: скоро, получивъ три тяжелыя раны, упалъ онъ безъ чувствъ на землю, орошенную его кровію.

Мужественная Аринія, вырвавши мечъ у одного воина, хотѣла съ сею помощію проложить себѣ дорогу на другой конецъ сада, чрезъ густыя шолы сбѣжавшихся опъсюду Римлянъ.

„Смерть тому, чей мечъ дерзнешъ ее ранишь!“ закричалъ вдругъ полководецъ громовымъ голосомъ, и Римляне шолько что спарались опражать ея удары. Почти уже достигала она своего намѣренія, и прорвалась сквозь ряды воиновъ, какъ одинъ смѣлый юноша, во время сего сраженія, успѣлъ выбишь мечъ изъ рукъ опчаянной дѣвы.

Съ быспрошою лани успремилась тогда Аринія къ восточной часпи сада, гдѣ небольшая рѣчка, падая съ крухыхъ утесовъ, образовала водопадъ, поглощаемый пошомъ спрашною бездною. Молодой Римлянинъ почти догналъ ослабѣвшую опъ продолжительнаго и быспраго бѣга дѣву; уже онъ гошовъ былъ схавишись за ея злашопидные волосы, рассыпавшіеся по плечамъ; еще одинъ шагъ, и Аринія сдѣлалась бы до-

бычею отважнаго юноши; но мужественная Германка, предпочитая славную смерть пошлудному рабству, ни мало не колебалась, низверглась въ пѣнящіяся волны прежде, нежели Римлянинъ успѣлъ схватить ее. Быстрое печеніе воды увлекло ее въ самую бездну, крутые утесы расперзали ея нѣжное шло, и пѣнящаяся поверхность обогрилась дѣвическою кровью. Какъ изшупленный, остановился шудъ юный Римлянинъ, въ изумленіи ошъ геройства Германки, и самъ полководецъ вострепещалъ ошъ ужаса.

„Туда,“ воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ, указывая на бездну рукою своею: „туда скрылись безвозвратно сладчайшія надежды жизни моей! Мечъ и непреклонная воля! уже ль вы не въ состояніи прошивушашъ непреложнымъ ушавамъ судьбы?“ Сказавъ сіи слова, полководецъ остановился и молчалъ, какъ бы вопрошая самого себя.

„Прочь, прочь ошсюда,“ воскликнули начальники воиновъ: „удалимся ошсюда прежде, нежели возстанешъ прошивъ насъ весь народъ, и новое кровопролитіе возникнешъ въ сихъ мѣстахъ.“ Почши не помня самаго себя, Варъ далъ приказаніе вышупишь, и жилище Мело опустѣло. Герцогъ и нѣсколько изъ его приближенныхъ лежали

или мертвые, или тяжело раненные на зеленой правѣ уединенной рощи, въ коей свершилось преступленіе, предавшее душу влюбленнаго Вара угрызейямъ совѣсти.

*Собраніе Германцевъ въ Танфананской
рощѣ.*

Восшедшая на горизонтѣ луна, освѣтила блѣдными лучами своими рощу Танфананскую; въ срединѣ сей древней рощи, на обширномъ и гладкомъ полѣ, собрались уже Князья и вожди Брукшеровъ, Кашшовъ, Хауковъ и другихъ Германскихъ племенъ; между ними находились также и Князья Дулгибріевъ, Сегесшъ, и Германъ, Герцогъ Херусковъ.

Скоро открылось шумное военное собраніе, коего начало возвѣщено было громкими ударами въ щипы и грозными криками, далеко разносимыми вхомъ сосѣднихъ ушесовъ.

Безчисленное множество вооруженныхъ рашниковъ волновалось на пространной равнинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ шрема рядами высокихъ и густыхъ деревьевъ.

Посреди сей-то поляны видѣнь былъ дерновый холмъ, на коемъ устроены были сѣдалища Князей, а вблизи сего холма спрунлся испочникъ, считаеый у Германскихъ племенъ священнымъ.

Разсѣянная въ надлежащемъ порядкѣ почетная сѣража Нѣмецкихъ владѣтелей, окружала холмъ сей со всѣхъ сторонъ. За сею сѣражею стояли, въ нѣкошоромъ отдаленіи, ошцы семействъ, старѣйшины, просые войны и обитатели окрестныхъ сѣранъ, сопровождаемые густыми толпами своихъ женъ и дѣшей, собравшихся изъ любопытства. Тишина, подобная морской предъ наступающею бурею, господствовала среди необышной толпы народа, коей легкій малѣйшій ропотъ казался отдаленнымъ рокошаніемъ грома. Взоры всѣхъ присуществовавшихъ устремлены были съ любопытствомъ на верховнаго Друида, кошорый, завернувшись въ длинную мантію ослѣпительной бѣлизны, сидѣлъ при входѣ въ пещеру, ископанную человѣческими руками въ срединѣ священнаго холма, и обложенную снаружи камнями. Въ глубинѣ ея, подъ крѣпкими запорами, хранились четыре лошади бѣлой шерсти, посвященные Водану, и по сей причинѣ, неупотреблявшіеся ни на какую работу.

Когда въ общемъ собраніи всѣхъ Германскихъ племенъ рѣшено было начать войну, то обыкновенно впрягали ихъ въ священную воинскую колесницу; изъ ихъ ржанія и посхуи, главный Друидъ предсказывалъ

успѣхъ или неудачу начинаемаго предпріятія. — По сей причинѣ, собравшіеся Германцы, съ нешерпѣніемъ и любопытствомъ ожидали вѣхода ихъ изъ мрачнаго убѣжища, въ коемъ они сберегались. — Между тѣмъ, какъ кубокъ или лучше скажешь грубой бычачій рогъ прилежно переходилъ по рядамъ собравшихся кучами Германцевъ, Германъ спарался увлечь сердца соотечественниковъ пылкимъ краснорѣчіемъ своимъ, и кончилъ убѣжденіе свое призывомъ къ бишвѣ съ Римлянами, что съ несказаннымъ воспоргомъ было принято всѣми. Только одинъ презрѣнный и малодушный Сегестъ прошивурѣчилъ ему; но прочіе Германскіе Князья послѣдовали примѣру мужественнаго Князя Херусковъ, и положено было единогласно ошважись на священную брань, сразись съ Римлянами за свободу и спокойствіе Германіи.

Тутъ внезапно послышались жалобные крики и стоны, пошомъ мало по-малу увеличивающійся ропотъ между народомъ, а наконецъ неистовыя восклицанія тысячъ голосовъ: убійство!... мщеніе!... война!...

Величественно подвигалось ближе и ближе печальное шествіе сквозь густыя толпы Германцевъ, разсупавшихся, что-бы дать дорогу, и съ почтеніемъ привѣш-

снвовавшихъ приближающихся къ нимъ со-
ошечесшвенниковъ.

Двѣнадцать дѣвицъ, одѣшыхъ въ печаль-
ное плашье, держа въ рукахъ пламенники,
несли погребальный одръ, на коемъ лежало
шѣло обернутое въ бѣлое полошшо и укра-
шенное множествомъ цвѣшочныхъ вѣнковъ.
За ними слѣдовало много другихъ дѣвушекъ,
женщинъ и ошроковъ, одѣшыхъ также въ
печальный уборъ: сіи послѣдніе несли ду-
шистое дерево для похороннаго костра.
Впереди процессіи шель важно верховный
жрецъ Сигамбрійскій, держа въ правой ру-
кѣ своей жершвенное орудіе.

Собравшіся на полянѣ шолпы Герман-
цевъ обоого пола съ нешеришніемъ бросились
на-вспрѣчу приближающихся, и когда
печальное шесшвіе дошшигло священнаго
холма, возсѣдавшіе на ономъ Германскіе
Князья посшѣшно ошшавили мѣшпа свои, а
Германъ, глубоко пораженный симъ печаль-
нымъ зрѣлищемъ и восшоминаніями прежней
своей несчастной любви, воскликнулъ съ
горесшію: „Аринія! О боги! — неужели
шебѣ суждено было сдѣлашься первою жер-
швою? . . .“

„Вдохновенная дѣва пала подѣ ударами не-
шшоваго врага нашего“ — сказала суровымъ

голосомъ Первосвященникъ. — „Мщєніе!... война!...“ кричалъ собравшійся народъ.

„Можешь ли ты заславить испочникъ обратиться противъ его печенія?“ сказала Германъ споявшему подлѣ него Сегесту, „Взгляни, вошь здѣсь лежишь Германская Лукреція! Она уподобляется шеперь божественной искрѣ, ошъ кошорой воспламенишся мщєніе ея соотечественниковъ!“ — „Война, война непримиримая!“ воскликнули опять всѣ Князья и обнажили мечи своимъ. „Германъ будь предводителемъ племенъ Германскихъ! — Германъ, будь нашимъ начальникомъ! — веди насъ на бишву!“ повшорилъ народъ съ радостными криками, и воины, въ знакъ своего согласія, ударили мечами въ щипы, шакъ, чшо звучное эхо раздалось далеко по полямъ и окреснымъ ушесамъ.

Друидъ Либисъ вывелъ попомъ изъ пещеры чешырехъ священныхъ Водановыхъ коней, и надѣлъ на нихъ серебряную сбрую, украшенную искусно разными воинскими эмблемами. Гордые кони били ошъ нешерцнїя объ землю копытами и громко ржали, радуясь свободѣ своей, а собравшійся народъ съ восхищеніемъ принялъ сіи признаки за счастливое предзнаменованіе. Замѣчено было шакже, чшо кони, выходя изъ пещеры, подняли напередъ свою правую ногу, чшо

не менѣе почиталось благопріятнымъ знакомъ.

Какъ скоро впрягли ихъ въ колесницу Водана, поспѣшно вскочилъ на нее Германъ, избранный Полководцемъ племенъ Германскихъ, а главный Друидъ вручилъ ему попомъ изображенія воинскихъ боговъ Германіи: главу Туискона, лошадь и льва, кои грубо были выдѣланы изъ камня. Сіи спашуи хранились также въ священной пещерѣ, и только во время войны были выносимы опшуда.

Сопровождаемый радостными криками всего народа, Германъ, сидя на колесницѣ, двукратно пробѣжалъ по равнинѣ Танфананской, и когда, окончивъ бѣгъ сей, приготовлялся сойти на землю, къ нему приблизились двѣнадцать храбрѣйшихъ воиновъ, державшихъ къ верху щипы свои. Посадивъ на оные новоизбраннаго начальника, гордо пронесли они его чрезъ ряды восхищенныхъ рашниковъ. Удары тяжелыхъ булавъ и бердышей объ щипы, коими, по своему обыкновенію, Германскіе воины оказывали радость свою, несстройные крики женъ и дѣшей, и пронзительные звуки роговъ и другихъ музыкальныхъ орудій Германскихъ, разнеслись вѣхомъ на нѣсколько миль въ окружности сквозь мракъ и тишину ночную. —

Между тѣмъ жрецы сложили уже на вершинѣ священнаго холма погребальный костеръ, долженствовавшій пожрать смертные останки Арини. Хотя онъ уже былъ совершенно гошовъ, однако все еще медлили зажигать его, ибо собравшіяся тамъ разныя племена Германскія съ неперпѣніемъ и нѣкоторымъ благоговѣніемъ желали еще разъ увидѣть и облобызать охладѣвшее тѣло героини.

Сообразно обычаю Германцевъ, погребальный костеръ не былъ покрытъ драгоценными шкурами, ниже наполненъ какими либо благоговѣнными сосавами; единственное украшеніе умершей состояло изъ одежды помятаго бѣлаго полотна и ожерелья изъ яншара, добываемаго на берегахъ опечесшвеннаго моря. Длинные злашовидные волосы Арини были распущены, а прекрасное лице ея, среди хладныхъ объятій смерти, являло собою красосу болѣе нежели земную.

Вскорѣ попомъ распространилась мало помалу молва, что сія доспойная имени своего Германка, избѣгая насилія Вара и предпочипая славную смерть безчестію, бросилась въ пѣнящіяся волны, и Герцогъ Меао, кошорый тогда же былъ тяжело раненъ Римлянами, нарочно опсправилъ въ Тан-

фанганскую рошу бездушное шло своей дочери, чщобъ шмъ легче, возбудить собравшихся шамъ Германцевъ къ мщенію прошиву ихъ несповыхъ и коварныхъ враговъ.

Намзреніе злоцолучнаго опца исполнилось, какъ нельзя лучше: участие, которое приняли собравшіеся Германцы въ горестной судьбѣ, постигшей Аринію, обратилось почти въ свирѣдось. Князья ихъ покаялись на прахъ мужественной дѣвы, пожертвовавшей жизнью за отечество, уничтожили замыслы надменныхъ владыкъ свѣша; а простые воины съ величайшею охотою повшорили сію клятву. Народъ бросился, какъ бѣженный, со всѣхъ сторонъ, чщобъ еще разъ прикоснуться и облобызашъ печальную жертву; каждый спорилъ другъ съ другомъ о чести, получить хотя одинъ изъ цѣвшковъ, украшавшихъ погребальный одѣгъ усопшей.

Какъ скоро показалась утренняя заря и водненіе сердецъ успокоилось, верховный жрецъ схватилъ пламенникъ, оборотился лицомъ къ востоку, и при первомъ лучѣ восходящаго солнца, бросилъ его на костеръ.

Въ минушу вспыхнуло сильное пламя, и шло Ариніи обратилось въ кучу пепла; стоявшіе вокругъ костра жрецы и двнад-

цашь Сигамбрійскихъ дѣвъ воспѣвали между
пѣмъ печальную пѣснь смерти, а собрав-
шіеся шуть Германцы обоого пола помо-
гали имъ своими голосами. — Когда же пла-
мя погасло, прахъ вдохновенной дѣвы былъ
сбранъ въ просхую глинную урну и пре-
данъ пошомъ опечесивенной землѣ. Свѣжая
могила Аринія оросилась кровію жершвъ,
а изъ ихъ препещущихъ внушренности
жрецы съ шоржественными обрадами воз-
вѣспали собравшемуся народу, что боги
предаютъ Римлянъ праведной жести, и же-
лаемая всѣми война кончится гибелію сихъ
послѣднихъ.

М и щ е н і е.

Германъ умѣлъ воспользоваться симъ
расположеніемъ умовъ и ненавистію племени
Германскихъ противъ Римлянъ; изъ средины
Танфананской роши, онъ побѣлъ ихъ прямо
на бишву. Римляне были окружены теперь
со всѣхъ сторонъ ожесточившимся врага-
ми; цѣлые три дня продолжалась упорная
и кровопролишвая бишва среди непроходи-
мыхъ лѣсовъ, куда завлечены были въ заса-
ду легіоны Римскіе. Сегешъ принужденъ
былъ своими воинами, противъ воли своей,
сражаться съ Римлянами.

Луцій Аспрена посвѣщилъ имъ на помощь съ береговъ Рейна; но имѣя малое число воиновъ, не смѣлъ вѣшупишь въ сраженіе; посему самая малая часть Римской конницы спаслась отъ ударовъ торжествующаго врага, и только по безпрестаннымъ трубнымъ звукамъ, раздававшимся въ спани искуснаго Аспрены, Германцы подумали, что войско его гораздо многочисленнѣе, нежели каково оно въ самомъ дѣлѣ было, и потому не отважились далеко преслѣдовать разбѣянные всюду остатки Римскихъ легіоновъ. Безъ сей счастливой хитрости Аспрены, ни одинъ человекъ изъ всего Римскаго войска не избѣгъ бы свирѣпости Германцевъ. Позлащенный орелъ гордыхъ легіоновъ былъ брошенъ и скрытъ среди густоты лѣсной, въ шинъ болошной. На высокомъ холмѣ, посвященномъ Одину, посѣдѣвши, текла кровь военнопленныхъ, и когда знавшіе воинскіе чиновники и Римскіе Ценшуріоны закалаемы были на дикомъ жертвенникѣ Гогенштейна, въ честь луннаго бога, Мело, отецъ Аринія, сладкимъ чувствомъ удовольствореннаго мщенія оживленный, воскликнулъ въ восхищеніи: „Варъ! воззри сюда изъ мрачнаго царства Геллы; вершина Гогенштейна окропилась опять кровію нашихъ враговъ!“ — Спусти шестъ

лъпъ посаѣ сего промисшесѣтія, Германикъ, сынъ Друзовъ, проникнувъ въ сію спрану, велѣлъ собрать въ одно мѣсто кости своихъ неосторожныхъ соотечественниковъ, и предасть ихъ съ честью погребенію. Эпота погребальный холмъ еще и понынѣ видѣнъ въ Вестфаліи, и составляетъ любопытный памятникъ для ученаго Аншакуарія. — Германія освободилась отъ ига Римлянъ. Августъ запрещежалъ за своимъ трономъ; онъ воскликнулъ въ отчаяніи: „Квинтилиѣ Варъ! ошдай мнѣ мои легіоны!“ Но Варъ не могъ уже болѣе вняти рѣчамъ Императора. На третій день битвы, когда уже все пропадо для Римлянъ, полководецъ, весь израненный, ринулся въ отчаяніи на свой острый мечъ, подобно древнему Римлянину, предпочитая самую смерть постыдной жизни. Вся усилія Римлянъ подвергнувъ Германію опять своему владычеству, уничтожены были мужростию и геройскимъ духомъ Германа, однако жъ предчувствіе Тунильды въ самомъ дѣлѣ, по спеченію обстоятельствъ, исполнилось. Счастіе оставило его, какъ скоро слава назвала его своимъ любимцемъ. Сегестъ скоро потомъ опять приблизился къ Римлянамъ. Недовольные такими его поступками, другія Нѣмецкія племена осадили его въ самомъ его замкѣ, и сей измѣнникъ

ошечества вторично естала просити поможу у Римлянъ. Германикъ поспѣшилъ къ нему, разбилъ Нѣмцевъ, освободилъ Сегестя и завоевалъ Тевшобургъ, въ кошоромъ жишельствовала вѣрная и прекрасная, Тунильда. — побѣдитель повлекъ сію драгоценную добычу въ Италію вмѣстѣ съ другими своими плѣнниками. Тамъ была она блистательнѣйшимъ украшеніемъ шріумфа, кошорый заслужилъ Германикъ своими подвигами. Сегестъ также долженъ былъ предшествовать при семъ шоржествѣ, какъ союзникъ Римлянъ, и сморшъ съ спокойнымъ лицомъ, какъ собшвенная его дочь, Тунильда, Княгиня Херусковъ, обременная золотыми оковами, съ благородною гордостію шла передъ шоржественною колесницею побѣдителя. Но благородная Германка неудоштила ни однимъ взоромъ ни презрѣннаго ошца своего, предавшаго ее врагамъ ошечества, ниже гордаго своего побѣдителя. Съ опущенными внизъ глазами и съ величавою осанкою окончила она назначенный ей пушъ; самый народъ Римскій не могъ ошказати ей въ уваженіи, какое умѣла она внушити. Вскоръ пошомъ родила она сына, кошорый воспитанъ былъ въ Равеннѣ, и никогда не видалъ ошца своего.

Безпрестанно сражаясь и всегда оспы-
ваясь побѣдшелемъ, жилъ Германъ послѣ
сей роковой битвы еще 12 лѣтъ, проводя
въ уныніи и горестни жизнь свою, какъ
мужъ, лишившійся милой супруги, но вѣр-
ный своему народу и своимъ обязанностямъ.
Пошомъ, по наущенію враговъ своихъ, палъ
онъ подъ ударами наемнаго убійцы, на 37-мъ
своей крашкѣ, но славной жизни. Герман-
цы, дабы почтить память его, соорудили
въ честь его въ Эресбургѣ ирминзуль или
ѣтаную Арминію, которую уже велѣлъ по-
шомъ уничтожить Карлъ Великій, пошому,
что пошомки того самаго народа, кото-
рый некогда былъ освобожденъ Германомъ,
воздавали ей почти божескія почести, не
смотря на проспанство времени, про-
текшее послѣ его смерти. Однако жъ, сей
безразсудный поступокъ Карла не могъ ис-
требить славы сего мужественнаго Гер-
манца, ибо память о великихъ людяхъ со-
храняется не посредствомъ пышныхъ пи-
рамидъ иobeliskовъ, но живетъ въ серд-
цахъ и воспоминаніи благодарныхъ пошом-
ковъ, умѣющихъ цѣнить заслуги предковъ
своихъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Письмо о деньгахъ и торговлѣ.

Другъ мой!

Сосѣди твои доставили мнѣ письмо твое. Я радовался, что ты здоровъ. Разспрашивалъ о жизни бывшаго твоего. Они мнѣ много рассказали диковиннаго. Ты сталъ великій экономъ, и образецъ въ околониі; даже охотникъ до садоводства; и какъ Квинтъ Горшензій, самъ садишь Смоленскія, Тульскія и Курскія яблони и груши. Поздравляю! Но береги вино, а полива просто Воджокою водою.

Разказы ихъ меня болѣе всего удивили; и въ томъ, что ты на крѣпкій запоръ заперъ свою библіотеку. Не получаешь ни Газетъ, ни Журналовъ, и какъ Спаршанецъ, ходишь зѣвая.

Что съ тобою сдѣлалось? — „Я уединился.“ — Какъ? ты уединился! Ты уединился такъ, какъ мышь въ сырѣ. Прочитай-ка Басенку Дмишріева, анъ и будешь смышленъ.

Да! я и забывалъ; вѣдь ты спаривный мечшатель. Циммерманъ свелъ тебя съ ума. Циммермана я и слушалъ, мой другъ; но нынѣ

нѣ вижу, что Циммерманъ, обманывая себя, обманывалъ и другихъ. Разбери теперь его сказки.

„Въ уединеніи, говоришь намъ Циммерманъ, все является безъ покрова, безъ ложнаго сіянія. Въ свѣтскомъ обращеніи истинна шествуешь въ одѣяніи, здѣсь открываешься нагою.“

А ты, иоборникъ истины, и давай, давай закупориваться. Разсуждай же теперь. Для чего быть истиннѣ нагой? Почему то истиннѣе, что наго, и почему то не истинно, что одѣто?

Если бы мнѣ довелось одѣвать истину, то я одѣлъ бы ее во всю драгоценности, какія въ мірѣ есть.

Но пойдемъ за Циммерманомъ. „Гдѣ можешь пославиться въ порокъ любишь истину, обожаешь ее, и говоришь оную? Или то преступленіе, чтобы опиваешься иногда признашь истину погрѣшительно, о которой обыкновенный человѣкъ ни мало не заботится.“

„Философъ въ уединеніи говоришь опиважно, на что, можешь быть, въ обществѣ и не покусился бы.“

Сколько тушь противорчій! Философъ истину говоришь въ уединеніи; философъ говоришь ее въ обществѣ; философъ не поку-

смыслъ бы говорить истину въ обществѣ. И все это сказано на одной страничкѣ.

Я спросилъ бы Циммермана: кому же философъ, живучи въ лѣсу, въ полѣ, въ берлогѣ, или какъ Діогенъ въ бочкѣ, спать бы говорить истину?

Въ лѣсу волкамъ, чѣмбы не паскали изъ стада овецъ. Медвѣдяи, чѣмбы не ломали коровъ. Лисицамъ, чѣмбы не ходили въ курятникъ, и не крали куръ. Въ полѣ мужикамъ во время сѣвы. — Мужики бы ему ошвыбали: кормилецъ! намъ недосугъ балы-то слушать! у насъ языкъ пересохъ. И такъ, философъ въ уединеніи говорилъ бы въшу.

Хочу излечить тебя отъ проказы, и покажу тебѣ, что Циммерманъ всѣхъ морочилъ.

„Въ уединеніи, говоритъ онъ, сражающъ предразсудокъ и заблужденія, какъ боецъ поражаетъ своего сопрошивника.“

Ну, дорогой мой уединенникъ! разобралъ ли ты это пустословіе? Какіе въ уединеніи предразсудки, какое заблужденіе? развѣ въ дубровѣ кто заблудился. Но онъ обольщаетъ тебя именами великихъ людей древности.

„Периклъ, Фокіонъ и Эпаминондъ всѣмъ своимъ величіемъ обязаны уединенію. Они научились въ ономъ, шикому образу судо-

производства, какого не приобретають въ канцеляріяхъ. Всѣ удивлялись, и одинъ другаго спрашивалъ: когда и какимъ образомъ Эпаминондъ могъ научиться и обияшь однимъ разомъ Военное Искусство во всемъ совершенствѣ? “

Нѣтъ ни слова, похожаго на дѣло. Фокіонъ и Эпаминондъ никогда судопроизводствомъ не занимались, и въ уединеніи не жили.

Периклъ, какъ правитель Республики, занимался государственнымъ дѣлами, но не въ лагу, а въ Афинахъ. Чей умъ, чьи силы и чьи руки украсили Афины?

Периклъ любилъ и собранія. Аспазія угощала его друзей. Периклъ за столомъ сидѣлъ до изліанія жерпѣ. И не въ домѣ ли Перикла образовалъ себя Сократъ?

Сидѣшь въ кабинетѣ за дѣлами, по Циммерманову мнѣнію, естъ уединеніе.

Скажи: гдѣ образовали себя Аристидъ, Мильшіадъ, Солонъ,Themistocles, Алкивіадъ, Кимонъ, Тисъ, Траянъ, Антонию и Юліанъ?

Если сіи мужи не превосходятъ первыхъ, то стояшь параллельно, не бывъ никогда въ уединеніи.

Но Циммерманъ балагуръ. Чѣмъ прельщашъ уединеніемъ, и все великими людьми, но зашатишь шуда насильно обояхъ Платіевъ. Младшаго и слова приводишь.

„Неужели не освобожусь я (будто говорил Плиний) отъ узъ, меня удерживающихъ? Каждый день новыя безпокойства! Едва успѣю кончить одно дѣло, какъ встрѣчаешься другое.“

Этимъ словамъ я не вѣрю. Плиний 19 лѣтъ началъ заниматься дѣлами, и любилъ дѣла, а паче тѣхъ, гдѣ спрдадала невинность. Пошомъ былъ Консулъ, послѣ Проконсулъ. Онъ былъ изъ первыхъ вельможъ Траянова Двора; крошкѣ, милосивѣ, внимателенъ, а съ такими качествами не скучають дѣлами.

Послѣ сихъ доказательствъ, выбросишь ли ты изъ головы мысль уединенія? Брось, и по наставленію Сираха, скажи мнѣ спасибо.

Вотъ тебѣ Журналы. Читай, 1-е, Земледельческій. Это тебѣ нуженъ, для усовершенствованія пашни, для овиновъ, для леченія скота, для градо-отводовъ, и проч. деревенскихъ устройствъ.

2-е, Мануфактуръ и Торговли. И шунтъ есть много для хозяйства, лѣсоводства, винокуренныхъ и проч. заводовъ.

3-е, Замѣчанія о Сибири. Сибирь далеко отъ тебя, однако много увидишь хорошаго и любопытнаго. Вотъ сію лѣтъ, изъ всѣхъ Губернаторовъ, первый Губернаторъ написалъ то, что видѣлъ; и первый былъ въ

Березовъ: Это рѣдкость! Посѣщеніе его не шщечно было: убѣдилъ тамъ принять прививаніе оспы, и о многихъ предмѣсахъ далъ понятіе, что до него было неизвѣстно.

4-е, Рѣчь Г. Полеваго, говоренная въ Москвѣ, въ Коммерческой Академіи. Эша тебѣ докажешь, что намъ теперь неужны деньги.

„Ну, слава Богу! А мы какъ изъ нихъ хлопочемъ.“— И подъяомъ. Не уединяйся.

Ты въ Журналахъ найдешь то же, что и у Циммермана. Но какъ же быть? Прощиворчія только ошкрываютъ истину, шакъ, какъ безъ удара кремнемъ въ спаль, не вылетитъ искра. И не заблужденія ли древнихъ Философовъ ошкрыли намъ истину?

Не осердись пожалуйста, что я на многія штатки дѣлаю мои примѣчанія, не оставая уму швоему работы. Эшо вышло случайно.

Назадъ шому лѣтъ 20, когда собиралъ я библіотеку, купилъ сочиненія Г. Виршта. А читая нынѣ Журналы, встрѣшилъ въ нихъ мысли подобныя шому, и прошивныя. Захотѣлось свѣришь: кто правъ, кто виноватъ, и слово за слово, рѣчь за рѣчью, а далѣе завело и до письма.

Г. Вирштъ, написавъ книгу о Законодательствѣ, Финансахъ и Коммерціи, посвятилъ Государю Императору и говоритъ:

„Счастлива буду, когда трудъ мой произведетъ пользу для Государства, исправитъ предрассудки и заблужденія посредствомъ испытанныхъ истинъ.“

Какъ приятно Царямъ слушать истины, когда вѣрный подданный представляешь ее! Государи чаще слышатъ о злоупотребленіяхъ, слышуютъ, желаютъ истребить; но какъ причины зла отъ нихъ сокрыты, то истребляя видимое злое, остаются корень, который произрастаетъ сильнѣйшіе стебли. — Предъ Короля представленъ былъ Коломбъ въ оковахъ. Король видѣлъ страдальца, скорбѣлъ, разрѣшилъ кандалы, но причина была сокрыта: и какія же злодѣянія послѣ того разидись по Америкѣ?

Г. Вирстъ въ книгѣ своей открываетъ не только зло, но и причины зла, возрожденіе, ходъ, средства къ истребленію. Онъ чисташелей проситъ:

„Желаю, чтобы у насъ явились мужи, кои бы рѣшились, или оспорить предлагаемыя мною начала, или признавъ ихъ правильными, основать на нихъ заключенія.“ Онъ, будучи врагомъ всѣхъ тайныхъ записокъ, и всѣхъ хранимыхъ знаній, предложилъ явно свои мысли, и ожидаетъ явнаго же замѣчанія и возраженій. „Общая польза, говоритъ онъ, требуетъ, чтобы голосъ иначе

мыслящих слышанъ былъ явно. Сей голосъ будешь слышать, когда онъ произнесется громко. Похвала Правительству состоишь въ свободѣ, даруемой судить явно и безбоязненно, съ скромностію.“ И заключаешь :

„Блаженны народы, коихъ Государи требуютъ, чтобы имъ говорили истину. Возвѣщаемыя ими слова, возвышая ихъ хвалу.“

Во многихъ мѣстахъ Сочинишель одержалъ слово, а въ нѣкоторыхъ ошеступилъ, и наклоненся къ предразсудкамъ. И если бы Г. Вирсъ не имѣлъ ихъ, то былъ бы выше смертнаго. Наклоненіе его къ предразсудкамъ есть и собственное, и послѣдованіе нѣмъ Писателямъ, изъ которыхъ извлекалъ онъ мысли. Представляю одинъ предразсудокъ.

Г. Вирсъ, описывая проистекающія отъ торговли на народъ beneficia въ настоящемъ времени, показываетъ бывшую за сѣмъ лѣтъ бѣдность. Тогда пенька продавалась по 4 руб., а нынѣ по 40 руб. (1806 года) (1), отъ чего города, помѣщики и земледѣльцы улучшили бытъ свой. Напрощивъ: Чукчи, Лопари и Самоды во сѣмъ лѣтъ не улучшили своего состоянія, не подвинулись впередъ ни шагу: продають

(1) По табл. No. 3. цѣна показана 47 руб.

лисицу за ту же рюмку водки, какъ и прежде, живутъ на тѣхъ же шундрахъ, въ тѣхъ же юртахъ и норахъ; питаются шою жъ олениною, гнилою и смрадною рыбою, какъ и ошъ начала сотворенія.

Тутъ Г. Вирешъ судитъ, какъ человекъ, благородно мыслящій, сердобольный, или, какъ говорится, скорбишь, какъ философъ.

Но послѣ предразсудокъ одолеваетъ его. Онъ возстае на роскошь, на ту роскошь, которая во вселенной поставила свои проны, кѣшорой владычество, есть владычество — благошворишь, и щедрою рукою сыпашъ изобиліе на всѣ живущія твари, ошъ человека до наѣкомаго.

Я предложилъ бы Г. Вирешу вопросъ: Вамъ пріятно видѣть то, что народъ начинаеъ благоденствовать? Тѣмъ, что люди живутъ въ городахъ, селахъ, деревняхъ, мирно, подъ кровлею въ каменныхъ палатахъ (которыя за сшо лѣтъ и въ Москвѣ были диковинкою;) въ избахъ оконницы стеклянныя, а не пузырьныя; поставлены скамьи, лавки, на кошорыхъ можно и сидѣшь, и лежашъ; стулья, кресла, канапе, диваны; горницы теплыя, нѣтъ чаду и смраду, какъ у Лопарей; посуда муравленая, фаянсовая, фарфоровая; ложки деревянные и серебряныя; сшоды чистые, на сшодахъ пища

свѣжая: жирныя щи, хлѣба до-сыта, а не въ обрѣзъ, пироги; ешь яблоки, груши, сливы, виноградъ; огурцы свѣжіе и соленые, грибы, капуста, квасъ, пиво, медъ. Какъ это назвашь?

Г. Вирсшъ отвѣчаетъ: „изобиліемъ.“ А что это за слово — изобиліе?

Но спрошу еще. У изобилующихъ ешь зонтики, плащи, сертуки, кафтаны, шубы, шапки, кареты, дрожки, сани, лошади. Это что такое? „Необходимыя потребности?“

Даже. У изобилующихъ ешь лодки, барки, корабли, мачтросы, компасъ, Астрономія. Это какія необходимыя потребности?

„Корабли, отвѣчаетъ Г. Вирсшъ, плавають по океанамъ, компасъ и Астрономія показываютъ мѣсто на моряхъ, и гдѣ мореплаватели открываютъ новыя земли.“

А для чего эти открытія?

Тутъ, вмѣсто Г. Виршта, я скажу. Тутъ человекъ долженъ остановиться, размыслишь, и сказать самъ себѣ: „куда я ни кину взоръ мой, вездѣ вижу рай (1); вездѣ вижу роскошь; роскошь есть бытіе мое! Для глазъ — прелестныя цвѣты; для слуха, пѣніе птицъ; для обонянія, ароматы; для души — плоды, рыбы, скоты, птицы; для

(1) Исключая Чукчей и имъ подобныхъ.

одѣянiя, шелковый червь, хлопчатая бумага, лень, соболей и лисей мѣха.

Все это даетъ мнѣ природа. Но есть люди, кошорые говорятъ: не должно роскошествовать.

Давай вещамъ названiе: изобилiе, попребнoсти, надобности, *способъ проживанiя*; но все будешь роскошь. Она одна живошворитъ все, и всему даетъ бышiе и движенiе.

И для чего та самая торговля, о которой Г. Виретъ писалъ? Для чего Финикiане изобрѣтали пурпуровую краску? для чего они по всему тогдашнему Свѣту развозили ароматы и шкани?

Для чего Кукъ пускался въ неизвѣстныя мѣста на моряхъ, входилъ во льды? Для того ли, чшобы на островъ Овайги бытъ убишу и съѣдену?

Для чего Коломбъ попылъ открывать неизвѣстныя земли? Для того ли, чшобы въ Испанiю привезли его въ цѣпяхъ?

Скажи мнѣ, — что такое наша печаль, радость? Изобрази въ пѣ минувш Коломба, когда съ саленга закричали: земля!

Скажи, что такое есть добродѣтель, и опъ чего благошворитель льетъ слезы, когда онъ спасаетъ невинную жертву?

Опъ роскоши! Душа благотворишеля роскошествуешь такъ, какъ не роскошествовалъ ни одинъ сапранъ.

„Что такое произвело законы? говоришь Беншамъ. Польза, скорбь и удовольствіе. Наслаждаешься, наслаждаешься безъ всякой скорби, вотъ общее желаніе человѣковъ.“

Привелъ бы я тебѣ два миѣнія: Сенеки и Цицерона, одно на другое не похожія. Сенека развратъ называлъ роскошью, да и кричалъ: роскошь развратила нравы. А у него же, опъ пѣгоспи золотой и серебряной посуды (*) въ шкафахъ лежали цолки.

Но оставляю до времени разсуждать о роскоши. За слово роскошь Гельвецій подпалъ ненависти, а Римскіе Ценсоры роскошнаго человѣка исключили изъ списка Сенаторовъ.

Обратимся къ книгѣ Г. Вирста. Г. Вирстъ, первый въ Россіи писатель, который смѣлою рукою написалъ различныя распоряженія въ сборъ пошлинъ и о деньгахъ. Онъ показываешь невыгоду тѣхъ распоряженій. До него хотя и было писано кое кѣмъ, но подъ общимъ именемъ. Онъ пер-

(*) У Сенеки посуды было на 300 милл. Хорошъ Философъ!

вый прямо сказалъ о тайномъ вывозѣ (*) нашей монеты, о подвозѣ такой же монеты изъ чужихъ краевъ, подъ Русскій штемпель поддѣлываемой. Онъ явно говорилъ о контрабандѣ, что другіе только намѣкали.

Г. Вирстъ размашривалъ учрежденіе Банковъ, пользу и вредъ ихъ. Предполагаетъ большіе и малые проценты, пользу и вредъ ихъ. Разсуждаетъ о введеніи ассигнацій, о пользѣ и вредѣ ихъ. Дѣлаетъ сравненіе съ другими Государствами. Здѣсь онъ придерживается общаго предразсудка; ибо приводитъ въ примѣръ Англію, самъ же говоритъ, что Россія не то, что Англія, однако же настоитъ во мнѣніи, которое даетъ.

А я скажу, что введеніе въ Россіи ассигнацій, есть такое благотворное дѣло, за которое Великая Екатерина достойна особеннаго алтара.

Если Г. Вирстъ разсмотритъ со вниманіемъ Россію, и сдѣлаетъ карту, подобную картѣ Рѣка времени, сообразитъ свое же мнѣніе о лежащихъ по Казначействамъ

(*) Кольберъ сказалъ: если на границѣ Государства будешь скважина проколаша только иглою, то и въ шу пошечешь золото.

деньгахъ, съ злоупотребленіемъ по переводамъ, вмѣсто перевозки, то онъ самъ скажетъ: я ошибся.

О тарифѣ и запрещеніяхъ говорилъ справедливо, кромѣ малоспей, которыя въ огромной массѣ ничего не значать.

Сожалѣлъ объ исчезающемъ щещино гогарштвенномъ богатствѣ, доказывалъ такъ вѣрно, какъ дважды два. Но онъ не могъ разрушить предразсудка: ибо есть такіе чудачи, что и большіе короваи хлѣба спавяшъ въ вину. И гдѣ бы надобно призывашъ руки, тамъ связывающъ руки. Онъ не зналъ происшествій въ царствованіе Анны Іоанновны, по Новгородской Губерніи, по рѣкѣ Писѣ, около Нарвы, и по Губерніи Смоленской; сіи бы болѣе подкрѣпили его мнѣніе. „Но труднѣе бываетъ разрушить заблужденіе, нежели доказать истину,“ сказалъ одинъ Министръ.

Въ налогахъ прямыхъ и косвенныхъ много доказательствъ. Въ послѣднихъ соль, водку и табакъ Г. Вирстъ подвергаетъ большимъ налогамъ, приведя въ подкрѣпленіе Бюша. — Бюшъ шутъ и не нуженъ, ибо Г. Вирстъ судилъ и самъ хорошо; но только мнѣніе его тогда будетъ полезно, когда будетъ принято подъ условіемъ. Ибо

Англія и Пруссія, поспавденныя имъ въ хримѣрь, къ Россіи нейдушъ, шакъ шочно, какъ ассигнаціи. Тамъ лѣшо 8 — 9 мѣсяцевъ, а въ Россіи 5 — 6.

Фабрики Г. Вирсшъ разсматривалъ съ обѣихъ споронъ, и видѣлъ бѣлую и черную. Въ одной главѣ судилъ справедливо, въ другой сдѣлалъ ошшупденіе, и гдѣ онъ спавишъ бо, я бы поспавилъ 500; гдѣ 100, шамъ 1000. Чшо, однако же, нѣкошорымъ не понравишся.

Вывелъ наружу мѣнялъ, лихонимство ихъ, кошорые у бѣднаго шашашъ и поспаднюю копѣйку. А для Государства говоришъ Г. Вирсшъ, мѣнялы сушъ болѣзнь ракъ.

Я удивляюсь, какъ адское корыстолюбіе до сихъ поръ не побилло Автора каменѣмъ.

Баданси шорговме Г. Вирсшъ находилъ невѣрными, по кошорымъ не можно сдѣлать основашельныхъ заключеній; ибо до нѣкошорыхъ предметовъ добирался по догадкамъ.

Наконецъ масштабъ—серебро. На немъ вершишся и коммерція, и финансы, шакъ, какъ земля ходишъ около солнца, и вершишся на своей оси. Онъ доказываешъ сіе таблицами Но 2 и 3. Но онъ показывающъ прошивное.

За всѣмъ шѣмъ, книга и таблицы Г. Вирсша на Русскомъ языкѣ единшвенны. Изъ нихъ можно соорудишъ зданіе, если бу-

душѣ въ рукахъ хорошаго Архитектора. Но, для огромнаго зданія недоспашеъ важнаго матеріала — полишки.

Г. Вирстѣ Россійскую торговлю представилъ такъ, какъ бы она была ни съ кѣмъ несвязана. Но мы находимся уже не въ тѣхъ временахъ, когда Англичане случайно прибиты были бурей къ устью Двины.

Нынѣ Россія уже не та. Нынѣ Россія стоишь на чредѣ великихъ Европейскихъ Державъ; и если съ нѣкоторыми неравняешься въ обладанія морей, то въ другихъ отношеніяхъ имѣешь преимущество, а потому о Россійской торговлѣ разсуждать должно обмывая прежде полишку другихъ Державъ, потомъ полишку своего Государства. Безъ сихъ соображеній, всѣ предложенія и разсужденія будутъ щепетны; ибо одно происшествіе, одинъ трактатъ, какъ Архимедовъ рычагъ, переверошишь все въ противоположную сторону.

На сіи мои мысли представляю тебѣ и доказательства.

Первое. Одесса нынѣ производишь такую торговлю, какой за 50 лѣтъ, или жъ ближе, всѣ наши порты не производили. Она отъ чумы заперша, была на 5 мѣсяцевъ; наконецъ освободилась, обрадовалась, распусти-

да связанныя крылья. Теперь слушай рѣчи самовидца.

„Уже получены были порученія изъ Италіи, Франціи и Испаніи, о закупкѣ товаровъ, а особливо пшеницы; уже снаряжали суда, какъ вдругъ ночь — съ 13 на 14 Февраля все разрушила: купечество поражено было ужасомъ, и немедленно поскакали въспаше-шны, чшобы всѣ заказы пріостановить.“ — И не на бездѣлицу: Одесса производила шорговлю отъ 30 до 40 милліоновъ.

Что бы ты думалъ это было? Ошга-дашъ не шрудно. Наполеонъ сдѣлалъ высадку!

Вшорое. Кшаши здѣсь соединю коншиншалъную систему. Эша система разорала не Россію, не Европу, но весь Свѣтъ, не исключая и самого основателя. Но, къ счастью, рушилась.

Трешіе. Разрывъ, съ Кишаемъ бывшій, заставилъ насъ покупать чай у Голландцевъ, и вмѣсто рубля, платишь имъ по 5 руб. А свои товары, на Кяхшу завезенные, хоть брось. Сей разрывъ ошановилъ тогда всю Сибирскую торговлю.

Не справедливо ли мое мнѣніе, чшо не зная полишки, никакихъ въ шорговль основаній положишь нельзя? Ибо нынѣ шорговля не та, кошорую производилъ

Сидонъ; не та, которую производили Венеціанъ, Генуезцы и Ганзейскій Союзъ.

Нынѣ Европейскіе народы въ торговлѣ другъ за другомъ смотрятъ шакъ, какъ смотрятъ за ворами, чшобъ одинъ передъ другимъ чего не перешащилъ.

Едва Русскія войска перешли за Дунай, какъ въ Палатѣ Депутатовъ и начали говорить освободной торговлѣ по Дунаю и Ріону на старую дорогу, въ Индію.

Ты вскочишь и скажешь: „шакъ! шакъ! Иностранцы вездѣ успѣютъ! вездѣ хотятъ торговать, вездѣ обладають.“

Но я тебѣ говаривалъ: брось эти мысли. Они пахнутъ XVII, XV, X и всѣми назадъ бывшими вѣками невѣжества. Нынѣ вѣкъ просвѣщенія. Просвѣщеніе гнушается ненавистью. Оно идетъ иною спезею, имѣетъ иной предметъ: согласіе и дружбу. Выслушай, что одинъ великій законодатель написалъ.

„Всякаго честнаго чловѣка желаніе есть и будетъ — видѣть опечесство свое на самой высшей степени благополучія и славы.“

А по сему мнѣнію законодателя, всякой можешь о своемъ опечествѣ имѣть попеченіе. И я имѣю виды, хошя они останутся и безъ пользы.

Вопшъ мои виды. По послѣднему шрак-пашу съ Персіею, Россія имѣеть свободную торговлю въ Персіи; отъ Эривани до Бассоры ближе, чѣмъ отсюда до Нижегородской ярмонки. Ты скажешь: да Бассора уже не Бассора, а бѣдная деревушка. — Такъ. Но кто можеть сказать, что въ Персіи не будешь Шаха Аббаса? Кто можеть сказать, что не призовушь шамъ Армянъ, и не дадушь имъ денегъ? А когда это сдѣлають, то бѣдная Бассора будешь шакою, какъ была бѣдная деревушка Гаджи-бей.

Кто могъ 1703 года, стоя на берегу Невы, сказать то, что мы нынѣ видимъ? Кто могъ за 40 лѣтъ сказать, что по морямъ будешь плавать новое чудесное существо безъ парусовъ? Но еще чудеснѣе себя предсказаво.

Обладательница всемірной торговли предлагаеть свободную торговлю всѣмъ народамъ. О семъ ты найдешь въ Журналъ и ошвѣтъ.

Но я не такъ думаю, какъ въ Журналъ написано. Я переносуь ко времени Саламинской бишвы, и предложеніюThemistokla послѣ сей бишвы. Если бы новые Аѳиняне предложеніе свое опдали на судъ Аристиды, то онъ бы сказалъ безъ предлога, *но не*, а присоединилъ бы союзъ и.

Но какая же противоположность встрѣчается предложенію Англичанъ? Сѣверная Америка вѣсьмъ издѣліямъ Европы, Индіи и Кишай запираетъ двери. Ибо послѣднимъ тарифомъ пошлыны положены отъ 50—60 %. Одинъ народъ хочетъ облегчить торговлю, другой придавить. Разбирай.

Г. Вирстъ просилъ публику возражать ему, а я тебя, какъ друга, прошу доказашь мнѣ, если я заблуждаюсь.

Полишика въ спорону. Разсмотримъ таблицы Г. Вирста, которыми онъ доказываетъ, что серебро удерживаетъ цѣны отъ возвышенія, какъ товаровъ, такъ и жизненныхъ потребностей.

Фридрихъ II, говоритъ Г. Вирстъ, въ семилѣтнюю войну съ 756—763 года изъ 4 золотниковъ въ шалеръ унижилъ до 1. При семъ униженіи серебра цѣны возвысились. По окончаніи войны, шалеръ опять получилъ свое достоинство, и цѣны упали.

Въ Россіи, когда рубль содержалъ 4 $\frac{2}{4}$ и 4 золотника, тогда цѣны держались ровно. Но когда рубль дошелъ до 2 $\frac{2}{3}$ зол., то цѣны возвысились.

Таблицы Г. Вирста товарамъ No 3 съ 783 года по 807. Онъ всѣ цѣны сравниваетъ съ шѣмъ годомъ. А No 2-й серебра съ 754 съ сего года по 763 годъ рубль содержалъ

4 $\frac{78}{100}$ съ 763 по 807 4 $\frac{21}{100}$ а 2 $\frac{3}{4}$ зол. не по достоинству серебра, а по курсу, да и въ то-го времени не много, 793, 800, 801 года. Но курсъ не на всѣ вещи, и не всегда имѣешь вліяніе, что и докажутъ таблицы.

Табл. No 3.

П е н ь к а

годы	курсъ	цѣна	ассигн.
783	42 $\frac{1}{2}$	16 р.	670 99 $\frac{0}{100}$
786	42 $\frac{1}{2}$	15 $\frac{1}{2}$ —	658 98 $\frac{0}{100}$

Въ оба года курсъ одинъ. Ассигн. — 1 $\frac{0}{100}$; пенька должна бытъ, + но она — 50 $\frac{0}{100}$.

С а л о

	курсъ	цѣна	
783	42 $\frac{1}{2}$	21 р.	892
786	42 $\frac{1}{2}$	34 р.	1445 + 62 $\frac{0}{100}$

Тѣперь надобно разрѣшить: какимъ образомъ цѣны измѣнились? Курсъ одинъ, серебро одно ассигн. то же, но опъ чего пенка, а сало 62 $\frac{0}{100}$ +?

Л е н ь

	курсъ	цѣна	
783	42 $\frac{1}{2}$	26 $\frac{1}{2}$	1126
786	42 $\frac{1}{2}$	25 $\frac{1}{2}$	1083. — 4 $\frac{0}{100}$.

Ж е л ь з о

	курсъ	цѣна	
783	42 $\frac{1}{2}$	9 р.	
786	42 $\frac{1}{2}$	11 + 22 $\frac{0}{100}$	

И здѣсь шотъ же вопросы: ошъ чего желѣзо 22 % +, а лень —; ошъ чего желѣзо прошивъ сала — 40 %?

Послѣ 786 года курсъ уже не возвышался; но посмошримъ чрезъ 10 лѣтъ, когда ассигн. упали на 77 %, курсъ на 25 $\frac{1}{2}$; еще чрезъ 10 лѣтъ, когда ассигн. + 80 %, курсъ 34 $\frac{1}{2}$.

П е н ь к а.

годы	курсъ	цѣна	
793	25 $\frac{1}{2}$	19 $\frac{1}{2}$	497 — 26 %.
803	34 $\frac{1}{2}$	43	1467 + 119.

Л е н ь.

	курсъ	цѣна	
793	25 $\frac{1}{2}$	34	876 — 23.
803	34 $\frac{1}{2}$	63	2150 + 90.

С а л о.

	курсъ	цѣна	
793	25 $\frac{1}{2}$	44	1112 + 25.
803	34 $\frac{1}{2}$	56	1911 + 113.

Ж е л ь з о.

793	25 $\frac{1}{2}$	16 — 413 + 8
803	34 $\frac{1}{2}$	18 — 614 + 60.

И здѣсь въ одинъ и шотъ же 793 годъ пенъка и лень —; а сало и желѣзо +, и въ чувстввишельной разницѣ. А 803 года всѣ товары +, тогда, когда бы они по ассигн. 80 % и курсу + 9 пенсовъ должны быть дешевле.

Во всѣ 23 года по Табл. No 3 ничего нѣтъ похожего, чѣшбы серебро удерживало цѣны постоянно, даже и жизненныхъ потребностей; что видно изъ его же Г. Вирсша таблицъ.

К і е в ь.

годы	рожь	пшеница	мясо	ассигн.
797	13 пудъ	39 пудъ	90 пудъ	77 $\frac{2}{3}$.
799	27 —	100 —	100 —	66 $\frac{2}{3}$.
801	32 —	60 —	110 —	66.
803	22 —	46 —	130 —	80.

Такимъ образомъ цѣны показаны еще въ четырехъ городахъ: Тамбовъ, Аспирахани и С. Пешербургъ. Въ послѣднемъ во всѣ четыре года цѣна муки 90 коп.; но курсъ ассигн. былъ разной: 77, 66, 60 и 80 $\frac{2}{3}$, мясо 97, 99, и 801 года 4 руб., а 803 г. 4 руб. 50 коп., тогда, когда бы по возвышеніи ассигн. на 80 $\frac{2}{3}$ должно было быть дешевле.

Въ Тамбовѣ мясо 97, 99 г. 1 руб. 20 коп., 801 г. 1 руб. 50 коп., 803 г. 2 руб. 40 коп., вдвое дороже двухъ первыхъ годовъ.

Въ Кіевѣ 97 г. за пудъ мяса можно было купить 7 пудъ муки, 99 г. 4 пуда, 801 г. 3 $\frac{1}{2}$ пуда, 803 г. 5 $\frac{1}{2}$ пудъ. Послѣ сихъ разнообразныхъ цѣнъ, можно ли мѣшать масштабомъ серебра?

Сія цѣны взяты изъ разныхъ противоположныхъ городовъ. Они ясно доказыва-

юль, что Папа полишико-экономистовъ, А. Смитъ, зъло, зъло и зъльно ошибался, и другихъ ввелъ въ ошибки.

Торговлею нельзя управлять такъ, какъ въ Машематикѣ поставя $+$ и $-$.

Мнѣ извѣсны цѣны въ Архангельскѣ, копорыхъ, можешь бытъ, не случилось видѣшь Г. Виршу, тогда, когда не было ассигн.; я тебѣ ихъ покажу:

годы.

1710	пенька	6 руб.	лень	11 $\frac{1}{2}$,	сало	10 руб.
1715	{	— 7 до 9 —	— 12 до 16 —	— 9 до 18 —		
1716						
1719		— 6 до 8 —	— 8 до 14 —	— 11 до 15 —		

Иностранные товары и шамъ же сукна шонкія отъ 2 до 2 $\frac{1}{2}$ руб., Голандское полотенно 16 р. шшука.

И въ Архангельскѣ шѣ же перемѣны, какъ и въ Санкшпетербургѣ.

Въ 1720 году зеведены въ Санкшпетербургѣ шракширы. Въ сихъ шракширахъ за кушанье въ мѣсяцъ платилось по 1 рублю съ персоны, кщо бралъ одно блюдо; 2 р. за два блюда. Присоедини: услугу, бѣлье, посуду, и представъ самъ дешевѣйшее мѣсто Кіевъ: возьмушъ ли и шамъ нынѣ рубль въ мѣсяцъ? И за одинъ хлѣбъ съ мужика не возьмушъ.

1742 года въ Санкшпетербургѣ канашы продавались по 1 р. 20 к. пудъ.

Теперь если бы сдѣлали рубль и въ 10 золотниковъ, то по тѣмъ цѣнамъ ничего купишь невозможно. Да и сохрани Богъ, ошъ тѣхъ цѣнъ!

Вотъ тебѣ расчеты серебра и ассигнацій, на которыя нынѣ шакъ немилосердо ополчились, какъ въ сѣверину на бѣднаго Лавы, и кошораго проклинаятъ и донны, но кошорый право заслуживаетъ благодарность. Ибо не Лавъ виноватъ, что не умѣли распорядить колонією Миссисипи, и уморили 12,000 человекъ.

Послѣ сего должно бы представить картину мапушки - Русіи основаніе торговли со временъ Петра Великаго, ходъ ея, перемены; и при семъ изслѣдовать вопросъ: — что полезно для Россіи — остаться ли ей въ томъ положеніи, въ какомъ она по физическимъ законамъ находишся, или иными вопреки природѣ?

Но захотѣлось поскорѣе утѣшиться шибя, и избавить ошъ хлопотъ о деньгахъ.

Читая журналъ Ман. и торговли No 8, сожалѣлъ, что у насъ нѣтъ Бланки. Но чрезъ мѣсяць прислали мнѣ рѣчь Г. Полеваго. — Прочиталъ: признаюсь, согрѣшилъ, подумалъ: это переводъ съ Французской, съ шюю только разницею, что чѣмъ Бланка началъ, тѣмъ Полевой кончилъ.

Но какъ же я покраснѣлъ отъ стыда! Послѣ вздумалось еще прочищать рѣчь, и нечаянно увидѣлъ 9 Іюля, а Бланка говорилъ въ Августѣ. Я обрадовался, что наша рѣчь оригиналь.

Разсмащивалъ, обдумывалъ, и вошъ плоды моего мнѣнія.

„Всѣ вещественные предметы, говорилъ Г. Полевой, прибрѣщенные человекомъ, необходимы для удовлетворенія его. Удовлетвореніе создало пищу, питье, одежду, жилища, и явилось намъ идею о богатствѣ, семь обольстительномъ предметѣ.“

„Ошибочныя мнѣнія увлекали людей во множество противорѣчій. Долго думали, что сила есть основаніе богатства. Народъ, который могъ ошибаться у другихъ, считалъ себя богатымъ. Долѣе всѣхъ заблужденій держалось ложное мнѣніе, что деньги составляютъ богатство; наконецъ всѣ сіи заблужденія сгорѣли въ пламени ума.“

Фраза чрезвычайная! шѣмъ, что можешь мнѣшь обратное дѣйствіе.

„Нынѣ убѣдились уже люди, продолжаетъ Г. Полевой, что деньги есть только условные знаки предметовъ, потребныхъ человеку. Здѣсь раскрылось, что основаніе всего составляетъ трудъ.“

Доволенъ ли? Трудись, шрудись, шрудись. А деньги вмѣстѣ съ заблужденіемъ сторвали на авто-да-фе.

„Недоволенъ, недоволенъ.“ Почему? „Послушай моей сказочки.“

„Аншисеену, разумѣешь, Философу, ученикъ общалъ заплашишь деньги, шогда, когда корабль его прійдешъ. Аншисеень пошелъ на шоргъ, взялъ съ собою сего ученика, накупилъ разныхъ вещей, и вмѣсто ошдачи денегъ, указавъ на шого ученика, сказалъ: онъ вамъ заплашишь деньги, когда корабль его прійдешъ.“

Чего же больше: вѣдь Аншисеень и вещи получилъ? „То-шо нѣшъ.“—А почему? Лавочники ему ошвѣчали: Не сули намъ журавля въ небѣ, а дай-ка хошъ синицу да въ руки.

Дураки, необразованные пии. Да неужели и въ Аѣинахъ знали Русскую пословицу?

Въ молодости памяшь у себя была хороша, бывало Шлехеразаду наизусть говорилъ. Нѣшъ ли чего нибудь?

„Да не смѣшно ли будешъ говоришь сказки?“ Почему? Римскіе Консулы народу говорили сказочки; Оемисшокль Аѣинянамъ говорилъ сказочки, а въ Англіи и въ Парламентѣ говоряшь сказки. Такъ какъ же намъ не говоришь? „Когда шакъ, шо изволь.“

„Послѣ Акційской битвы Окшавій возвращался въ Римъ; на дорогѣ встрѣченъ былъ поселяниномъ, который выучилъ ворону говорить: здравствуй, Цесарь! здравствуй, герой! Окшавій щедро награждалъ поселянина, но не деньгами, а знаками предметовъ потребныхъ человѣку! Сапожникъ, узнавъ о счастьи сосѣда, началъ учить ворона. И какъ воронъ худо понималъ ученіе, то сапожникъ и говаривалъ: вошь и работа и прощоры ни во что.

И сего Окшавій награждалъ, только не знаками предметовъ потребныхъ человѣку, а просто деньгами.

Ушѣвъ, разскажи еще что нибудь. — „Съ охотою.“

„Вешроній, приближенный Александра Македонскаго, собиралъ просшаконъ, ищущихъ мѣшъ и милоспей у Царя, разумѣлся денежками, по невѣжеству тѣхъ временъ почитаемыхъ богашествомъ; но не дославлялъ ни мѣшъ, ни милоспей. Александръ, узнавъ его плушество, приказалъ Вешронію привязать къ столбу, курить его дымомъ, и приговаривать: тому дымъ дарю, кто дымъ продавалъ.

Предоленъ швоими сказочками; послушай же и моихъ.

Ты началъ Философомъ, и я. Когда Аристиппъ предсталъ предъ Діонисіа, то сей

Государь спросилъ: для чего онъ (Аристиппъ) оставилъ Сократа? — Когда нужна была мнѣ мудрость, отбѣчалъ Философъ, тогда я искалъ Сократа. Когда надобны были деньги, тогда пришелъ къ тебѣ.

Другая сказка. Ученое дитя, пусшъ хошъ у Эвклида, возвратилось въ домъ къ ошцу и машери. Время было такое, чпо сѣдѣлись ужинашъ. Вся пища состояла изъ двухъ рябчиковъ; ибо неожиданно потало-вала сынокъ. Ошець и машъ, обрадованные прїездомъ сына, хлопошали, живучи въ удивленїи, какъ и шы, какъ бы поскорѣе съскашъ шретьяго рябчика и изжарить. Ученый сынокъ, видя хлопошы, сказалъ: „машушка! не безпокойтешъ, не безпокойтешъ! я вамъ докажу, чшо настолъ шри рябчика.“

„Какъ!“ спросилъ удивленный ошець. Ученый сынокъ, для доказательства, взялъ одного рябчика въ правую руку, и сказалъ: „одинъ;“ пошомъ обѣихъ рябчиковъ сложилъ, и сказалъ: „два; а одинъ и два сосшавляюшъ шри.“

Ошець ученаго дитяти былъ профанъ, какъ и Леинскіе лавочники, и не понималъ аксіомы; взялъ изъ рукъ сына рябчиковъ, одного себѣ, другаго ошдалъ женѣ, а сынку сказалъ: „а шы, мой любезный, ученаго рябчика самъ и кушай.“

Хорошо, что теперь осенние вечера, а летом бы тебе недосуг было бабы-то починить; а как время есть, то после сказок можно и на докуменшы взглянуть.

„Что нужно для войны?“ спросил Король у Маршала.— „Деньги, деньги, деньги.“

И Генрих IV и Сюлли думали что же; но это было во времена ложных мнений.

Но Фридрих II жил во время просвещения, если прошедший век можно так назвать. В семилетнюю войну зашел разговор, и рассуждали, кто в этой войне будешь победитель. Фридрих сказал: „кто будешь шоржесшествовать, у кого останется в кармане последний палер.“

Эту же семилетнюю войну кончу я доказательством Г. Вирша. Шведская армия, за недоспашком, денег не могла маршировать и 200 верст.

Кажется, довольно бы докуменшовать, что деньги, деньги, деньги; но я представляю еще случай.

„Творцы Французской Республики чувствовали надобность в деньгах. В народном собрании находилось много людей, одними теориями занимавшихся, кои силились доказывать все общими понятиями. О деньгах принято было такое понятие, что они суть знаки достоинства.

Изъ сего и заключаемъ, что каждый знакъ долженъ принявъ бытъ за полномѣсныхъ день-ги. Сии мудрецы не помыслили того, что умо-зришельныя управленія финансами льстятъ прекрасными послѣдствіями, но надѣлъ оспа-юща безъ пользы.“

Къ сему же мнѣнію, приведу мнѣніе Француза.

„Трудно противившись впечатлѣнію мни-мыхъ мудрецовъ: они соединивъ всѣ понятія во едино, думаютъ, что открыли связь, ко-торой простой народъ не понимаетъ. Но сколько надобно не довѣрять предположені-ямъ, конми нападають на общественный по-рядокъ!“

Что умозришельныя мечтны безполезны, то я сегодня, какъ Анхисеенъ, испыталъ. Мясникъ принесъ мясо, свѣсилъ и требуетъ денегъ. Я ему, вмѣсто денегъ, чишаю рѣчь; а онъ, какъ быкъ, смотрѣлъ, выпуча глаза — здѣшніе мясники великіе невѣжи.

Но нельзя обойти и труда. Посло-вица говоритъ: надѣлу не обидь. И то трудъ, что я къ тебѣ пишу; но сей трудъ не уве-личитъ капишала. А! это трудъ истреби-тельный.

Трудъ, говоритъ Адамъ Смишъ, увели-чиваетъ капишала. Купи на 10,000 шерсти, вышки сукно, и продашь за 50,000; умножишь

капиталь 40,000. Я не скажу *ложное мнѣніе*. Оно или само себя оправдаетъ, или исчезнетъ въ глазахъ людей, знающихъ противное.

Т р у д ъ.

Рыбные промыслы. На Каспійскомъ морѣ и по Волгѣ ловящъ, бѣлугъ, осетровъ, севрюгъ, сазановъ и прочую рыбу. Одинъ неводъ, одна аршель ловишь бѣлугу, въ 2, 3 и 5 пудъ; и та же аршель ловишь такую бѣлугу, изъ кошорой икры достаютъ 20 пудъ.

По Волгѣ же, по Камѣ, Сурѣ, Окѣ Шельси, ловящъ на самоловы и сѣтями сперлядей, въ 10, 20 коп., въ 50 и 100 руб. Какой прудъ рыболова увеличилъ цѣну сихъ рыбъ?

Я не буду тебѣ рассказывать, что сперлядь, Камская, Сурская, Очная и Шехонская, при одинаковомъ прудѣ, дороже Волжской: это другое обстоятельство, А. Смишу неизвѣстное.

Промыслы звѣриные. Одинъ и шотъ же охотникъ бьетъ или на приманку ловишь соболя, лисицу, въ 1, 2 руб. и въ 50 руб., прудъ равный. Но что увеличило цѣну звѣря?

И здѣсь не говорю о разности еще цѣнъ звѣрей по мѣстоположеніямъ.

Промыслы золотые. Новооткрытыя у насъ золотыя руды находящяся почти на поверхности земли, какъ въ Королевствахъ Галамскомъ и Сороколецкомъ; рабочий копаешь день, два, достаешь 1, 2 золотишка, а иногда и ничего; но шопъ же рабочий, прійдя на работу, копнулъ разъ, и вдругъ вынимаешь самородокъ съ полпуда, а плашины въ 10 фуншовъ рѣка ошмыла.

Цѣна симъ самородкамъ уже произвольная, полмилліона и болѣе. Какой прудъ увеличилъ цѣну?

Изъ Россіи перейдемъ въ другія Государства.

Алмазныя копи. Алмазъ Короля Португальскаго вѣсиль 1680 карашовъ, оцѣненъ въ 1,120 милл. рублей. Алмазъ И. Могольскаго 793 кар. оцѣненъ въ 2 милл. 144 ш. руб. Алмазъ Пипшъ, въ 2 милл. 500 ш. лив.

Тушъ два пруда: одинъ копаль въ землѣ, другой граниль, — кошорый прудъ увеличилъ цѣну сихъ алмазовъ? — шопъ ли, кошорый выкопаль, или шопъ, кошорый граниль?

Ни шопъ, ни другой: природа и деньги дали имъ цѣну. Звѣрямъ, рыбамъ, жемчугамъ, ароматамъ давали цѣну деньги, пока они не сгорѣли въ пламени ума. Это Аристипповы курошкы. Садись, Филоксень, и кушай.

Говоря о живописныхъ, ископаемыхъ, должно сказать и о насѣкомыхъ.

Кошениль, шелковый червь.

Я не буду говорить о шѣхъ червяхъ, которыхъ кормяшь, ходяшь за ними, умножая трудомъ цѣну. Оставляю говорить и о томъ, что при одинакомъ трудѣ въ воспитаніи червя, шелкъ, и по странамъ, и по погодѣ, имѣешь различную цѣну. Я скажу о томъ червѣ, при воспитаніи котораго человѣкъ неупотреблялъ труда. Сей червь водится въ лѣсахъ, около Каншона. Машеріи, изъ сего шелка дѣлаемые, называются *Kient-sheu*, и продаются дороже ашласа.

Но есть еще шелкъ дороже и сего; въ Италіи онъ извѣстенъ подъ именемъ *matre perla*. Сей шелкъ даетъ усприца, когда она перемѣняешь мѣсто. Его ловяшь около Тарента и въ Сициліи.

Почему сіи шелки дороже шѣхъ, въ воспитаніи которыхъ употребляютъ человѣкъ трудъ?

Кошениль. Сіе насѣкомое само собою разводится. Какой трудъ умножилъ цѣну сей краски? Ибо на другія краски много употребляютъ трудовъ, а менѣе умножаютъ капишала. Напримѣръ: индиго.

Когда индиго дѣлають, то работники закрываются просынами, удерживають дыханіе, дабы испаренія краски внутрь ихъ не входили; но, и за сими предосторожностями, не всегда избѣгають яда, и соки работающихъ получаютъ синій цвѣтъ. Опытами дознано, что лицо положенное на одну ночь, въ цошъ сарай, гдѣ работаютъ краску, все внутри посинѣетъ.

Какой бы капиталъ работникъ долженъ пріобрѣсти отъ сего ядовитаго труда?

Слѣдуя порядку расшеній, скажу о корицѣ, гвоздикѣ, перцѣ, кофе и чаѣ. Трудъ при собираніи сихъ расшеній простъ, безопасенъ отъ индиго. Но изъ сихъ же, нѣкоторые продаются дороже индиго. Послѣдній отъ 5 до 50 руб. фунтъ.

Почему, при меньшемъ трудѣ и совершенной безопасности, болѣе получаютъ денегъ, нежели при большемъ и опасномъ?

Обратимся къ Россіи, и отъ малыхъ расшеній пойдѣмъ къ огромнымъ.

Мужикъ идетъ въ лѣсъ, съ капиталомъ ничтожнымъ, шопоромъ, сипоящимъ рубль; рубитъ огромное мачшовое дерево, валишь, и за рубль шопора, за трудъ только двухъ рукъ, безъ умшвенныхъ способностей, въ полдня добываетъ капиталъ 100 рублей. Рубитъ сосѣдъ его и почти рядомъ; ва-

лишь, но въ деревѣ раковина и шрудъ его — ничшо.

Но какъ мачшовыя деревья продаются по 1000 р., то и пойдемъ слѣдомъ, и посмотришь, какъ шрудъ увеличишь цѣну дерева.

Изъ лѣсу вывозяшь на рѣку Вяшку. Весною грузяшь въ судно (не одно, а многія). Плывашъ внизъ до Волги, идущъ вверхъ до Рыбинска. Тушь перегружаютъ въ барки, идущъ до Ржева. Здѣсь выгружаютъ на берегъ. Зимой перевозяшь въ Бѣлую, отсюда плывашъ весною до Риги. Симъ и оканчивается шрудъ. И дерево, въ лѣсу нестоившее ничего, въ два шрудовые года, но не по шруду, а по плашежу купцомъ денегъ, за всѣ наймы коноводовъ, барокъ, судовъ и пр. возрасло въ 1000 р.

Чтобы возвращаешь первоначальный капиталъ, какъ говоряшь полишико-экономисты, и шрудовой двухъ лѣтъ, купецъ идетъ на биржу и просишь за шрудъ 1000 р., даюшь только 500 р. или и совсѣмъ не покупаюшь. Миръ въ Европѣ, корабли разоружены.

Купецъ паки начинаешь умножать шрудомъ капиталъ, а поспросу безъ системы разоряешь. Выкапываетъ мачшы на островъ, и за эшопъ шрудъ плашишь деньги. Мачшы лежатъ, лежатъ, загниваюшь;

и наконецъ сгнѣюшъ. Я это видѣлъ моими глазами.

И гдѣ капиталъ, умноженный трудомъ? О! говорятъ полишко-экономисты: это трудъ истребительный. А сколько на свѣтъ трудовъ? И трудъ червя, который ископалъ мячшы.

Послѣ сего доберемся до разсоловъ.

Соляныя разсолы, находящіяся во стѣ и болѣе сажень подѣ землею, ни какой цѣны не имѣюшъ, но трудомъ умножаются до 200, и 300 % вываркою, и доспавкою, какъ и мячшовое дерево.

Посмотримъ же на доспавку. Ладья, ужасное чудовище, какихъ, кромѣ Россіи, въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ, длиною до 40 сажень, шириною въ 8, глубиною груза сажень, соли вмѣщаетъ до 80 п. пудъ, и на кошорой сошны трудящихся, и рукъ, и ногъ, на кошорыхъ и мои ноги ходили; плывесть по Камѣ, это чудовище на хваткѣ обрываетъ, или изъ рукъ вырываетъ канашъ, и бухъ въ берегъ, и 80 п. пудъ соли, какъ не было.

Въ Рыбинскѣ изъ магазиновъ продаюшъ соль. Купецъ покупаетъ 6,000 пудъ. Плашитъ 7,000 р. Покупаетъ барку, грузитъ, идесть до Волочка, спускается до Боровицкихъ пороговъ. И уже трудомъ, ш. е. плашя коноводамъ, лоцманамъ, концевымъ, ко-

реннымъ, сходочнымъ за снаспи и разнаго рода припасы; возвысилъ цѣну до 9000 р., спускается въ Боровицкіе пороги; барка въ сѣтѣху или на валу шонешъ: соль исчезаетъ. Исчезаетъ первоначальный, средній, и послѣдній капиталъ. Какой здѣсь истребительный трудъ? — Вода.

Какъ съ сапожникомъ не скажешь: вошь и рабша, и прошори ни во что!

Полишко-экономисты представляютъ трудъ, умножающій капиталъ, шакъ, какъ будшо бы всё дѣлалось даромъ. И шакъ, какъ шы посадилъ маленькую яблонку, а она выросла сама собою съ версту. Ты знаешь, самъ что за все, про все давай деньги.

Но шеперь дошелъ же я до труда, дѣйствительно умножающаго капиталъ. Тушъ-шо трудъ, прилежаніе и искусство сосшавляють и негараемое богатштво, и не-истребительный капиталъ. Фабрики.

А. Смишъ говоритъ: купи шерспи на 10 ш., вышки сукно, продашь за 50 ш., и капиталъ умножшся 40-ю ш.

И эшо не худо размошрѣшь, шакъ же, какъ соль, и машы, и вѣрно ли на 10 ш. 40 ш.

Но прежде я спрошу А. Смиша. Чшо шъ 10 ш., на кошорыя онъ велишь купишь шерспъ? — Деньги. — Ошкуда онъ взялись?

Нытъ, шо были не деньги. А что же? знаки предметовъ, пошребимыхъ человеку.

Какой смѣшной фантомъ! фаншасмагорія! фигура чѣмъ ближе къ глазамъ подходитъ, тѣмъ большею кажется, и въ моментъ исчезаетъ.

Пусть деньги будутъ знаки предметовъ, да какимъ же образомъ фабрикантъ, изъ 10 ш. умножитъ свой капиталъ въ 50 ш.? Онь того ли, что онъ купилъ только шерсть? — Нытъ, сукно вышкано.

И такъ, сколько помню, шерсть прежде продашь, и не даромъ. И эшо умножаетъ капиталъ. А по-проспу, фабрикантъ за работу платитъ деньги. После снуютъ, шкутъ, и, кажется, на спанахъ, и за нихъ деньги. Кажется надобна фабрика а шо зимою, и руки да и фабричные замерзнуть; думаю, не худо и дровъ купишь; не забышь и свѣчь; ножницы, ворсистыя шпильки, краску, машины, и разныхъ наименованій вещицъ, и шрудовыя руки, и въ эши руки класъ, хотя и не деньги, а знаки предметовъ, пошребимыхъ человеку.

Такимъ образомъ фабрикантъ, шаская знаки, шо изъ сундука, шо изъ коняюрки, шо изъ кармана, а иногда онь мѣнялъ вышаскаетъ, къ первоначальнымъ обзаведеніямъ еще 40 ш.; онь сего-шо капиталъ его и у-

величишся въ 50 ш. п. е. какъ былъ; а не опъ того, что купилъ шерсти на 10 ш. и продалъ за 50 ш.

Посмотримъ же, какъ фабрикантъ возвращишь капиталъ. Ибо и полишко-экономисты сего не запрещающъ, пошому, что лежачій товаръ подобенъ мяшковому дереву, которое источили черви, а сукно встъ жоль и производишь трудъ изсребительный.

Фабрикантъ сукно ошправляетъ на Нижегородскую ярмонку; при семъ ошправленіи трудъ умножаетъ еще капиталъ, а попросу фабрикантъ убытчишся. Даетъ знаки пошребные человеку извощикамъ, нанимаетъ лавку, посылаетъ прикащика, а иной еще и самъ вдепъ. Положимъ вшихъ знаковъ 1000; но можно ли назвать ихъ рублями? не знаю.

И шакъ шерстъ десяти-тысячная стоишь уже фабриканшу 51 ш. Продаешъ, даюшь 50 ш.; фабрикантъ видишь, что къ шруду его присосъднися, какъ гостъ, трудъ изсребительный, котораго онъ никогда не звалъ. Не продаешъ. На другой день даюшь уже только 45 ш. Не продаешъ. Везешъ обратно. Тушь трудъ опашъ увеличиваетъ капиталъ: опашъ извощики, опашъ давай знаки, пошребные человеку.

Привозишь въ Москву, держишь, выдержишь цѣны и, наконецъ, продаешь за 40 ш. то, что по труду стоило 52 ш. и болѣе.

Послѣ сего событія, повѣришь ли фабрикантъ А. Смишу, что трудъ увеличилъ его капиталъ изъ 10 ш. въ 50 ш.?

Въ Земледѣльческомъ Журналѣ No XXIII, ты увидишь подобныя сему событія. Папа подлинно-экономистовъ тебѣ будетъ ошвѣчать: эшо трудъ истребительный.

Однако же, что купленная шерсть за 10 ш. умножаетъ капиталъ въ 50 ш., говорено было публично. Ну, если въ шомъ собраніи находились фабриканты, знающіе хорошо свое дѣло, и слушающіе несбыточные рассказы, что они думали? Отгадываешь трудно, но сказать можно: посматрѣли другъ на друга, погладили бороды, улыбнулись, и покачали головами.

Ты возражишь: — фабрикантъ могъ продать сукно за 55 ш. — Не отрицаю но тогда капиталъ его умножился только ошъ 4 до 5 ш. а не 40 на 10.

Если бы трудъ безъ денегъ умножалъ капиталы, то угольники въ Англіи, по труду своему, были бы первые богачи на свѣтѣ. Напрошивъ, они если не хуже Лопарей, то и не лучше ихъ.

Знаешь ли ты, что такое система А. Смита? То же, что рѣчь Руссо въ Дижонской Академіи. Они въ предметахъ различны, а въ сущемъ одинаковы.

„Нѣтъ глупости, которой бы разумъ человѣческій не принесть дани.“ И Руссо ей воскурилъ оцмѣамъ.

Изъ нихъ одного можно назвать панерсникомъ нашуръ, какъ называли Аристотеля; другаго, какъ называли Платона. Но между ними Философами, надобно ходишь съ Діогеновымъ фонаремъ.

Знаешь ли ты, что такое шрудъ, богатство? Это Ликидовъ сосудъ, Зеноновъ невольникъ. Судьба разбишь, и судьба бышь бишу.

Разбей сосудъ у А. Смита. Скажи: это шрудъ ишребительный. Сказшикъ тебѣ будешь ошвѣчашъ: дома мы посшупаемъ по другимъ правиламъ, нежели учимъ съ каедръ.

Говоря о многихъ шрудахъ, умножающихъ капиталы, и ишребляющихъ капиталы, я не говорилъ о шрудѣ особеннаго рода, о кормешолюбивыхъ ростовщикахъ. Къ какому роду шрудъ ихъ причислишь? Къ умножающему или ишребляющему капиталу?

„Въ Индоспая, говоришь Историкъ, при
рода проценшювъ. Одинъ проценшъ спочи-
щается грѣхомъ, другой ни грѣхомъ, ни
добродѣтелью, а прѣшій добродѣтелью.“

Проценшъ, почищается грѣхомъ, когда
берушь 4 на 100 въ мѣсяцъ. Проценшъ ни
грѣхъ, ни добродѣтель, а на 100. Добродѣ-
тель — 1 на 100. А какой трудъ употреб-
ляетъ ростовщикъ?

Я не говорю, какіе у насъ проценши;
но если ты хочешь знать, шо можешь ви-
дѣшь изъ описанія Одесской торговли.

Тщешно законы и правилаи всѣхъ на-
родовъ прилагаи стараніе истребишь ли-
хонимство! Ошъ лихонимцевъ и Лукуллу до-
спалось. Это болязнь ракъ.

Забывъ-было сказашь еще о шруженн-
кахъ. Воры и мошенники, для умноженія ка-
пишала, шакъ шрудятси, что и ночью не
смыкають глазъ.

Г. Полевой, исчисляя трудъ танцора,
стихотворца, кузнеца, машиниста, изъ не-
вещественнаго капишала ука составляю-
щаго вещественный, забывъ или пропу-
стилъ даръ голоса, наприм.: Камалани, со-
ловъ, жаворонка, попугая.

Конечно уиъ составляетъ капишалу.
Гаррикъ, Шекспиръ, Вольтеръ были богачи.
Руссо жилъ на чердакахъ, Гомеръ чумъ съ

голоду не умеръ, а Скандербегъ въ завѣщаніи сыну написалъ: стихотворцевъ награждать листомъ бѣлой бумаги.

Умъ, и кромѣ Поззіи, имѣешь много работы, и изъ невещественнаго капитала составляешь вещественный; и болѣе количествомъ, нежели танцоръ вывезъ въ Парижъ. Танцоръ доставлялъ удовольствіе, но другаго рода умъ наносишь скорбь. Этого умъ шрудился надъ чашами увѣсовъ правосудія.

Желательно, чтобы сего труда не было, ибо Г. Полевой говоришь:

„Творецъ показываетъ намъ поприще здѣшней жизни, и его благость здѣшній міръ создавала неплачевною юдолю.“

Это правда. Но для чего не показывать, что такое благость? Ибо по одному слову не можно о благости имѣть понятія. Онъ говорилъ о обязанностяхъ, и нѣкошорыя исчислилъ. А потому мы и знаемъ, что должны дѣлать и чего убѣгать.

Но и между сими обязанностями, я не видалъ обязанности важнѣйшей: — челоуколюбія.

Неужели въ коммерціи челоуколюбіе не прилично? Напрошивъ, оно-то и необходимо. Одинъ умъ просвѣщенный безъ душевныхъ чувствованій будешь бичъ.

Коммерція, безъ челоуѣколюбія производимая, что представляешь? — Изверговъ рода челоуѣческаго! Въ одномъ мѣстѣ Коршесовъ и Пизарровъ, за золоно опустошающихъ Америку. Въ другомъ, за корицу, гвоздику и перецъ, Поршугальцевъ, Голландцевъ, Англичанъ, Французовъ, грызущихъ и шерзающихъ другъ друга, и обагрющихъ кровію несчастныхъ Индѣйцевъ и моря и земли Индіи.

Въ Журналѣ Мануфактуръ и Торговли ты найдешь много предметовъ, относящихся къ челоуѣколюбію, о чемъ прежде просвѣщенія и не помышляли. Сіе показываетъ, что просвѣщеніе нашего вѣка учитъ насъ не шому шолько, какъ пріобрѣсать богатство, но учитъ и не забывашъ спраждащаго челоуѣчества.

Орапоръ зналъ это, и сказавъ о Творцѣ, могъ показашъ благость, Творцемъ къ Самарянкѣ показанную.

Но, можешъ быть, система А. Смита, какъ Сигаліонъ, наложила на уша его пальчикъ.

Закроемъ же Шехеразаду.

Не худо бѣ было разскашъ тебѣ разговоръ Екашерины II съ Сегюромъ, о Дидрошѣ, о системахъ имъ и другими, для управленія, предлагаемыхъ; но это не уйдешъ.

А я скажу мое мнѣніе: — Писатели системами вселенную опутали такъ, какъ пушашъ свѣями лѣсъ, когда по нѣсту ловяшъ медвѣдей.

Но безъ системъ, потрудишъ, прочитай Имянной указъ 1746 года 23 Февраля.

Въ семъ указъ Императрица говоритъ о капиталѣ полтретья милліона денегъ, необходимыхъ для предполагаемой тогда торговли. Но чтобы сіи полтретья милліона составишъ трудомъ той торговли, того въ указъ нѣтъ. Такъ думали тогда, когда заблужденія не горѣли, что прежде нужны деньги, а потомъ уже трудъ.

И Пешръ Великій думалъ такъ же. Онъ для труда далъ 30 т. на три года безъ проценшвъ.

Ты спросишъ: кому? на что? Не запирай библіотеки. Самъ бы зналъ. Не лѣнись, читай и сыщешъ. Я послѣ еще скажу о манифестѣ 1786 года 28 Іюня.

Моя голова шупа и не можетъ поняшъ, какимъ образомъ трудъ безъ денегъ можешъ составишъ богатство? Лопари, Самоѣды и Чукчи удословѣряють меня, что безъ денегъ не можешъ бышъ богатства. Нѣтъ у нихъ денегъ, безъ которыхъ нельзя купишъ ни соли, ни хлѣба. Потому-то и цащашошъ гнилою и сирадною рыбою.

О времена! о нравы! восклицалъ Цицеронъ. Сіи восклицанія означали худыя времена. А я воскликну: о счастливыя времена! Давно ли было, что Галилей заставляли проклинашь истину, а нынѣ истину призываютъ къ прону. Сіе доказываешь книга Г. Вирша.

Теперь сравнимъ Бланки съ Полевымъ. Но помни, что я не Плущархъ, и сравниваю не Цицерона съ Демосееномъ.

„Спременіе къ усовершенствованію рода человеческого есть отличительная черта нашего вѣка.“ Такъ началъ рѣчь Г. Бланки, и продолжалъ:

„Всѣ просвѣщенные народы стараются опередить одинъ другаго. Въ семъ благородномъ подвигѣ, Франція участвуешь если не болѣе, то и не менѣе другихъ Державъ. Она указала другимъ націямъ разсѣять слѣпошу невѣжества, спрассти, предрасудки. Въ сію самую минушу, когда я обращаю къ вамъ мое слово, народы трудолюбивые возстають, а лѣзвыя ускоряють свое паденіе.“

Г. Полевой оканчивалъ рѣчь, чѣмъ началъ Г. Бланки, и говорилъ:

„Вещественность мертва безъ невещественности. Все величіе, все превосходство являетсѣ въ образованіи и просвѣщеніи.

„Кто вразумишь человека въ его обязанностяхъ? Кто изъяснишь ему и благо, и средства для пріобрѣтенія блага? — умъ! Высокая цѣль ума просвѣщеніе.

„Мысль, что просвѣщеніе развращаетъ нравы, есть мысль безумная. Смѣло скажемъ, что развращъ гнѣздишься тамъ, гдѣ обитаетъ невѣжество.“

Мысль о просвѣщеніи такъ справедлива, что не требуетъ доказательствъ. Но есть люди съ предразсудками. И сосѣди твои будутъ противорѣчить тому, что развращъ не гнѣздится въ деревняхъ, гдѣ еще есть остатки невѣжества. Расскажи имъ то, что я знаю опытно, и видѣлъ въ официальныхъ бумагахъ.

До временъ Петра Великаго, въ его время, послѣ него, не только въ деревняхъ, но и въ городахъ, совершались ужасныя злодѣйства. По рѣкамъ, по дорогамъ, разбой, убійства, и грабежи.

Вѣшали разбойниковъ, рубили имъ головы, но ничто разбоевъ не прекращало. На Волгѣ и понынѣ еще помнятъ техническое слово: сарынь на кичку. Помнятъ и имя славнаго разбойника — Галанки. Сей злодѣй, въ извѣстномъ всей Россіи селѣ Ворошницѣ, нагрѣвалъ гнѣздо 20 лѣтъ.

Но что говоришь о дорогахъ и рѣкахъ? Въ Москвѣ, у Каменнаго моста, и подъ мостомъ, было жилище публичныхъ воровъ и мошенниковъ. И не было проходу ни днемъ, ни ночью.

Но въ царствованіе Екашерины Великой, когда духъ просвѣщенія началъ сильно разливаясь, и люди узнали обязанности, то разбой безъ вистлицъ начали исчезать, и исчезли.

Я самъ, съ Чувашиами, Черемисами, Мордвою, Вошяками, Ташарами, ѣзжалъ зимою и лѣтомъ, одинъ одиноконекъ, и спалъ и въ саняхъ, и въ шелѣгахъ крѣпкимъ сномъ, о чемъ прежде и подумашъ было невозможно.

Итакъ чего прежде не истребляли казни, то истребило просвѣщеніе. Это всякой просвѣщенный человѣкъ признаешь, а невѣжа не пойметъ.

Припомни мои слова о роскоши. Она, она истребляетъ злодѣянія. Ибо просвѣщеніе — роскошь, — роскошь — просвѣщеніе. Одно безъ другой ни шагу.

Г. Бланки послѣ просвѣщенія рассказываетъ о послѣдствіяхъ просвѣщенія.

„Мудрые законы, говоришь Бланки, остроумныя изобрѣшенія, суть источники народнаго благосостоянія.“

Пошомъ нечислаетъ мануфактурныя издѣлія, машины, сравниваетъ свое Государство съ другими, не скрываетъ недостатковъ своего отечества, объявляетъ о упадкѣ земледѣлія. Лошади у земледѣльцевъ — не лошади, а клячи. Опровергаетъ неосновательныя требованія земледѣльцевъ и фабрикантовъ, въ запрещеніяхъ привоза и вывоза, и говоритъ: „всякъ ищетъ защиты подъ вѣгдою тарифа.“

Похвалаетъ Министра Коммерціи, не молчишь объ обремененіи пошлинами важной промышленности — виномъ. „И кто бы повѣрилъ, говоритъ Бланки, что Французскія вина въ самой Франціи продаются дороже, нежели гдѣ либо въ свѣтѣ?“

За симъ съ прискорбіемъ рассказываетъ о худыхъ дорогахъ и каналахъ, чему едва бы и повѣришь было можно, если бы это говорено было не предъ лицомъ 2500 зрителей и зрительницъ.

Дороги шакъ худы, что у самаго Парижа опрокидываются кареты, а по каналамъ нѣтъ судоходства; и хлѣбъ для Парижа изъ Средиземнаго моря везутъ вокругъ Гибралтара.

Говоритъ о морскихъ разбояхъ на Средиземномъ морѣ, къ стыду просвѣщенныхъ націй существующихъ и шерцимыхъ.

Сравниваетъ кораблеплаваніе Франціи съ кораблеплаваніемъ Англіи. Въ 1826 году, говоритъ Бланки, 3,730 кораблей Англійскихъ вышло въ Балтійское море, а Французскихъ только 81. Въ 1827 году Англійскихъ 5,199, а Французскихъ 106. „Прискорбно слышать сіе. Я (Бланки) думаю, не худо объ этомъ подумашъ.“ Тѣмъ заключилъ рѣчь свою Г. Бланки.

Послѣ описанія Франціи, посмотримъ, что нашъ ораторъ говорилъ о Россіи.

Я читалъ, перечитывалъ, давалъ другимъ читать, не просмотрѣлъ ли я. Но ни-что не нашелъ ни словечка, чтобы упомянуто было о томъ, что въ Россіи есть.

Неужели у насъ нѣтъ кораблей? неужели у насъ нѣтъ каналовъ, рѣкъ, барокъ, судовъ? И какъ будто бы нѣтъ людей, земледѣльцевъ, фабрикъ, купцевъ!

Неужели у насъ изъ купцевъ нѣтъ подобнаго въ добросердечіи господину Терно? Прискорбно будешь, если не окажется.

И такъ, ни о Россіи, ни о торговлѣ, въ Коммерческой Академіи ничего не говорено.

Кто же можешь показашъ, что есть въ Россіи? Непросвѣщенному ничего неизвѣстно. Да если бы кто что-нибудь и

зналъ, то, кто повѣришь рассказамъ профана? —

Но — день, сказала Шехеразада.

N. N.

Царское Село.

III.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

I.

Плѣнь Англійскаго матроса на Маркизскихъ островахъ.

Въ 1824 году киполовное судно, *Графиня Морлей*, находясь передъ Маркизскими островами, нуждалось въ продовольствіи. Капитанъ онаго приказалъ старшему по себѣ чиновнику *Жефрею* (Jeffrey), отправиться на берегъ съ нѣсколькими матросами, и выпребовать у жителей сихъ острововъ, въ обменъ на другіе предметы, свѣсныхъ припасовъ. При исполненіи сего порученія, Жефрей, по неосмотрительности, вошелъ въ одну хижину дикихъ и былъ ими захваченъ. Казалось, они задержали Жефрея не съ цѣлью, чтобы причинить ему какой-либо вредъ; но считая его начальникомъ экипажа, они надѣя-

лись получить за него значный выкупъ, заключавшійся въ оружіи и порохѣ, единственныхъ предметахъ, коихъ они желали и кои готовы были взять въ замѣнъ требуемой у нихъ провизіи. Товарищи Жефрея, видя, что дикіе собрались во множествѣ, и что спаранія ихъ выручить его будутъ щедры, удалились на шлюбку и поплыли къ своему судну.

На другой день послѣ сего неудачнаго предпріятія, маэросъ *Гриффитсъ* (Griffiths), просилъ позволенія выйти на берегъ съ небольшимъ числомъ вооруженныхъ людей, и освободить плѣнника. Всѣ одобрили сіе предложеніе, и немедленно, наполнивъ двѣ лодки людьми, отправили подъ распоряженіемъ Гриффитса на островъ. Лишь только пристали они къ берегу, островитяне, увидѣвъ ихъ, прибѣжали съ своимъ плѣнникомъ, и предлагали возвратитъ его за порохъ и ружья. Во время переговоровъ, Жефрей, участвовавшій въ оныхъ, сказалъ своимъ товарищамъ, что опасно полагаться на совѣсти дикихъ, и что освобожденіе его зависить вѣрнѣе отъ внезапнаго на нихъ нападенія. По сему совѣту Гриффитсъ съ товарищами бросились на дикихъ, коихъ сначала испугали и привели въ безпорядокъ. Но вскорѣ къ нимъ послѣднимъ сбѣжались

новых толпы островищанъ, вооруженныхъ пращами и кольями. Англійскіе манросы, осыпаемые камнями и угрожаемые непрерывно возрасшавшимъ числомъ дикихъ, принуждены были отступити и обратиться къ своимъ лодкамъ. Самъ Гриффисъ, пораженный камнемъ въ голову, упалъ безъ чувствъ въ воду, и былъ за-мертво покинутъ товарищами. Въ пылу драки, Жеорей искусно ускользнулъ, и присоединясь къ своимъ, сѣлъ въ лодку. Такимъ образомъ слѣдствіемъ Гриффисова предпріятія были собственнѣй пѣвъ его и освобожденіе Жеорей.

Удалясь отъ берега, товарищи Гриффиса увидѣли съ ужасомъ, что дикіе, вытѣщивъ его, повѣсили за ноги на ближайшемъ деревѣ. Островищане, подобно имъ, считали его мертвымъ, и каждый пребо-валъ уже своей части: они намѣрены были изрубить его на куски и раздѣлить между собою. Сіе ужасное дѣло гонимо было совершилось; но начальника сихъ *каннибаловъ*, замѣтивъ въ злополучномъ манросѣ ошапокъ жизни, вздумалъ, если не ушло еще время, спасти несчастнаго, и обратиться услуги его въ пользу. И такъ онъ представилъ своимъ товарищамъ, что сей человекъ конечно умѣетъ обращаться съ

огнестрѣльнымъ оружіемъ, и можешъ чис-
пиль и починашъ шо, которое они ниль-
ють на островѣ; а потому предложилъ
имъ снятъ его съ дерева, и, какъ онъ былъ
еще живъ, спарашся привести его въ чув-
ство. Предложеніе сіе было принято не-
медленно, и матросу возвращена была жизнь.

Начальникъ, котораго Гриффисъ изоб-
ражаетъ почтеннымъ осьмидесятилѣтнимъ
старцемъ, съ длинною бородою, велѣлъ пе-
ренести его въ свою хижину, забоиася о
немъ, и, казалось, считалъ его съ того вре-
мени своимъ сыномъ. Семейство старика
было также сострадательно къ нему, да и
всѣ дикіе сего племени обращались съ нимъ
весьма хорошо. Во все пребываніе его на
островѣ, онъ поручалъ ему не только смо-
тряніе за оружіемъ, но употребляли еще
во всѣ работы, коими онъ, по своему знанію,
могъ особенно заниматься; онъ научилъ ихъ
лучшему строенію лодокъ, помогалъ имъ
вязать и поправлять сѣти; ходилъ съ ними
на рыбную ловлю и даже на войну противъ
ихъ непріятелей; но ни въ какомъ случаѣ
они не позволяли ему удаляться, и когда
какое нибудь судно показывалось въ морѣ,
то немедленно отсылали его во внутрен-
ность острова. Лишенный всего платья,
въ которомъ прибылъ на островъ, онъ хо-

диль нагой, подобно новымъ своимъ поварщикамъ. Скоро здоровье его разстроилось отъ сей причины, какъ равно отъ грубой и недостаточной пищи: онъ питался одними плодами и кореньями, и пилъ только воду. Впрочемъ, онъ не терялъ твердости, и надеялся, что еще возвратитъ себя свободу. Одинъ мажоръ, по имени *Эксетеръ Дикъ*, взявъ въ одно съ нимъ время, и оповѣщенный на другой конецъ острова, успѣлъ уже уйти. Другой, *Михайла Диль*, скрылся также, послѣ весьма продолжительнаго тайна.

Островъ *Руагуа* (Rouagouah), (такъ называютъ его жители), по словамъ Гриффиса, гористъ и весьма лѣсистъ. Онъ лежитъ подъ девятымъ градусомъ южной широты и подъ стою придесятью девятымъ градусомъ двадцатью семью минутами западной долготы. Почва земли его необработана, но хлѣбное дерево, кокосы, папушникъ, банана и прочія распускаетъ сами собою. Изъ животныхъ водятся однѣ свиньи, которыхъ убиваютъ и ѣдятъ по случаю какого нибудь торжества, какъ то, смерти жреца или начальника, и въ такихъ случаяхъ число убитыхъ свиней опредѣляется соразмѣрно важности умершей особы. Оружія островитянъ собственно сущь: дубина, копье и

пращъ, коими владѣють они съ большою ловкостью, и когда на войнѣ умертвляють или закрапляютъ въ пльнѣ непріятелей, по пригошоваяють изъ нихъ ужасныя для себя угощенія. Они имѣють нѣсколько снарыхъ ружей, и чрезвычайно дорожатъ ими; всѣ сіи ружья собрали и заспавили Гриффиса перечислитель и исправитель. Таковая услуга доставила ему большое уваженіе въ глазахъ сихъ варваровъ.

Въ послѣднее время пребыванія маэроса сего на остроувѣ, онъ часто бесѣдовалъ съ преспартельнымъ начальникомъ, который спасъ ему жизнь и продолжалъ ему покровительствовать. Спарикъ много спрашивалъ объ его опчизнѣ: о пространствѣ и могуществѣ Англіи, о томъ, каковы ея произведенія и какъ велико число ея жителей. Пораженный опшвами Гриффиса, и чудесами, представляемыми его воображенію, онъ неоднократно повторялъ, что если бы не былъ такъ дряхлъ, то непременно посѣтилъ бы сію необыкновенную землю. Жители сего острова всѣ идолопоклонники, и табъ (1) составляетъ

(1) См. въ *Сѣверномъ Архивѣ*, 1827, № 20 и 21, спашью подъ заглавіемъ: *Плѣваніе къ Сандвичевымъ островамъ корабля la Blonde*. Спашья сія заключаетъ въ себѣ подробности о семъ спранномъ

главную часть ихъ богослуженія. Куири капища, власть жрецовъ и начальниковъ и вообще всѣ кладыща суть для нихъ священны. Запрещенія и повелѣнія *табу* исполняются ими строго, и малѣйшія нарушенія оныхъ наказываются смертію.

Не смотря на хорошее обращеніе престарѣлаго начальника и семейства его съ Грѣншсомъ, онъ не переставалъ сокрушаться о потерянной свободѣ своей, и уже послѣ одиннадцати-мѣсячнаго цѣлн, успѣвъ наконецъ возвратиться се, убѣжавъ къ непріятелямъ того племени, у котораго находился, ибо зналъ, что они имѣютъ сношеніе съ ближайшими островами. Принимавшій новыми повелѣніями своими благосклонно, Грѣншсъ старался внушить имъ, что онъ способенъ вести переговоры съ вышними народами, и можешь пріобрѣсти для нихъ чрезвычайныя выгоды. Онъ скоро предложилъ имъ достать съ сосѣднихъ острововъ огнестрѣльное оружіе и порохъ, любимѣйшіе предметы сихъ дикихъ и цѣнные имъ

установленіи, которое принято почти на всѣхъ островахъ, извѣстныхъ имъ, по новому раздѣленію въ Географіи, подъ общимъ названіемъ *Полинезіи* (Polynésie).

Пр. Русск. Пер.

выше всего. По поводу сему онъ получилъ лодку и отправился на островъ Святой Христины, лежащій около пятнадцати миль отъ *Руагуи*.

Англійскія и Американскія суда останавливаются иногда у сего острова для снабженія себя жизненными припасами. Тамъ ожидалъ онъ съ неперпизіемъ случая уйти. По двадцати-дневномъ пребываніи на острове Св. Христины, замѣшилъ онъ наконецъ въ открытомъ морѣ корабль подъ Англійскимъ флагомъ; немедленно бросается къ берегу, садится въ лодку и спешитъ на гребль подѣхавъ къ сему судну. Досигнувъ благополучно, онъ объявилъ себя экипажу Бришанскихъ подданныхъ, и былъ дружески принятъ на корабль. Судно сіе, называвшееся *Элиза*, недавно оставило Англію, и должно было до возвращенія во свояси обѣхавъ полуденныя моря. Счастливый матросъ служилъ на корабль *Элизъ* во все остальное его путешествіе, и наконецъ прибылъ на немъ за нѣсколько предъ симъ дней въ Плимутскую гавань.

Изъ Plymouth Telegraph.

Иванъ Бутовскій.

Мѣсяцъ Спрѣльня,
1827.

Исторія двухъ матросовъ, оставленныхъ на островъ Амстердамъ.

(Изъ Калыкутской Газеты.)

Въ Воскресенье, 4 Ноября 1827 года, Англійскій корабль Пальмира находился прошивъ острова Амстердама, или Св. Павла, лежащаго съ другимъ необитаемымъ островомъ подъ $77^{\circ} 5'$ западной долготы и подъ $37^{\circ} 57' 37''$ южной широты. Сіи два острова означающіеся на картахъ подъ сими именами безъ различія; мореходецъ Вламингъ открылъ оные въ 1697 году, и назвалъ островъ лежащій болѣе къ сѣверу Амстердамомъ, а лежащій къ югу островомъ Св. Павла; послѣдній больше, берега его приступистѣе, и вообще онъ извѣстнѣе перваго. Впрочемъ оба подъ однимъ меридіаномъ, отстоятъ одинъ отъ другаго на 17 миль, и въ ясную погоду видны за 20 миль.

Пальмира приближалась къ сѣверному острову. На разстояніи пяти миль отъ берега, матросы замѣтили густой дымъ. Капитанъ рѣшился идти впередъ, полагая, что спасшіеся отъ кораблекрушенія дадутъ знать о своемъ бѣдствіи. Въ милѣ отъ берега экипажъ увидѣлъ, что два человека

стояли на возвышеніи, и казалось, выжидали прибытія корабля. Одинъ изъ офицеровъ немедленно сѣлъ въ лодку, что бы узнать въ почтоспи о состояніи сихъ людей и, если нужно, подашь имъ помощь. Не прошло часу, какъ лодка возвратилась съ двумя незнакомцами.

Длиныя бороды и спрашная ихъ наружность, съ перваго взгляда возбуждали жалость и удивленіе. Вѣшная одежда ихъ вычищена была тюленьюю шкурою, нижнее платье и обувь сдѣланы были изъ кабаньихъ шкуръ. Одинъ имѣлъ 22 года отъ роду и назывался Яковъ Пенъ; другой былъ 40 лѣтъ, имя его Робертъ Прудфуръ; оба родились въ Единбургѣ, служили мажорантами, и обитали на семъ острову четырнадцать мѣсяцевъ.

Несчастные сіи вышли изъ Иль де Франса на шестидесяти - тонной шкунѣ Говерноръ Гуншеръ, отправленной изъ Фанъ Дименовой земли на тюленью ловлю. Въ Сенябрь 1826 года судно сіе прибыло къ сѣверному острову, который мы назвали Амстердамомъ. Сіи корабли обыкновенно оставляють часть экипажа на разныхъ островахъ, гдѣ водятся тюлени и морскіе львы; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвращающіяся за ними, и добышую ворвань и шку-

ры погрузають на корабль. Согласно сему обычаю, шкиперъ послалъ лодку съ кошломъ, нугунною печью, съ разными съвѣсными припасами, и съ большимъ количествомъ соли для соленья шюленыхъ кожъ. Пенъ и Прудфутъ были высажены со всею провизіею на берегъ, гдѣ они нашли двѣ довольно хорошія хижины, покрытыя дерномъ, вѣроятно служившія жилищемъ другимъ морякамъ. Лодка отправилась обратно къ шкунѣ — взявъ новой провизіи и еще чепырехъ мапросовъ; но едва прибыла къ своему мѣсту, какъ поднялся ужасный вѣтеръ; корабль былъ отнесенъ далеко въ море и исчезъ изъ виду. Такимъ образомъ два мапроса оставлены были на произволъ судьбы.

На другое утро, осматривая свою провизію, они увидѣли, что весь почти припасъ соли былъ испребленъ волнами, и ни у одного изъ нихъ не было ножа (случай весьма рѣдкій). Пенъ позабылъ свой ножъ на лодкѣ, а Прудфутъ отдалъ свой на время одному мапросу. Вся ихъ одежда ограничивалась тѣмъ, что было на нихъ. Они, какъ кажется, были очень бережливы на провизію, ибо пользовались ею по мѣсяцамъ; но по прошествіи сего времени, доставали себѣ пищу разными способами.

Разумѣется, что въ семъ несчастномъ положеніи, они, первый мѣсяцъ, день и ночь сперегли, не пройдушъ ли корабли, и хопи замѣтили многіе, но они проходили на большемъ разстояніи отъ острова. Послѣдній былъ Гоце, шедшій въ фанъ-Дименову землю. Въ Ноябрь 1826 года судно сіе было за нѣсколько миль отъ острова, и послало шуда лодку для ловли морскихъ звѣрей. Пенъ и Прудѣушъ пошчасъ побѣжали къ берегу, и окликавъ лодку, дали знашь о своемъ положеніи; офицеръ оповѣчалъ имъ, что увидишь о томъ своего Капитана, и будешь дѣйствовать согласно предписанію начальника. Офицеръ повхалъ обращю къ кораблю, но несчастные съ горестію увидѣли, что лодка была поднята, и корабль продолжалъ свой путь. Они еще не опчаявались, поелику сіе случилось въ первые мѣсяцы, когда еще съѣстныхъ припасовъ у нихъ было довольно. Съ того времени до появленія Пальмиры, то есть, въ продолженіе цѣлаго года, ни одинъ корабль не проходилъ мимо острова Амстердама. Вышеупомянутый начальникъ шкуны, вѣроятно, ошибся въ островахъ; ему нужно было бы производить ловлю на южномъ островѣ, то есть Св. Павла, гдѣ морскіе звѣри находяшся въ изобиліи; на сѣверномъ же Пенъ

и Прудфушъ убили только семь тюленей въ печеніе 14 мѣсяцевъ. Сіи два мапроса также думали, что находящіяся на островѣ Св. Павла; желая открыть Амстердамъ, часто смотрѣли къ сѣверу, и удивлялись, не примѣчая онаго, пошому что въ ясную погоду сіи два острова видны. Заблужденіе сіе послужило имъ ко вреду; если бы наши мапросы перѣехали на островъ Св. Павла, то нашли бы тамъ горячіе источники, температура коихъ споль высока, что можно варить въ нихъ рыбу, которую легко ловить въ ближнемъ источникѣ. Джонъ Коксъ былъ на семъ островѣ въ 1790 году, и замѣтивъ, что Фарентейшовъ термометръ поднимается въ сихъ источникахъ на 190 градусовъ; вкипавъ его, наловивъ рыбы на взморѣ, кидалъ ее потчасъ въ источникъ; чрезъ пять минутъ она была сварена. Пенъ и Прудфушъ не имѣли сихъ средствъ; они лишены были даже всякихъ орудій, но судьба имъ помогла: на одной скалѣ нашли они иглу, старый ножъ и большой гвоздь; прицѣпивъ къ веревкѣ, употребляли оный вмѣсто уды, и начали заниматься рыбною ловлею; но такимъ образомъ ловили они одинъ родъ рыбы, называемый мапросами шрубою, изъ раковинъ доспавали они только *блюдечко* (лерас). Въ водѣ

былъ большой недосташпокъ. На каменншомъ оспровѣ, покрышомъ только двумя или тремя слоями земли, не было испочниковъ; они принуждены были искашь дождевыхъ лужъ, и иногда бѣжали нѣсколько миль для упо-ленія жажды.

Въ семь оспровѣ водилсь много кабановъ, но наши два машроса во все время убили только пять. Они должны были преслѣдовашъ ихъ бѣгомъ и убивашъ палками. Однажды поймали нѣсколько поросятъ, которые не умѣли догнашь своихъ машокъ. Сей день былъ большимъ праздникомъ для нашихъ двухъ Робинзоновъ.

Время считали они, дѣлая ежедневно знаки на обручѣ; но ошиблись двумя днями: по ихъ счесу было вшорое число Ноября, а Цальмира прибыла четтвершаго.

Большая густая шрава (шузанъ) мѣшала имъ ходишь по землѣ: они зажгли ее, и говоряшь, что пожаръ распространился по всему оспрову.

Наши Робинзоны пробовали дѣлать лужки и спрѣлы, но вѣшви кустарниковъ были слишкомъ хрупки. Все доставали руками; рыбы не могли сохраняшь долго, по недосташку соли, и пищу употребляли безъ всякихъ приправъ. Иногда по три дни ничего не ѣли.

Они имѣли кремень; но когда шрушь вышелъ, то не могли замѣнить онаго никакимъ распеніемъ; въ послѣднее время они весьма заботились о сохраненіи огня въ хижинѣ, особенно ночью, ибо никакими средствами не могли бы добыть его, если бы онъ пошухъ.

Священный огонь сей былъ причиною всегдашняго спора; младшій изъ нихъ всегда засыпалъ, и Прудфушь долженъ былъ сидѣть у очага. Когда они оба уходили изъ хижины, то покрывали оный дерномъ, иногда уносили съ собою зажженный шурфъ.

Гогебургъ увѣрялъ, что оспровъ сей имѣетъ 12 миль въ окружности, но машросы полагаютъ 20 миль: ибо обощли оный не менѣе, какъ въ день. Однажды взошли они на самую высокую гору, и удостовѣрились, что она была пошухшая сопка: жерло ея имѣло 100 ярдовъ въ діаметръ, а глубину неизмѣримую. Оспровъ покрытъ правою и густымъ кустарникомъ; сухая трава служила нашимъ машросамъ посщелью.

Зима была холодна, но безъ снѣга; очень часто были изморози и падалъ градъ. Они во все время были здоровы; одинъ только разъ Прудфушь упалъ въ рышвину и ушибъ себѣ ногу, что заставило его пролежать чешыре мѣсяца.

Изъ птицъ ловили они пепрелей; мясо ихъ было сухое и ошзывалось рыбой; но яйца были хороши; мясо кабановъ было также жестко и безъ жира. Албашросы высиживали яйца въ самыхъ неприспущныхъ мѣстахъ, гдѣ невозможно было дославашъ оныхъ.

4-го Ноября машросы наши съ великою радостію замѣтили Пальмиру. Пенъ предчувствовалъ минушу своего освобожденія. Пруданшъ, менѣе легковѣрный, смѣялся щещешной надеждѣ своего шоварица.

Однако жъ, видя приближеніе корабля, они сошли съ холма, на кошоромъ находились, и что бы дашь знашь о своемъ положеніи, развели большой огонь. Нельзя описашъ радости нашихъ машросовъ, когда корабль поднялъ флагъ; наконецъ увѣрились они, что насшупила минуша ихъ освобожденія: сильный бурунь препяшщивовалъ кораблю приблизинься къ берегу. Рулевой на лодкѣ окликнулъ нашихъ Робинзоновъ. Пенъ узналъ голосъ своего шшурмана. Къ сшасщію, они имѣли довольно длинную веревку, кошорую хинули къ лодкѣ: шакимъ образомъ пришпанули ея къ берегу и вошли въ оную.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВЫЯ ПОЛЬСКІЯ КНИГИ.

1 8 2 8.

25. *Melitele, powrocznik. Wydany przez Antoniego Edwarda Odynca. Мелителе, книжка на новый годъ, изданная Антоніемъ Эдвардомъ Одынцемъ. Варшава, въ тип. А. Галензовскаго и ком. 255 стр. въ 12.*

(Подъ симъ заглавіемъ вышелъ въ Варшавѣ новый, Польскій Альманахъ на сей 1829 годъ. *Мелителе* было имя Флоры Лишовской. — Издатель сего Альманаха, или *Новогодника*, самъ отличный Поэтъ, собралъ въ своей книжкѣ лучшія новѣйшія произведенія Польскихъ Музъ. Между сими цвѣтами Лишовской Флоры, красующся и благоухающъ пѣшь прелестныхъ цвѣшковъ Адама Мицкевича, перваго изъ Польскихъ Поэтовъ нашего времени. Особенное же замѣчаніе заслуживающъ его *Фарисъ*, Арабская повѣсть или Кассида, и *Засада* (Czaty), Украинская Баллада. Изъ прочихъ Повшовъ Польскихъ, самъ Издатель Г.

Одминець, также Гг. Юліанъ Намцевичъ, Іосифъ Залъскій, Стефанъ Вишвицкій, А. Ходзько и еще нѣкошорые другіе принесли также прекрасныя дары богинѣ Мелишелъ. Изъ прозаическихъ пьесъ особенно замѣчательны двѣ повѣсти, изъ коихъ первая сочинена Г-жею Таньскою, сочинительницею прекрасной книги: *Память Доброй Матери*, извѣстной и у насъ по весьма хорошему переводу одной дамы; а вторая (*Подданный*) сочинена Г. Игнашіемъ Ходзько. Всѣхъ стихотвореній въ этомъ Альманахѣ болѣе 60; прозаическихъ пьесъ только 6; именъ сочинителей (включая въ то число двухъ дамъ) 22. Наружный видъ сей книжки не соотвѣтствуетъ внутреннему ея достоинству: она напечатана некрасивымъ шрифтомъ, на весьма посредственной бумагѣ; форматы также слишкомъ велики для Альманаха. Приложенные къ нему, поршрешъ Польскаго Стихотворца Іосифа Липинскаго и при вида развалины древнихъ Липовскихъ замковъ (Новогрудскаго, Троцкаго и Виленскаго), липографированы не весьма искуснымъ художникомъ и оппечатаны дурно. — Кромѣ липографир. картинокъ, въ Мелишеле есть еще noch одной пѣсенки на два голоса, положенной на музыку извѣстною виршуозкою, Г-жею Шимановскою. Аль-

манахъ сей можно безъ всякой напѣжки сравнишь съ шѣми людьми, которые не ма- няшъ къ себѣ наружносшью, но привязыва- юшъ прочно и надолго превосходными ка- чествами ума и сердца.

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛЮГРАФІЯ.

Н О В Ы Я к н и г и .

1 8 2 8 .

П о э з і я .

38. *Стихотворенія Ивана Козлова*. С. П. бургъ, въ шип. Депарш. Народн. Просв. 1828. 142 стр. въ 8.

Тихая горестъ, терпѣливо и безропотно сносящая бѣдствія, но уныло выражающаяся въ томныхъ звукахъ; порою воспоминанія о минувшемъ, о лучшихъ дняхъ жизни; чувство истинное и глубокое, дзыкъ вездѣ правильный и благородный, стихосложе- ніе плавное и сладко-звучное — вошъ оплочи- щенныя чершъ собшвенныхъ произведеній

И. И. Козлова. Поэтическія его предложенія (изъ Тасса, Байрона, В. Скотта, Т. Мура, А. Шенье, Мицкевича и проч.) замѣчательны, кромѣ достоинства стиховъ и слога, по той вѣрности, съ какою Поэтъ нашъ умѣетъ схватить и передать духъ каждаго стихотворенія чужезычнаго. Для примѣра приведемъ одно мѣсто изъ Тасса (*явленіе усопшей Клоринды Танкреду.*)

„Объ ней зарей и вечеромъ объ ней
Крушится онъ и плачетъ и сенаетъ:
Такъ въ шемну ночь тоскуя соловей,
Когда ловецъ жестокой похищаетъ
Его еще невскормленныхъ дѣтей,
Поетъ и боръ печально оглашаетъ.
Въ томлени силъ невольно легкимъ сномъ
Забылся онъ передъ румянымъ днѣмъ.

Выпишемъ эту самую *оттаву* подлинника, чтобы любители Италіанской Поэзіи могли легче сдѣлать повѣрку, весьма выгодную для Русскаго предлагателя:

Lei nel partir, lei nel tornar del sole,
Chiama con voce stanca, e prega, e plora;
Come usignuol, cui'l villan duro invole
Dal nido i figlj non pennuti ancora;
Che in miserabil canto, afflitte, e sole
Piange le notti, e n'empie i boschi, e l'ora.
Alfin col nuovo di rinchiude alquanto
I lumi; e'l sonno in lor serpe fra'l pianto.

TASSO. *Gerusalemme Liberata.*
Canto XII, ottava 90.

Замѣнить, что предлагатель не придерживался здѣсь въ точности словъ подлинника, но передалъ намъ совершенно и въ той же мѣрѣ впечатлѣнія, которыя производишь въ насъ сіе мѣсто въ Поэмѣ Тассовой. Такова, по нашему мнѣнію, должна быть цѣль поэтическихъ преложеній; и если цѣль сія хорошо выполнена, то переводъ стихотворенія чужезычнаго смѣло можно назвать образцовымъ.

Конецъ сто двадцать второй части.

О П Е Ч А Т К И

въ 21 и 22 книжкахъ.

Напечатано:

Читай:

Стр. строк.

79	16	Краснорѣчія	Краснорѣчіе
—	19	nascitur	nascuntur
85	10	правилами	началами
86	6	изъяснишь	изъясняшь
88	23	главы	слова
91	14	побаловашь	не баловашь
93	26	воспользуюсь	вопросъ
94	15	Граммашики дол-	Граммашика дол-
		жна	жна
97	6	неужели	нужно ли
100	19	поняшія имени	поняшія

О Г Л А В Л Е Н И Е

СТО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стр.

I. Изящная Словесность.

1. Ошрывки изъ Романа: Врачь Исповѣдникъ 3
2. Германская Лубреція 193

II. Критика.

- Замѣчанія на книгу: Военное Краснорѣчіе 67

III. Технологія.

- О пишашельныхъ веществахъ и ихъ сбереженіи 102

IV. Новая Исторія.

- Походъ Наполеона въ Египетъ 128

V. Политическая Экономія.

- Письмо о деньгахъ и торговлѣ 293

VI. Путешествія.

1. Пѣнь Англійскаго машроса 346
2. Исторія двухъ машросовъ, оставлен-ныхъ на островъ Амстердамъ 354

VII. Стихотворенія.

1. На кончину Государыни Императрицы
Маріи Феодоровны 180
2. Увядшій цвѣшокъ 184

	Стр.
VIII. Современная Русская Библиография	187
	364
IX. Иностранная Литература	184
	362
